

РОБЕРТ ИВАНОВИЧ

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

МЫ ДОЛГОЕ ЭХО ДРУГ ДРУГА

Книги, изменившие мир. Писатели, объединившие поколения.

русская классика

Мы долгое эхо друг друга

Роберт Иванович Рождествен-ский

Аннотация
Роберт Рождественский. Мы долгое эхо друг друга
Стихотворения
Поэмы
Автобиография

Аннотация

Яркость слова, красота языка, точность формулировок, искренность и умение говорить просто даже о самых сложных вещах помогли Роберту Рождественскому стать народным поэтом, чьи стихи знает вся страна.

Его произведения отличались особой лиричностью и мелодичностью, благодаря которым превращались в песни, звучавшие в самых популярных кинофильмах того времени. Многие строки до сих пор на слуху: «Не думай о секундах свысока», «Мои года – мое богатство», «Я прошу, хоть ненадолго, грусть моя, ты покинь меня», «А эта свадьба, свадьба, свадьба пела и плясала» и др.

Темы стихов Роберта Рождественского актуальны во все времена: это любовь и дружба, верность долгу и честность перед собой, удары судьбы и вызовы, на которые приходится отвечать обычным людям, сильным и слабым одновременно…

Роберт Рождественский
Мы долгое эхо друг друга

© Р. Рождественский, наследники, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

* * *

Стихотворения

Баллада о таланте, боге и черте
Все говорят:
«Его талант — от бога!»
А ежели — от черта?

Что тогда?..

Выстраиваясь медленно в эпоху,
ни шатко и ни валко
шли года.
И жил талант.
Больной.
Нелепый.
Хмурый.
Всего Гомера знавший назубок,
Его считал
своею креатурой
тогда еще существовавший
бог.
Бог находил, что слог его прекрасен,
что на земле таких —
наперечет!..

Но с богом был, конечно, не согласен

тогда еще не отмененный
черт.
Таланту черт шептал:
«Опомнись,
бездарь!
Кому теперь стихи твои нужны?!
Ведь ты, как все,
погибнешь в адской бездне.
Расслабься!
Не отягощай вины».
И шел талант в кабак.
И —
расслаблялся.
Он пил всерьез!
Он вдохновенно
пил!
Так пил,
что черт глядел и умилялся.
Талант
себя талантливо
губил!..

Бог
тоже не дремал!
В каморке утлой,
где — стол,
перо

и пузырек чернил,
бог возникал
раскаяньем наутро,
загадочными строчками
дразнил…
Вставал талант,
почесываясь сонно.
Утерянную личность
обретал.
И банка
огуречного рассола
была ему нужнее,
чем нектар…
Небритый.
С пересохшими губами.
Упрямо ждал он
часа своего…

И строки
на бумаге
проступали,
как письмена, —
отдельно от него.

И было столько гнева и напора
в самом возникновенье
этих строк!..

Талант, как на медведя,
шел
на бога!
И черта
скручивал
в бараний рог!..
Талант работал.
Зло.
Ожесточенно.
Перо макая
в собственную боль.
Теперь он богом был!
И был он чертом!
А это значит:
был
самим собой.
И восходило солнце
над строкою!..

Крестился черт.
И чертыхался бог.
«Да как же смог он
написать
такое?!»
...А он
еще и не такое
мог.

Школьным учителям
Удачи вам,
сельские и городские
уважаемые учителя!
Добрые,
злые
и никакие
капитаны
на мостике корабля.

Удачи вам,
дебютанты и асы,
удачи!
Особенно по утрам,
когда вы входите
в школьные классы,
одни — как в клетку,
другие — как в храм.
Удачи вам,
занятые делами,
которых не завершить
все равно.
Накрепко
скованные кандалами
инструкций
и окриков из РОНО.
Удачи вам,

по-разному
выглядящие,
с затеями
и без всяких затей,
любящие
или же ненавидящие
этих —
будь они трижды —
детей...
...Вы знаете,
мне по-прежнему верится,
что, если останется жить Земля, —
высшим достоинством
Человечества
станут
когда-нибудь
учителя!

Не на словах,
а по вещей
традиции,
которая
завтрашней жизни под стать,
Учителем
надо будет
родиться.
И только после этого

стать!
Он,
даже если захочет,
не спрячется:
на него,
идущего ранней
Москвой,
станут прохожие
оборачиваться,
будто бы на оркестр
духовой!
В нем будет мудрость
талантливо-дерзкая,
он будет солнце
нести на крыле…
Учитель —
профессия дальнего действия.
Главная
на Земле.

* * *

Красивая женщина —
это профессия.
И если она
до сих пор не устроена,
ее осуждают.

И каждая версия
имеет своих
безусловных
сторонников.
Ей,
с самого детства вскормленной
не баснями,
остаться одною,
а значит,
бессильною,
намного страшнее,
намного опаснее,
чем если б она не считалась
красивою.
Пусть вдовы
листают романы
прошедшие,
пусть бредят дурнушки
заезжими принцами.
А в редкой профессии
сказочной
женщины
есть навыки,
тайны,
и строгие принципы.
Идет она молча

по улице трепетной,
сидит как на троне
с друзьями заклятыми.
Приходится жить —
ежедневно расстрелянной
намеками,
слухами,
вздохами,
взглядами…
Подругам
она улыбается весело.
Подруги ответят
и тут же обидятся…
Красивая женщина —
это профессия.
А все остальные —
сплошное
любительство.

Будьте первыми!
Если вы есть —
будьте первыми!
Первыми —
кем бы вы ни были.
Из песен —
лучшими песнями.
Из книг —

настоящими книгами.
Первыми будьте!
И только.
Песенными,
как моря.
Лучше
второго художника
первый
маляр!

Спросят вас
оробело:
«Что же тогда окажется?
Ежели все
будут первыми,
кто
пойдет
в замыкающие?..»
А вы трусливых
не слушайте!
А вы их сдуйте как пену.
Если вы есть —
будьте лучшими!
Если вы есть —
будьте первыми!
Если вы есть —
попробуйте

горечь
зеленых побегов.
Примериваясь,
потрогайте
великую ношу
первых.
Как самое
неизбежное,
взвалите ее
на плечи…

Если вы есть —
будьте первыми!
Первым — трудней.
И легче.

Байкальская баллада
Их напрасно весь день искали.
Вдалеке
от привычных дорог
катерок посадило на камни.
Уходил на дно
катерок.
Экипаж катерочка —
четверо,
да еще пассажирка одна…
Видно, так судьбою начертано,

что вода
чересчур холодна.

Знали все
(зачем утешаться
и надеяться на чудеса?) —
в этом климате можно держаться
на поверхности
полчаса,
а потом…
Да ну его к черту!
Все равно не спасется никто…
Капитан
взглянул на девчонку:
— Парни,
ей-то это
за что?!
Мы
пожили не так уж мало,
а она
всего ничего…
Но ведь есть на катере
мачта!
Это ж —
лодка на одного!..
И не надо, сестренка, плакать…
Мы немножко

обманем смерть…

А она:
— Не умею плавать… —
Он:
— Тебе и не надо уметь!..
Мы привяжем тебя,
спеленаем —
не утонешь во веки веков…
Только ты постарайся, родная,
доплыви за нас,
мужиков.
Может, холод взять не успеет…
В общем,
кончим этот базар!
Передашь наши письма на берег.
Приготовься.
Я все сказал…

…Первый написал коротко:
«Извини за почерк —
холодно.
Извини за кляксы —
мокро.
Так и потонуть
можно.
Если не придет к нам

спасенье,
выйди замуж.
Твой Сеня...»

А второй
на лоб сдвинул шапку.
Передал письмо.
Ножкой шаркнул.
А в письме:
«Натаха!
Рыдать погоди!
Слезы
неполезны для красавицы...
Мы еще поплаваем!
Все впереди!
Все впереди,
кроме задницы...»

Третий
к рубке вздыбленной
плечом привалился,
шевелил губами —
широк да невезуч.
То ли — матерился,
то ли — молился,
то ли — что-то важное
учил наизусть.

«Бывшая жена моя,
кончай свою дележку —
простыни-подушки,
чашки-сапоги…
Сбереги Алешку!
Алешку.
Алешку.
Сбереги мне
сына.
Алешку
сбереги…
Знаю, что меня ты
любила
понарошку.
Но теперь —
хоть мертвому! —
перечить не моги:
сбереги Алешку.
Алешку.
Алешку.
Я тебя прощаю.
Алешку сбереги!..»

А четвертый
буркнул нехотя:
— Некому писать!..
Да и — некогда…

…Письма спрятаны в целлофане.
(Лица мокрые,
будто в крови.)
Помолчали.
Поцеловали.
И сказали глухо:
— Живи… —
Подступившие слезы вытерши,
привязали,
сказали:
— Выдержи… —
оттолкнули,
сказали:
— Выплыви… —
И смотрели вслед,
пока видели…

И плыла она по Байкалу.
И кричала,
сходя с ума!
То ль —
от гибели убегала,
то ли —
к гибели
шла сама.
Паутинка ее дыханья
обрывалась у самого

рта.
И накатывалась,
громыхая,
фиолетовая темнота!
И давили
чужие письма.
И волна как ожог была…
Почтальонша,
самоубийца —
все плыла она,
все плыла.
Все качалась
под ветром
отчаянным,
ослепительным,
низовым…
И была она
Чрезвычайным
Полномочным Послом
к живым!
Долгим эхом,
посмертным жестом,
вдовьим стоном
на много дней…

…А потом
вертолетный прожектор,

чуть качаясь
повис
над ней.

Баллада о молчании
Был ноябрь
по-январски угрюм и зловещ,
над горами метель завывала.
Егерей
из дивизии «Эдельвейс»
наши
сдвинули с перевала.

Командир поредевшую роту собрал
и сказал тяжело и спокойно:
— Час назад
меня вызвал к себе генерал.
Вот, товарищи,
дело какое:
Там — фашисты.
Позиция немцев ясна.
Укрепились надежно и мощно.
С трех сторон — пулеметы,
с четвертой — стена.
Влезть на стену
почти невозможно…
Остается надежда

на это «почти».
Мы должны —
понимаете, братцы? —
нынче ночью
на чертову гору
вползти.
На зубах —
но до верха добраться!..» —

А солдаты глядели на дальний карниз,
и один —
словно так, между прочим, —
вдруг спросил:
— Командир,
может, вы — альпинист?.. —
Тот плечами пожал:
— Да не очень...
Я родился и вырос в Рязани,
а там
горы встанут,
наверно, не скоро...
В детстве
лазал я лишь по соседским садам.
Вот и вся «альпинистская школа».
А еще, —
(он сказал, как поставил печать!) —
там у них —

патрули!
Это значит:
если кто-то сорвется,
он должен молчать.
До конца.
И никак не иначе… —

…Как восходящие капли дождя,
как молчаливый вызов,
лезли,
наитием находя
трещинку,
выемку,
выступ.
Лезли,
почти сроднясь со стеной, —
камень
светлел под пальцами.
Пар
поднимался над каждой спиной
и становился
панцирем.
Молча
тянули наверх свои
каски,
гранаты,
судьбы.

Только дыхание слышалось
и
стон
сквозь сжатые зубы…

Дышат друзья.
Терпят друзья.
В гору
ползет молчание.
Охнуть — нельзя.
Крикнуть — нельзя.
Даже —
слова прощания.
Даже —
когда в озноб темноты,
в черную прорву
ночи,
все понимая,
рушишься ты,
напрочь
срывая
ногти!
Душу твою ослепит на миг
жалость,
что прожил мало…
Крик твой истошный,
неслышный крик

мама услышит.
Мама…

…Лезли
те,
кому повезло.
Мышцы
в комок сводило, —
лезли!
(Такого
быть не могло!!
Быть не могло.
Но — было…)
Лезли,
забыв навсегда слова,
глаза напрягая
до рези.
Сколько прошло?
Час или два?
Жизнь или две?
Лезли!
Будто на самую
крышу войны…
И вот,
почти как виденье,
из пропасти
на краю стены

молча
выросли
тени.
И так же молча —
сквозь круговерть
и колыханье мрака —
шагнули!
Была
безмолвной, как смерть,
страшная их атака!
Через минуту
растаял чад
и грохот
короткого боя…

Давайте и мы
иногда
молчать,
об их молчании
помня.

Ноктюрн
Между мною и тобою — гул небытия,
звездные моря,
тайные моря.
Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,

странная моя?
Если хочешь, если можешь — вспомни обо мне,
вспомни обо мне,
вспомни обо мне.
Хоть случайно, хоть однажды вспомни обо мне,
долгая любовь моя.

А между мною и тобой — века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильней люблю.

Как тебе сейчас живется, вешняя моя,
нежная моя,
странная моя?
Я тебе желаю счастья, добрая моя,
долгая любовь моя!

Я к тебе приду на помощь, — только позови,
просто позови,
тихо позови.
Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!

Только ты останься прежней — трепетно живи,
солнечно живи,
радостно живи!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи,
счастливо живи всегда.

А между мною и тобой — века,
мгновенья и года,
сны и облака.
Я им к тебе сейчас лететь велю.
Ведь я тебя еще сильней люблю.

Пусть с тобой все время будет свет моей любви,
зов моей любви,
боль моей любви!
Что бы ни случилось, ты, пожалуйста, живи.
Счастливо живи всегда.

Эхо любви
Покроется небо
пылинками звезд,
и выгнутся ветки упруго.
Тебя я услышу за тысячу верст.
Мы — эхо,
Мы — эхо.
Мы —

долгое эхо друг друга.

И мне до тебя,
где бы ты ни была,
дотронуться сердцем нетрудно.
Опять нас любовь за собой позвала.
Мы — нежность,
Мы — нежность.
Мы —
вечная нежность друг друга.

И даже в краю наползающей тьмы,
за гранью смертельного круга,
я знаю, с тобой не расстанемся мы.
Мы — память,
Мы — память.
Мы —
звездная память друг друга.

Радиус действия
Мне все труднее
пишется.
Мне все сложнее
видится.
Мгновеньями летят года, —
хоть смейся,
хоть реви…
И я из дома убежал,

чтоб наконец-то вырваться
из радиуса действия
обыденной любви.

Я был самонадеян.
Сел в самолет.
Обрадовался.
От молчаливой женщины
решительно уехал.
Но все равно остался
в знакомом очень радиусе.
Слова ее,
глаза ее
во мне звучали
эхом.
Невероятный радиус!
Как от него избавиться?
Непостижимый радиус!
Нет никакого сладу.
И я на этом радиусе —
как на булавке
бабочка…
И больно мне,
и весело,
и тяжело,
и сладко…
О, радиусы действия!

Радиусы действия!
Они — во мне, они — в любом,
и никакой
межи!
Есть радиусы действия
у гнева и у дерзости.
Есть радиусы действия
у правды и у лжи.
Есть радиусы действия
у подлости и злобы —
глухие
затаенные,
сулящие беду...
Есть радиусы действия
единственного слова.
А я всю жизнь ищу его.
И, может быть,
найду.
А может,
мне
не суждено...
Летят неразделенные
года!
Но, вопреки всему,
я счастлив
оттого,

что есть на свете женщина,
судьбой приговоренная
жить
в радиусе действия
сердца моего!..

Снег
Этой ночью
первый снег летел в окно.
Этим утром
снег идти не перестал…
Так идет он,
будто кто-то озорно,
как бутылку,
все окрестности взболтал.
И не знает снег,
куда лететь ему,
где найти ему
местечко для жилья.
И забыл он, где земля,
зачем земля,
почему трава и зелень почему.
То идет он сверху вниз,
то снизу вверх —
озабоченный,
растерянный,
чудной…

Я прекрасно понимаю
первый снег,
потому что так же было и со мной.
Время встало.
А потом пошло назад!
Все часы на свете
канули во тьму.
И забыл я, что сказать.
Зачем сказать.
Почему смеяться,
плакать почему.
Шла за осенью
весна,
потом —
зима.
Позабыл я все слова,
все имена.
Позабыл я даже то,
как ты нужна, —
ты об этом мне напомнила
сама.
Очень гордая,
сама пришла ко мне,
равнодушие обидное стерпя.

На твоих ресницах
тает первый снег…

Что б я делал,
если б не было тебя?!

* * *

Не убий! —
в полумраке
грошовые свечи горят…
Из глубин
возникают слова
и становятся в ряд.
Если боль
и набухли кровавые кисти рябин,
если бой, —
кто услышит твое:
«Не убий…»?

Мы слышны
только самым ближайшим
друзьям и врагам.
Мы смешны,
если вечность
пытаемся бросить к ногам.
Есть предел
у цветка,
у зари
и у сердца в груди.

Мир людей.
И над каждым библейское:
«Не укради!..»
Мир
дрожит,
будто он искупался
в январской воде…
Надо
жить!
У последней черты.
На последней черте.
Думать всласть.
Колесить, как товарный вагон.
И не красть.

Разве что —
у богов.
Огонь.

* * *

Я верующим был.
Почти с рожденья
я верил с удивленным наслажденьем
в счастливый свет
домов многооконных…
Весь город был в портретах,

как в иконах.
И крестные ходы —
порайонно —
несли
свои хоругви и знамена…

А я писал, от радости шалея,
о том, как мудро смотрят с Мавзолея
на нас вожди «особого закала».
(Я мало знал.
И это помогало.)
Я усомниться в вере
не пытался.

Стихи прошли.
А стыд за них
остался.

* * *

Надо верить в обычное.
Надо рассчитывать
здраво.

У поэтов
с убийцами,
в сущности, равная слава.
Кто в веках уцелел?

Разберись в наслоенье мотивов…
Мы не помним царей.
Помним:
были Дантес и Мартынов.
Бесшабашные,
нервные,
святые «блюстители долга».
Ну подумаешь,
невидаль:
однажды вспылили —
и только!
За могильной оградою
все обвиненья напрасны…
Пахнут
их биографии
лишь типографскою краской.
Вот они на портретах
с улыбками благопристойными.
Так что цельтесь в поэтов —
и вы попадете
в историю!

* * *

Филологов не понимает физтех, —
молчит в темноте.
Эти

не понимают тех.
А этих —
те.
Не понимает дочки своей
нервная мать.
Не знает, как и ответить ей
и что понимать.
Отец считает, что сыну к лицу
вовсе не то.
А сын не может сказать отцу:
«Выкинь пальто!..»
Не понимает внуков своих
заслуженный дед…

Для разговора глухонемых
нужен свет.

* * *

А. Пахмутовой

Вроде просто:
найти и расставить слова.
Жаль, что это все реже.
И все больней…
Вновь бумага лежит —
ни жива ни мертва —
будто знает,

что ты прикоснешься к ней.

Но ведь где-то есть он,
в конце концов,
тот —
единственный,
необъяснимый тот —
гениальный порядок
привычных нот,
гениальный порядок
обычных слов.

О мастерах
Мир стареет
в былых надеждах.
Но сегодня,
как и вчера —
на плечах
эту землю держат
и несут на себе
мастера!
Мастера.
Профессионалы.
Те, что в жизни постичь смогли
щедрость камня,
душу металла,
свежесть формулы,

нрав земли.

Мастера.
Мастаки.
Умельцы.
Понимающие до глубин
механизм
станка или сердца,
ход смычка
или гул турбин…
Руки вещие простирая
к перекресткам
звездных миров,
время
движется мастерами
и надеется
на мастеров!
К ним взывает
нощно и денно…

Только —
дьявол ее возьми! —
приблизительность
овладела
торопящимися людьми.
Что-то учат,
о чем-то знают,

в общем — сеют,
в среднем — стригут.
Приблизительно
объясняют.
Относительно
берегут…

Приблизительное уменье,
как сварганенный наспех
дом, —
если даже не мстит
немедля,
то обрушивается
потом!
Откликается после
жестко,
все порывы
сводит на нет…
Мир
погибнет не от обжорства,
не от козней
чужих планет,
не от засух,
не от морозов,
не от ядерных
сверхатак, —
он погибнет,

поверив в лозунг
добродушный:
«Сойдет и так!»
Расползающееся в атмосфере
из квартир,
контор
и дворов
громовое:
«А нам до фени!» —
наступает
на мастеров.

А они стоят,
будто крепости,
в правоте
своего труда.
И не могут иначе.
И требуются
срочно!
спешно!
всюду!
всегда!

* * *

Помогите мне, стихи!
Так случилось почему-то:

на душе
темно и смутно.
Помогите мне,
стихи.
Слышать больно.
Думать больно.
В этот день и в этот час
я —
не верующий в Бога —
помощи прошу у вас.
Помогите мне,
стихи,
в это самое мгновенье
выдержать,
не впасть в неверье.
Помогите мне,
стихи.
Вы не уходите прочь,
помогите, заклинаю!
Чем?
А я и сам не знаю,
чем вы можете
помочь.
Разделите эту боль,
научите с ней расстаться.
Помогите мне

остаться
до конца
самим собой.
Выплыть.
Встать на берегу,
снова
голос
обретая.

Помогите…

И тогда я
сам
кому-то помогу.

Баллада о зенитчицах
Как разглядеть за днями
след нечеткий?
Хочу приблизить к сердцу
этот след…
На батарее
были сплошь —
девчонки.
А старшей было
восемнадцать лет.
Лихая челка
над прищуром хитрым,
бравурное презрение к войне…

В то утро
танки вышли
прямо к Химкам.
Те самые.
С крестами на броне…
И старшая,
действительно старея,
как от кошмара
заслонясь рукой,
скомандовала тонко:
— Батарея-а-а!
(Ой мамочка!..
Ой ро́дная!..)
Огонь! —
И —
залп!

…И тут они
заголосили,
девчоночки.
Запричитали всласть.
Как будто бы
вся бабья боль
России
в девчонках этих
вдруг отозвалась!..
Кружилось небо —

снежное,
рябое.
Был ветер
обжигающе горяч.
Былинный плач
висел над полем боя,
он был слышней разрывов —
этот плач!
Ему —
протяжному —
земля внимала,
остановясь на смертном рубеже.
— Ой, мамочка!..
— Ой, страшно мне!..
— Ой, мама!.. —
И снова:
— Батарея-а-а! —

...И уже
пред ними,
посреди земного шара,
левее безымянного бугра
горели
неправдоподобно жарко
четыре черных
танковых костра.
Раскатывалось эхо над полями,

бой
медленною кровью истекал…
Зенитчицы кричали
и стреляли,
размазывая слезы по щекам.
И падали.
И поднимались снова.
Впервые защищая наяву
и честь свою
(в буквальном смысле слова!).
И Родину.
И маму.
И Москву.
Весенние пружинящие ветки.
Торжественность
венчального стола.
Неслышанное:
«Ты моя — навеки!..»
Несказанное:
«Я тебя ждала…»
И губы мужа.
И его ладони.
Смешное бормотание
во сне.

И то, чтоб закричать
в родильном

доме:
— Ой, мамочка!
Ой, мама, страшно мне! —
И ласточку.
И дождик над Арбатом.
И ощущенье
полной тишины…

Пришло к ним это после.
В сорок пятом.
Конечно, к тем,
кто сам пришел
с войны.

* * *

Дружище, поспеши.
Пока округа спит,
сними
нагар с души,
нагар пустых обид.

Страшась никчемных фраз,
на мотылек свечи,
как будто в первый раз,
взгляни
и промолчи…

Придет заря, шепча.
Но —
что ни говори —
бывает, что свеча
горит
светлей зари.

* * *

Булату Окуджаве

Я шагал по земле, было зябко в душе и окрест.
Я тащил на усталой спине свой единственный крест.
Было холодно так, что во рту замерзали слова.
И тогда я решил этот крест расколоть на дрова.
И разжег я костер на снегу.
И стоял.
И смотрел,
как мой крест одинокий удивленно и тихо горел…
А потом зашагал я опять среди черных полей.
Нет креста за спиной…

Без него мне
еще тяжелей.

* * *

Е. Евтушенко

Такая жизненная полоса,
а может быть, предначертанье свыше.
Других
я различаю голоса,
а собственного голоса
не слышу.
И все же он, как близкая родня,
единственный,
кто согревает в стужу.
До смерти будет он
внутри меня.
Да и потом
не вырвется наружу.

Кочевники
Ч. Чимиду

У юрты ждут оседланные кони.
Стоит кумыс на низеньком столе…
Я знал давно,
я чувствовал,
что корни
мои —

вот в этой
пепельной земле!..
Вскипает чай задумчиво и круто, —
клубящегося пара торжество.
И медленно
плывет кумыс по кругу.
И люди величаво пьют его…
А что им стоит на ноги подняться,
к высокому порогу подойти.
«Айда!»
И все.
Минут через пятнадцать
они уже не здесь.
Они — в пути…
Как жалок и неточен был учебник!
Как он пугал меня!
Как голосил:
«Кочевники!!»
Да я и сам кочевник!
Я сын дороги.
Самый верный сын…

Все в лес смотрю.
И как меня ни кормят,
и как я над собою ни острю, —
из очень теплых и удобных комнат
я

в лес смотрю.
Все время
в лес смотрю.
То — север,
то — большое солнце юга!
То — ивняки,
то — колкое жнивье…
И снова я раскладываю юрту,
чтобы потом опять
собрать ее!..
Приходит ночь.
И вновь рассветы брезжат,
протяжными росинками звеня…
И подо мной, как колесо тележье,
поскрипывает
добрая
земля.

* * *

Неправда, что время уходит.
Это уходим мы.
По неподвижному времени.
По его протяжным долинам.
Мимо забытых санок посреди сибирской зимы.
Мимо иртышских плесов с ветром неповторимым.

Там, за нашими спинами —
мгла с четырех сторон.
И одинокое дерево, согнутое нелепо.
Под невесомыми бомбами —
заиндевевший перрон.
Руки, не дотянувшиеся до пайкового хлеба.
Там, за нашими спинами —
снежная глубина.
Там обожженные плечи деревенеют от боли.
Над затемненным городом
песня:
«Вставай, страна-а!..»
«А-а-а-а…» — отдается гулко,
будто в пустом соборе…
Мы покидаем прошлое.
Хрустит песок на зубах.
Ржавый кустарник призрачно топорщится у дороги.
И мы на нем оставляем
клочья отцовских рубах
и надеваем синтетику, вредную для здоровья.
Идем к черте, за которой —
недолгие слезы жен.
Осатанелый полдень.
Грома неслышные гулы.
Больницы,

откуда нас вынесут.
Седенький дирижер.
И тромбонист,
облизывающий пересохшие губы…
Дорога — в виде спирали.
Дорога — в виде кольца.
Но —
отобедав картошкой или гречневой кашей —
историю Человечества
до собственного конца
каждый проходит по времени.
Каждый проходит.
Каждый.
И каждому — поочередно —
то солнечно, то темно.
Мы измеряем дорогу
мерой своих аршинов.
Ибо уже установлено кем-то давным-давно:
весь человеческий опыт —
есть повторенье ошибок…
И мы идем к горизонту.
Кашляем.
Рано встаем.
Открываем школы и памятники.
Звезды и магазины…
Неправда, что мы стареем!

Просто — мы устаем.
И тихо отходим в сторону,
когда кончаются силы.

О национальности
Если наш Союз
называет «Россией»
кое-кто на Западе, —
напрягаю глотку,
объясняю истину,
не стою разиней.
Но —
и объясняя —
от гордости глохну!

Ибо повезло мне с землею такою!
Повезло с рожденьем,
с Москвою,
с тайгою.
Ибо —
по морозцу,
зимой залихватской,
до сих пор бравирую
сибирской закваской!..
Я —
безоговорочно и бесповоротно —
капля

в океане моего народа.
Истовом,
березовом,
бурлацком,
бунтарском!
В стонах и частушках.
Счастье и мытарстве…

Ухожу распахнуто
путем тысячеверстным
в песню,
как в дороженьку, по росам, по звездам.
В Ярославском храме,
в тишине великой,
холодея,
вглядываюсь в иконные лики.
Ахаю над пляской
с узором да разводом.
Млею
под рассыпчатым колокольным звоном…

Но, светло зажмурясь
от небесной сини,
поклонившись маме-Россиюшке,
России,
захмелев от Новгорода
и приникнув к Волге,

говорю —
отчетливо —
без скороговорки:
царями да боярами
хвастать
не стану!
Свой народ
превыше всех других
не поставлю!
Мне Земля для жизни
более пригодна
после Октября
семнадцатого года!
Я в Державу верую —
вечную!
Эту.
Красную по смыслу.
По флагу.
По цвету.
Никогда не спрячусь
за кондовой завесой…

По национальности
я —
советский.

* * *

Горбуша
в сентябре
идет метать икру…
Трепещут плавники,
как флаги на ветру.
Идет она, забыв о сне и о еде,
туда,
где родилась.
К единственной
воде.
Угаром,
табуном,
лавиною с горы!
И тяжелеют в ней
дробиночки икры…
Горбуша прет, шурша,
как из мешка — горох.
Заторы сокруша.
И сети распоров.
Шатаясь и бурля,
как брага на пиру,
горбуша
в сентябре
идет метать икру…

Белесый водопад вскипает, будто пунш,
когда в тугой струе —
торпедины горбуш.
И дальше —
по камням.
На брюхе —
через мель!
Зарыть в песок икру.
И смерть принять взамен.
Пришла ее пора,
настал ее черед…
Здесь —
даже не река,
здесь малый ручеек.
В него трудней попасть,
чем ниткою — в иглу.

Горбуша
в сентябре
идет метать икру…
Потом она лежит —
дождинкой на стекле…

Я буду кочевать
по голубой земле.
Валяться на траве,
пить бесноватый квас.

Но в свой последний день,
в непостижимый час,
ноздрями
ощутив
последнюю грозу,
к порогу твоему
приду я,
приползу,
приникну,
припаду.
Колени в кровь
сотру…

Горбуша
в сентябре
идет метать икру.

Отлив
Я. Голованову

Как будто бы обидевшись на берег,
от берега
отходит
океан.
Отлив…
Песок прочнеет и грубеет.
И выплывают, словно на экран,
в остатках пены —

банка из-под сока,
обрывок сети,
скользкая доска,
стеклянный шар,
раскосая красотка
на потемневшей крышке сундучка.
Монета, —
будто чье-то подаянье.
Пластмассовый индеец на арбе…

Постой!
И это
было
в океане?!
Все это
океан
носил в себе?!
И выкинул?
И вспоминать не хочет?
И задавать вопросов не велит?..
Ага-а-а!
Попался, старый барахольщик!
Великий?
Ты не так уж и велик!
Во мне ведь тоже — всякое.
Любое.
Про что у нас воспитанно молчат.

Теперь сравниться я могу с тобою!
Хоть в слабости.
Хоть в этих мелочах.
Хоть в чем-нибудь.
Хоть в самом окаянном!..

Я вдруг переиначил
жизнь
свою.
Уже судьей
стою над океаном.
Красиво и рассеянно стою.
Мне хорошо.
Я — в гневе.
Я караю.
Я —
как всесильный бог —
нетерпелив…

Что океану!
Океан —
бескраен.
Он занят.
Начинается
прилив.

Ксении
Вырастешь, Ксения,

строки эти прочти.

Водосточные трубы
уже устали трубить.
Целый час ты живешь на земле.
Прими ее.
И прости,
что земля еще не такая,
какою ей надо
быть…
На земле умирают и плачут.
По земле ручьи бегут нараспев.
Задыхаются пальмы.
Чавкает тундровый мох…
Я хотел ее сделать
самой праздничной!
И не успел.
Я хотел ее сделать
самой улыбчивой!
И не смог.
Я над нею трясся.
Я ее так просил!
Я земле открывался.
Понял ее язык…
Ты прости отца.
У него не хватило сил
накормить голодных,

оживить убитых,
обуть босых.
Мы —
всегда продолженье.
И я
не начал с нуля.
Мы —
всегда продолженье!
Распахнута настежь дверь.
Будет самой счастливой
твоя и моя земля.
В это верит отец!
И ты —
непременно —
верь!..
Ты пока что не знаешь,
как пронзителен шар земной.
Что такое «светло» —
не знаешь.
Что такое «темно».
Что такое «весна».
(Хотя родилась ты
весной.)
Что такое «снег».
(Хотя снега
полным-полно.)

Целый час
ты живешь на планете…
Привыкай дышать.
Продолжай сопеть.
Начинай басить
с номерком на руке.
Даже имя свое
еще не можешь ты удержать
в малюсеньком,
почти невзаправдашнем
кулачке.

* * *

Что же такое
«мы»?
Мы —
из лесов безбрежных.
Мы —
из блокадной тьмы.
Мы —
из стихов сгоревших.
Из невысоких изб.
Песенного всесилья.
Мы —
из бессмертья.
Из

плоти твоей,
Россия!

Мы от свинцовых розг
падали в снег с разбега.
Но —
поднимались в рост,
звонкие, как победа!
Как продолженье дня,
шли
тяжело и мощно...
Можно
убить
меня.
Нас
убить невозможно!..

Что же такое
«мы»?
Веруя в пробужденье,
взяв у земли взаймы
силу
в момент рожденья,
мы ей вернем сполна
все,
что она давала.
Только б

была
она!
Лишь бы
существовала!
Мы проросли из нее,
будто трава степная…
Гибнет в печи смолье,
солнце напоминая…
Глядя в лицо огня,
я говорю тревожно:
можно
убить
меня.
Нас
убить невозможно!

Монолог Царя зверей
В катакомбах музея
пылится пастушья свирель,
бивень мамонта,
зуб кашалота
и прочие цацки…

Человек!
Ты послушай Царя
терпеливых зверей.
И прости, что слова мои

будут звучать не по-царски.
Я —
последний из львов.
Но пускай за меня говорят —
лань
в объятьях капкана,
ползучего смога
громадность.
И дельфинья семья,
за которой неделю подряд
с вертолета охотился ты.
Чтоб развеяться малость.
Пусть тебе повстречается голубь,
хлебнувший отрав,
муравейник сожженный,
разрытые норы барсучьи,
оглушенная семга,
дрожащий от страха жираф,
и подстреленный лебедь,
и чайки —
по горло в мазуте.
Пусть они голосят,
вопрошая карающий век.
Пусть они стороною обходят
любую машину…
Ты —

бесспорно — вершина природы,
мой брат человек.
Только
где и когда ты встречал
без подножья
вершину?
Ты командуешь миром.
Пророчишь.
Стоишь у руля.
Ты — хозяин.
Мы спорить с тобой
не хотим и не можем.
Но без нас, —
ты представь! —
разве будет землею
земля?
Но без нас, —
ты пойми! —
разве море
останется морем?
Будут жить на бетонном безмолвье
одни слизняки.
Океан разольется
огромной протухшею лужей!
Я тебя не пугаю.
Но очень уж сети

крепки.
И растет скорострельность
твоих замечательных
ружей.
Все твое на планете!
А нашего —
нет ничего.
Так устроена жизнь.
Мы уже лишь на чучела
сгожи.
Зоопарки твои превосходны. —
Да жаль одного:
мы в твоих зоопарках
давно на себя
не похожи…
Так устроена жизнь.
Мы поладить с тобой не смогли.
Нашу поступь неслышную
тихие сумерки спрячут.
Мы уходим в историю
этой печальной земли.
Человечьи детеныши
вспомнят о нас.
И заплачут…
Мы —
пушистые глыбы тепла.

Мы —
живое зверье.
Может, правда, что день ото дня
мир
становится злее?..
Вот глядит на тебя
поредевшее царство мое.
Не мигая, глядит.
И почти ни о чем не жалея.
И совсем ничего не прося.
Ни за что не коря.
Видно, в хоботы, ласты и когти
судьба не дается…

Я
с седеющей гривы
срываю корону Царя!
И реву от бессилья…
А что мне еще остается?

Хиросима
Город прославился так:
вышел
военный чудак,
старец
с лицом молодым.
«Парни, —

сказал он, —
летим!
Мальчики,
время пришло,
Дьявольски нам повезло!..»

В семь сорок девять утра
все было так, как вчера.
«Точка... —
вздохнул офицер, —
чистенько
вышли
на цель».

В восемь двенадцать утра
сказано было:
«Пора!..»
В восемь пятнадцать,
над миром взлетев,
взвыл торжествующе
дымный клубок!
Солнце зажмурилось,
похолодев.
Вздрогнули оба:
и «боинг»,
и бог!..
Штурман воскликнул:

«Ой, как красиво!..»

В эту секунду
в расплавленной мгле
рухнули
все представленья о зле.
Люди узнали,
что на Земле
есть Хиросима.
И нет Хиросимы.

День рождения женщины
«Так сколько ж ей?..»
«И в самом деле, — сколько?..»
А женщина махнет рукою
и
промолвит нараспев — светло и горько:
— Зачем считать напрасно? Все —
мои. —
А после выпьет
за друзей пришедших.
И будет излучать высокий свет…

Есть только дни рождения
у женщин.
Годов рождения
у женщин
нет!

Долги
Пришла ко мне пора
платить долги.
А я-то думал,
что еще успею…
Не скажешь,
что подстроили враги.
Не спрячешься за юношеской спесью.

И вот я мельтешу
то здесь, то там.
Размахиваю
разными словами…
«Я расплачусь с долгами!..
Я отдам…
Поверьте мне!..»

Кивают головами
леса и травы,
снегопад и зной,
село Косиха,
Сахалин
и Волга.
Живет во мне,
смеется надо мной
немыслимая необъятность
долга!

Ждет каждая секунда.
Ждут года.
Озера,
полные целебной влаги.
Мелькнувшие, как вспышка,
города.
Победные
и траурные флаги.
Медовый цвет
клокочущей ухи.
Моей Москвы
всесильные зарницы.
И те стихи,
те —
главные —
стихи,
которые лишь начинают
сниться.

И снова полночь
душу холодит.
И карандаш
с бессонницею спорит.
И женщина
в глаза мои глядит.
(Я столько должен ей,
что страшно вспомнить!..)

— Плати долги!..
Плати долги, чудак!..
Давай
начистоту судьбу продолжим.
Плачу.
Но каждый раз
выходит так:
чем больше отдаешь,
тем больше
должен.

Художник
А он —
неумелый, как мастер,
не ведает
вновь ничего.
И более всякой напасти
страшится
себя самого.
И снова —
сплошные препоны.
И в мире не создано книг.

И вновь —
пред началом работы —
он сам у себя
ученик.

* * *

Та зима была,
будто война, —
лютой.
Пробуравлена,
прокалена
ветром.
Снег лежал,
навалясь на январь
грудой.
И кряхтели дома
под его весом.
По щербатому полу
мороз крался.
Кашлял новый учитель
Сергей Саныч.
Застывали чернила
у нас в классе,
и контрольный диктант
отменял завуч…
Я считал,
что не зря
голосит ветер,
не случайно
болит по утрам

горло,
потому что остались
на всем свете
лишь зима и война —
из времен года…
И хлестала пурга
по земле крупно,
и дрожала река
в ледяном гуле.
И продышины в окнах
цвели кругло,
будто в каждое
кто-то всадил
пулю!..
И надела соседка
платок вдовий.
И стонала она допоздна-поздно…
Та зима была,
будто война, —
долгой.

Вспоминаю
и даже сейчас
мерзну.

Памяти Василия Шукшина
До крайнего порога

вели его,
спеша, —
алтайская порода
и добрая душа…

Пожалуйста, ответьте,
прервав хвалебный вой:
вы что, —
узнав о смерти, —
прочли его
впервой?!
Пожалуйста, скажите,
уняв взыгравший пыл:
неужто он
при жизни
хоть в чем-то хуже
был?!
Поминные застолья,
заупокойный звон…
Талантливее —
что ли —
стал
в черной рамке
он?
Убийственно жестоки,
намеренно горьки
посмертные

восторги,
надгробные
дружки.
Столбы словесной пыли
и фимиамный дым…

А где ж вы раньше
были, —
когда он был
живым?

Программистам, обучающим ЭВМ
Проводов натруженные жилы.
Алгоритмов сомкнутая мощь.
Учится
писать стихи
машина.
Я не против.
Я могу помочь.
Я ее программы
не нарушу,
одобряя стихотворный зуд…

Только
мало — в рифму.
Надо — в душу.
Рифмы рифмами.
Не в этом суть…

Пусть же, как положено,
вначале
втиснутся
в машинные зрачки
уравненья
счастья и печали,
формулы
удачи и тоски.
Но однажды пусть
она, машина,
осадив
свой электронный бег,
зная все конструкции снежинок,
тихо спросит:
«Что ж такое снег?..»
«Как это возможно —
запах детства?..»
«Почему вам снится
скрип саней?..»
И пускай
непостижимо тесно
в ящике железном
станет ей!
Пусть она,
как мы,
почует ветер.

Испытает пусть,
к земле склонясь,
зависть к тем,
кто жил до нас на свете.
Ревность к тем,
кто будет после нас.
(Это сделать непременно стоит,
если уж всерьез
учить ее.)
Пусть она —
хотя бы раз —
застонет,
ощутив бессилие свое.
Пусть почует жар нетерпеливый
и запомнит
как приказ: «Живи!»
Если б вся любовь
была счастливой,
не было бы
песен о любви…
Поднимаясь на дыбы ершисто,
собственный
обозначая путь,
пусть она
единожды
решится

(не подумав!)
сделать что-нибудь.
Пусть потом опомнится.
Остудит
мозг несметный.
Но — ему назло —
проклянув себя,
опять поступит
глупо,
нелогично
и светло!
Спутает, что важно,
что не важно.
Вымолвит:
«Какие пустяки!..»

...Может быть, тогда
машина ваша
и напишет
настоящие
стихи.

* * *

В. Пескову
Кромсаем лед,
меняем рек теченье,

твердим о том,
что дел невпроворот…
Но мы еще придем
просить прощенья
у этих рек,
барханов
и болот,
у самого гигантского
восхода,
у самого мельчайшего
малька…

Пока об этом
думать неохота.
Сейчас нам не до этого
пока.
Аэродромы,
пирсы
и перроны,
леса без птиц
и земли без воды…

Все меньше —
окружающей природы.
Все больше —
окружающей среды.

* * *

Неожиданный и благодатный
дождь
беснуется в нашем дворе…

Между датой рожденья
и датой
смерти
кто-то поставит
тире.
Тонкий прочерк.
Осколок пунктира…
За пределом положенных дней
руки мастера
неотвратимо
выбьют минус
на жизни твоей…
Ты живешь,
негодуешь,
пророчишь.
Ты кричишь
и впадаешь в восторг.

Так неужто
малюсенький прочерк —
не простое тире,

а итог?!

Любовь настала
Как много лет во мне любовь спала!
Мне это слово
ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине,
она ждала —
и вот проснулась
и глаза свои открыла.

Теперь не я пою —
любовь поет.
И эта песня в мире эхом отдается.
Любовь настала так,
как утро настает,
она одна во мне
и плачет, и смеется.

И вся планета
распахнулась для меня.
И эта радость, будто солнце, не остынет.
Не сможешь ты уйти
от этого огня,
не спрячешься, не скроешься —
любовь тебя настигнет.

Как много лет во мне любовь спала!

Мне это слово
ни о чем не говорило.
Любовь таилась в глубине,
она ждала —
и вот проснулась
и глаза свои открыла!

Песня павших в бою
Мы были большими, как время.
Мы были живыми, как время.
Теперь —
мы в легендах прославленных дней.
Теперь —
мы в поэмах и прозе.
Теперь —
мы в граните и бронзе.
Теперь —
мы в безмолвье
могильных камней.

Спасибо за память, потомки.
Спасибо за верность, потомки.
Спасибо
за то, что алеет заря.
Не зря
мы над смертью смеялись!
Не зря

наши слезы и ярость!
Не зря
наши песни!
И клятвы не зря!

А вы оставайтесь живыми.
Прекрасно и долго живыми.
Мы знаем:
дорога у вас не проста.
Но вы —
продолжение наше.
Но вы —
утешение наше.
Но вы —
наша слава.
И наша мечта.

Песня о годах
Пусть голова моя седа, —
зимы мне нечего пугаться.
Не только груз —
мои года.
Мои года —
мое богатство.

Я часто время торопил,
привык во все дела впрягаться.
Пускай я денег не скопил.

Мои года —
мое богатство.

Шепчу «спасибо!» я годам
и пью их горькое лекарство.
И никому их не отдам!
Мои года —
мое богатство.

А если скажут мне века:
«Твоя звезда — увы — погасла...» —
подымет
детская рука
мои года —
мое богатство.

* * *

А ты полюбишь,
ты полюбишь.
А ты прольешься,
как заря.
И сердце — надвое — разрубишь...
А он тебе не скажет:
зря!..

А ты поверишь,
ты поверишь.

Начнешь
выклянчивать слова.
Ты никогда не овдовеешь…
И все же будешь —
как вдова.

А ты устанешь,
ты устанешь
смотреть в густеющую тьму.
В квартире мебель переставишь…
А он не спросит:
почему?..

А ты привыкнешь,
ты привыкнешь.
И будет ночь белым-бела.
И ты одна из дома выйдешь…
А он не спросит:
где была?..

А ты обманешь,
ты обманешь.
На пальце перстень заблестит.
Глаза обманом затуманишь…
А он в глаза
не поглядит.

А ты заплачешь,

ты заплачешь.
В окне застынешь, как во льду.
А ты беду свою
запрячешь.
Свою беду.
Его беду.

Сладка ягода
Сладка ягода в лес поманит,
щедрой спелостью удивит.
Сладка ягода одурманит.
Горька ягода
отрезвит.

Ой, крута судьба, словно горка,
доняла она, извела.
Сладкой ягоды
только горстка.
Горькой ягоды
два ведра.

Я не ведаю, что со мною.
почему она так растет —
сладка ягода лишь весною,
горька ягода —
круглый год…

Над бедой моей ты посмейся,

погляди мне вслед из окна.
Сладку ягоду рвали вместе.
Горьку ягоду —
я одна.

Благодарю тебя
Благодарю тебя
за песенность города
и откровенного, и тайного.
Благодарю за то,
что всем было холодно,
а ты оттаяла,
оттаяла.

За шепот и за крик,
за вечность и за миг,
за отгоревшую зарю,
за смех и за печаль,
за тихое «прощай», —
за все
тебя
благодарю!

Благодарю за то,
что ты по судьбе прошла,
за то, что для другого сбудешься.
Благодарю тебя
за то, что со мной была,

еще за то,
что не забудешься.
За шепот и за крик,
за вечность и за миг,
за отгоревшую зарю,
за смех и за печаль,
за тихое «прощай», —
за все
тебя
благодарю!

Пой, гитара!
К долгожданной гитаре
я тихо прильну,
осторожно и бережно
трону струну.
И она отзовется,
зазывно звеня,
добротою наполнив тебя и меня.

От зари до зари,
от темна до темна
о любви говори,
пой,
гитарная струна!

Я гитару настрою
на лирический лад

и знакомой тропинкой
уйду в звездопад.
«Будь счастливой, как песня», —
попрошу я ее,
и гитара взорвется, как сердце мое.

К долгожданной гитаре
я тихо прильну,
осторожно и бережно
трону струну.
Ведь бывают гитары, —
они зазвучат,
и большие оркестры покорно молчат!

От зари до зари,
от темна до темна
о любви говори,
пой,
гитарная струна!

Свадьба
По проселочной дороге шел я молча,
и была она пуста и длинна.
Только грянули гармошки что есть мочи,
и руками развела
тишина.

А это свадьба, свадьба, свадьба

пела и плясала!
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе
было места мало!
И неба было мало,
и земли!

Под разливы деревенского оркестра
увивался ветерок за фатой.
Был жених серьезным очень,
а невеста
ослепительно была молодой!..

Вот промчались тройки звонко и крылато,
и дыхание весны
шло от них.
И шагал я —
совершенно неженатый.
И жалел о том,
что я не жених.
А где-то свадьба, свадьба, свадьба
пела и плясала!
И крылья эту свадьбу вдаль несли.
Широкой этой свадьбе
было места мало!
И неба было мало,
и земли!

Старые слова
Три слова, будто три огня,
придут к тебе средь бела дня.
Придут к тебе порой ночной,
огромные,
как шар земной.
Как будто парус кораблю —
три слова:
«Я тебя люблю».
Какие старые слова!
А как кружится голова,
а как кружится голова!

Три слова, вечных, как весна.
Такая сила им дана!
Три слова —
и одна судьба,
одна мечта,
одна тропа.
И вот однажды, все стерпя,
ты скажешь:
«Я люблю тебя».
Какие старые слова!
А как кружится голова,
а как кружится голова!

Три слова, будто три зари.

Ты их погромче повтори.
Они тебе не зря сейчас
понятны стали
в первый раз.
Они летят издалека,
сердца пронзая
и века.
Какие старые слова!
А как кружится голова,
а как кружится голова!

Не надо печалиться

Колышется дождь густой пеленой,
стучатся дождинки в окошко твое.
Сегодня любовь
прошла стороной,
а завтра,
а завтра ты встретишь ее!

Не надо печалиться —
вся жизнь впереди.
Вся жизнь впереди, —
надейся и жди!

Тропинка в лесу запахла весной,
земля разомлела от солнечных дней.
Сегодня мечта
прошла стороной,

а завтра,
а завтра ты встретишься с ней.

Как в поле роса,
как в небе звезда,
как в море бескрайнем веселый прибой,
пусть будет с тобой,
с тобой навсегда
большая мечта
и большая любовь!
Не надо печалиться —
вся жизнь впереди.
Вся жизнь впереди, —
надейся и жди!

Билет в детство
Где-то есть город,
тихий, как сон.
Пылью тягучей
по грудь занесен.
В медленной речке вода, как стекло.
Где-то есть город,
в котором тепло.
Наше далекое детство
там прошло…
Ночью из дома я поспешу,
в кассе вокзала билет попрошу:

«Может,
впервые за тысячу лет
дайте до детства
плацкартный билет!..»
Тихо ответит кассирша:
«Билетов нет…»

Так что ж, дружище!
Как ей возразить?
Дорогу в детство
где еще спросить?
А может, просто
только иногда
лишь в памяти своей
приходим мы
сюда?..
В городе этом
сказки живут.
Шалые ветры
в дорогу зовут.
Там нас порою сводили с ума
сосны —
до неба,
до солнца —
дома.
Там по сугробам
неслышно шла зима…

Дальняя песня в нашей судьбе,
ласковый город,
спасибо тебе!
Мы не вернемся,
напрасно не жди.
Есть на планете
другие пути.
Мы повзрослели.
Поверь нам.
И прости.

Человеку надо мало
Человеку надо мало:
чтоб искал
и находил.
Чтоб имелись для начала
Друг —
один
и враг —
один…
Человеку надо мало:
чтоб тропинка вдаль вела.
Чтоб жила на свете
мама.
Сколько нужно ей —
жила…
Человеку надо мало:

после грома —
тишину.
Голубой клочок тумана.
Жизнь —
одну.
И смерть —
одну.
Утром свежую газету —
с Человечеством родство.
И всего одну планету:
Землю!
Только и всего.
И —
межзвездную дорогу
да мечту о скоростях.
Это, в сущности, —
немного.
Это в общем-то —
пустяк.
Невеликая награда.
Невысокий пьедестал…
Человеку
мало надо.
Лишь бы кто-то дома
ждал.

Там, за облаками

В небе колышется дождь молодой,
Ветры летят по равнинам бессонным.
Знать бы, что меня ждет
за далекой чертой,
там,
за горизонтом.

Шел я к высокому небу не зря.
Спал, укрываясь большими снегами.
Но зато я узнал,
что такое заря
там,
за облаками.

Верю, что, все неудачи стерпя,
жизнь отдавая друзьям и дорогам,
я узнаю любовь,
повстречаю тебя
там,
за поворотом.

Если со мною случится беда,
грустную землю не меряй шагами.
Знай, что сердце мое
ты отыщешь всегда
там,
за облаками.

Баллада о красках
Был он рыжим,
как из рыжиков рагу.
Рыжим,
словно апельсины на снегу.
Мать шутила,
мать веселою была:
«Я от солнышка
сыночка родила…»
А другой был черным-черным у нее.
Черным,
будто обгоревшее смолье.
Хохотала над расспросами она,
говорила:
«Слишком ночь была
черна…»
В сорок первом,
в сорок памятном году
прокричали репродукторы
беду.
Оба сына,
оба-двое,
соль Земли —
поклонились маме в пояс
и ушли…
Довелось в бою

почуять молодым
рыжий бешеный огонь
и черный дым,
злую зелень
застоявшихся полей,
серый цвет
прифронтовых госпиталей.
Оба сына,
оба-двое,
два крыла
воевали до Победы.
Мать ждала.
Не гневила,
не кляла она судьбу.
Похоронка обошла ее избу.
Повезло ей,
привалило счастье вдруг.
Повезло одной
на три села вокруг.

Повезло ей,
повезло ей,
повезло! —
Оба сына
воротилися в село:
Оба сына,
оба-двое,

плоть и стать…
Золотистых орденов не сосчитать.
Сыновья сидят рядком —
к плечу плечо.
Ноги целы,
руки целы —
что еще?
Пьют зеленое вино,
как повелось…
У обоих изменился
цвет волос.
Стали волосы —
смертельной белизны…

Видно, много
белой краски
у войны.

Песня о далекой Родине
Я прошу,
хоть нена́долго,
грусть моя,
ты покинь меня!
Облаком,
сизым облаком
ты полети к родному дому.
Отсюда к родному дому.

Берег мой,
покажись вдали
краешком,
тонкой линией.
Берег мой,
берег ласковый,
ах, до тебя, родной, доплыть бы!
Доплыть бы, хотя б когда-нибудь.

Где-то далеко, очень далеко
идут грибные дожди.
Прямо у реки,
в маленьком саду
созрели вишни,
наклонясь до земли.
Где-то далеко,
в памяти моей
сейчас, как в детстве, тепло.
Хоть память
укрыта
такими большими снегами!

Ты, гроза,
напои меня
до́пьяна,
да не до смерти!
Вот опять,

как в последний раз,
я все гляжу куда-то в небо,
как будто ищу ответа…

Я прошу,
хоть нена́долго,
грусть моя,
ты покинь меня!
Облаком,
сизым облаком
ты полети к родному дому.
Отсюда к родному дому.

Мгновения
Не думай о секундах свысока.
Наступит время,
сам поймешь, наверное, —
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
мгновения,
мгновения.

У каждого мгновенья свой резон,
свои колокола, своя отметина.
Мгновенья раздают — кому позор,
кому бесславье,
а кому бессмертие.

Мгновения спрессованы в года,
мгновения спрессованы в столетия.
И я не понимаю иногда,
где первое мгновенье,
где последнее.

Из крохотных мгновений соткан дождь.
Течет с небес вода обыкновенная.
И ты порой
почти полжизни ждешь,
когда оно придет,
твое мгновение.
Придет оно, большое, как глоток,
глоток воды во время зноя летнего.
А в общем, надо просто помнить долг
от первого мгновенья
до последнего.

Не думай о секундах свысока.
Наступит время,
сам поймешь, наверное, —
свистят они,
как пули у виска,
мгновения,
мгновения,
мгновения.

Огромное небо

Об этом,
товарищ,
не вспомнить нельзя.
В одной эскадрилье
служили друзья.
И было на службе
и в сердце у них
огромное небо —
одно на двоих.

Летали,
дружили
в небесной дали.
Рукою до звезд
дотянуться могли.
Беда подступила,
как слезы
к глазам, —
однажды в полете
мотор отказал.

И надо бы прыгать —
не вышел
полет.
Но рухнет на город
пустой самолет!
Пройдет,

не оставив живого следа.
И тысячи жизней
прервутся тогда.

Мелькают кварталы,
и прыгать
нельзя!
«Дотянем до леса, —
решили друзья, —
подальше от города
смерть унесем.
Пускай мы погибнем,
но город спасем…»

Стрела
самолета
рванулась
с небес!
И вздрогнул от взрыва
березовый лес!..
Не скоро поляны
травой
зарастут…
А город подумал:
«Ученья идут…»

В могиле лежат
посреди тишины

отличные парни
отличной страны.
Светло и торжественно
смотрит на них
огромное небо —
одно
на двоих.

Товарищ Песня
Остался дом за дымкою степною,
не скоро я к нему вернусь обратно.
Ты только будь, пожалуйста, со мною,
товарищ Правда,
товарищ Правда!

Я все смогу, я клятвы не нарушу,
своим дыханьем землю обогрею.
Ты только прикажи — и я не струшу,
товарищ Время,
товарищ Время!

Я снова поднимаюсь по тревоге.
И снова бой, такой, что пулям тесно!
Ты только не взорвись на полдороге,
товарищ Сердце,
товарищ Сердце!

В большом дыму и полночи, и полдни.

А я хочу от дыма их избавить.
Ты только все, пожалуйста, запомни,
товарищ Память,
товарищ Память!

За того парня
Я сегодня до зари
встану.
По широкому пройду
полю.
Что-то с памятью моей
стало:
все, что было не со мной,
помню.
Бьют дождинки по щекам
впалым.
Для вселенной двадцать лет —
мало.
Даже не был я знаком
с парнем,
обещавшим:
«Я вернусь, мама!..»

А степная трава
пахнет горечью.
Молодые ветра
зелены.

Просыпаемся мы.
И грохочет над полночью
то ли гроза,
то ли эхо
прошедшей войны.
Обещает быть весна
долгой.
Ждет отборного зерна
пашня.
И живу я на земле
доброй
за себя
и за того парня.
Я от тяжести такой
горблюсь.
Но иначе жить нельзя,
если
все зовет меня
его голос,
все звучит во мне
его песня.

А степная трава
пахнет горечью.
Молодые ветра
зелены.
Просыпаемся мы.

И грохочет над полночью
то ли гроза,
то ли эхо
прошедшей войны.

* * *

В поисках счастья, работы, гражданства
странный обычай в России возник:
детям
уже надоело рождаться.
Верят, что мы проживем
и без них.

* * *

Тихо летят паутинные нити.
Солнце горит на оконном стекле…
Что-то я делал не так?
Извините:
жил я впервые
на этой Земле.
Я ее только теперь ощущаю.
К ней припадаю.
И ею клянусь.
И по-другому прожить обещаю.
Если вернусь…

Но ведь я
не вернусь.

* * *

Как детство, ночь обнажена.
Земля становится просторнее…
Моя щека обожжена
пронзительным:
«Скажи мне что-нибудь!..»

«Скажи мне что-нибудь!
Скажи!
Скорей!
Пусть будут волны —
до неба.
Заполони.
Опустоши.
И все-таки
скажи мне что-нибудь!..
Плати за то, что целовал,
словами —
вечными, как прошлое…
Зачем
учился ты словам?
Скажи мне что-нибудь хорошее…
За то, что ты не опроверг

все мужество мое нарочное.
За бабий век.
Недлинный век. —
Скажи мне что-нибудь хорошее…»
Святая и неосторожная,
чего ты просишь?
Правды?
Лжи?..
Но шепчет женщина:
«Скажи!
Скажи мне
что-нибудь хорошее…»

Трем-четырем аккордам научусь
Трем-четырем аккордам научусь.
И в некий знаменательный момент —
для выражения сердечных чувств —
куплю себе
щипковый инструмент…
Подарит мне басовая струна
неясную надежду на успех.
Чтоб я к ней прикасался,
а она,
она чтоб —
отвечала нараспев…
Я буду к самому себе жесток
в разгаре ночи

и в разгуле дня.
Пока не станет
струнный холодок
звенящею частицею меня…
Нависну над гитарой, как беда.
Подумаю,
что жизнь уразумел…
Но, может,
все же выскажу тогда
то,
что сказать словами
не сумел.

Скорость
Все дело в скорости!
Есть высший
прок
в тугой покорности
пустых дорог.
Зари окалина
легла в траву.
Недомогания,
ау!
Ау!..

Опять взрывается
в волне

весло.
Опять сливаются
добро и зло!
Да,
так уж водится:
разверзлась даль.
И только возгласы:
«Наддай!
Наддай!..»
Сомкнулся в линию
поток
секунд.
И слезы длинные
к вискам текут.
И ветер —
посвистом.
И боль в боку…

А кто-то
попросту,
по холодку,
по краю-бережку
идет едва,
мурлычет песенку,
забыв слова.
Нагнувшись,
медленно

из речки пьет…
И —
тем не менее —
не отстает.

* * *

Смеркается.
Пахнет песком перегретым…
Но я не об этом!
Совсем не об этом.

Я знаю, как трудно рождается
слово.
Когда оно истинно.
И безусловно.
Прозрачно.
Пока что ни в чем не повинно…
А ты,
надрываясь, грызешь пуповину
и мечешься:
— Люди!
Вы слово
искали!
Берите!
Пока его не затаскали.
Скорее!

Пусть кто-нибудь станет
пророком…
Нависла жара над высоким порогом.
Кукушка старается:
чет или нечет.
У самого уха стрекочет кузнечик.
Шуршит муравейник.
Ворона фальшивит.
И стебель цветка под пчелою
пружинит.
Готовятся к полднику жители ясель.
Зеленою тучею кажется ясень.
Он что-то бормочет надменно
и глухо.
Он так величав,
что становится глупо
рядиться в пророка,
считаться поэтом…

Но я не об этом.
Совсем
не об этом.

Ностальгия
Ностальгия бывает
по дому.
По Уралу,

по Братску,
по Дону.
По пустыням и скалам белесым,
невозможно прозрачным березам.
По степям, где метели тугие…

У меня
по тебе
ностальгия.
Ностальгия
по каждому вздоху.
Ностальгия
по тихому стону.
По твоим просыпаньям тяжелым.
По глазам и плечам обнаженным.
По мгновеньям, когда ты со мною.
По ночному бессонному зною.
По слезам
и словам невесомым.
По улыбке
и даже по ссорам!
По губам,
суховатым с морозца…
Я,
решив с ностальгией бороться,
уезжаю!
Штурмую платформы…

Но зачем-то
ору в телефоны!
Выхожу из себя от восторга,
дозвонившись из Владивостока!
Ошалев от колесного писка,
сочиняю длиннющие письма.
Умоляю тебя:
«Помоги мне!
Задыхаюсь
от ностальгии!..»
Ты молчишь.
Ты спасать меня
медлишь…

Если вылечусь —
тут же
заметишь.

* * *

Савве Бродскому

Я богат.
Повезло мне и родом,
и племенем.
У меня есть
Арбат.
И немножко свободного времени…

Я
подамся
от бумажных
запутанных ворохов
в государство
переулков,
проспектов
и двориков.
Все, что я растерял,
отыщу в мельтешении радужном.
Где витой канделябр
и бетонные глыбины —
рядышком.
Где гитары
щекочут невест,
где тепло от варений малиновых.
Где колясок
на каждый подъезд
десять —
детских
и две —
инвалидных.
Там, где будничны
тополя
перед спящими школами.
Там, где булькают,

как вскипевшие чайники,
голуби.
Выхожу не хвалить,
не командовать
уличной вьюгою.
Просто так
улыбаться
и плыть
по Арбату
седеющим юнгою.

Колыбельная
Спят девочки
Галина и Елена.
Два светлячка.
Две льдинки.
Две невесты.
Тень занавески
выгнулась нелепо.
И кажется, что дышит
занавеска.
Девчонки спят…

А мы с тобою
взглянем
на то,
к чему приглядываться

стоит!
Вот небоскреб,
как градусник, стеклянен.
И лифт внутри его —
как ртутный столбик.
Он лезет вверх.
Потом
летит обратно.
Он мечется.
Он сам с собою спорит.
(Наверно, у больного —
лихорадка.
Наверное, больной
себя не помнит.)
И улицы
дымятся, как порезы.
Бетон дорог
дождинками исколот.
Совсем не зря
холодные компрессы
неслышных облаков
легли на город.

Земля уснула,
сжавшись, как ребенок.
Пронизаны ладошки
бледным светом.

И звезды,
будто стая перепелок,
по небу разбрелись.
А в небе этом
луна повисла
сочно и нахально.
Девчонки спят,
смешно развесив губы.

Как я хочу,
чтобы от их дыханья
вдруг запотели
все стереотрубы!
Вдруг запотели
стекла перископов
и оптика
биноклей генеральских!..
Девчонки спят.
Трава растет в окопах.
Тоскует лес
о предрассветных красках.
И тишина похожа на подарок.
И призрачно
березы холодеют…
Пусть окна
стратегических радаров
от детского дыханья

запотеют!..

Пророчит ранний мох
грибное лето.
Спят девочки
Елена и Галина.
Забывшись на мгновенье,
спит планета.
И руки
сложены,
как для молитвы.

Пегас
Заполнены дворы собачьим лаем,
На улице гудит нетрезвый бас…
В век синхрофазотронов
мы седлаем
лошадку
под названием
Пегас.
Вокруг нее —
цветочки и зловонье.
И дождь идет,
как будто напоказ…
Мотает непокрытой головою
лошадка
под названием

Пегас.
Она бежит,
она слюну роняет.
И все-таки —
уже в который раз —
тихонечко
ракеты
обгоняет
лошадка
под названием
Пегас…
Пустынный пляж
тепла у солнца просит.
Закатный лучик вздрогнул и погас…
А мы себе живем.
А нас вывозит
лошадка
под названием
Пегас.

* * *

Над головой
созвездия мигают.
И руки сами тянутся
к огню…

Как страшно мне,
что люди привыкают,
открыв глаза,
не удивляться дню.
Существовать.
Не убегать за сказкой.
И уходить,
как в монастырь,
в стихи.
Ловить Жар-птицу
для жаркого
с кашей.
А Золотую рыбку —
для ухи.

Подкупленный
«Все советские писатели подкуплены…»
(*Так о нас пишут на Западе*)

Я действительно подкуплен.
Я подкуплен.
Без остатка.
И во сне.
И наяву.
Уверяют советологи:
«Погублен…»
Улыбаются товарищи:

«Живу!..»

Я подкуплен
ноздреватым льдом кронштадтским.
И акцентом
коменданта-латыша.
Я подкуплен
военкомами гражданской
и свинцовою водою
Сиваша…
Я еще подкуплен снегом
белым-белым,
Иртышом
и предвоенной тишиной.
Я подкуплен кровью
павших в сорок первом.
Каждой каплей.
До единой.
До одной…
А еще подкуплен я костром.
Случайным,
как в шальной игре десятка при тузе.
Буйством красок Бухары.
Бакинским чаем.
И спокойными парнями с ЧТЗ…
Подкупала
вертолетная кабина,

ночь
и кубрика качающийся пол…
Как-то женщина пришла.
И подкупила.
Подкупила —
чем? —
не знаю до сих пор.
Но тогда-то жизнь
я стал считать по веснам.
Не синицу жду отныне,
а скворца.
Подкупила дочь
характером стервозным, —
вот уж точно,
что ни в мать
и ни в отца.
Подкупил Расул[1]
насечкой на кинжале.
Клокотанием —
ангарская струя.
Я подкуплен
и Палангой,
и Кижами.
Всем, что знаю.

---

[1] Примечания: 1
Расул — поэт Расул Гамзатов.

И чего не знаю я.
Я подкуплен зарождающимся словом,
не размененным пока на пустяки.
Я подкуплен
Маяковским и Светловым,
и Землей,
в которой сбудутся
стихи!..
И не все еще костры отполыхали.
И судьба еще угадана не вся…

Я подкуплен.
Я подкуплен
с потрохами.
И поэтому купить меня
нельзя.

Баллада о спасенном знамени
Утром
ярким, как лубок.
Страшным.
Долгим.
Ратным.
Был разбит
стрелковый полк.
Наш.
В бою неравном.

Сколько полегло парней
в том бою —
не знаю.
Засыхало —
без корней —
полковое знамя.
Облака
печально шли
над затихшей битвой.
И тогда
с родной земли
встал
солдат убитый.
Помолчал.
Погоревал.
И —
назло ожогам —
грудь свою
забинтовал
он
багровым шелком.
И подался на восток,
отчим домом
бредя.
По земле
большой,

как вздох.
Медленной,
как время.
Полз
пустым березняком.
Шел
лесным овражком.
Он себя
считал полком
в окруженье вражьем!
Из него он
выходил
грозно и устало.
Сам себе
и командир,
и начальник штаба.
Ждал он
часа своего,
мстил
врагу
кроваво.
Спал он в поле,
и его знамя
согревало…
Шли дожди.
Кружилась мгла.

Задыхалась буря.
Парня
пуля
не брала —
сплющивалась
пуля!
Ну а ежели
брала
в бешенстве напрасном —
незаметной
кровь была,
красная
на красном…
Шел он долго,
нелегко.
Шел
по пояс в росах,
опираясь на древко,
как на вещий
посох.

Отдать тебе любовь?
— Отдать тебе любовь?
— Отдай…
— Она в грязи…
— Отдай в грязи.
— Я погадать хочу…

— Гадай.
— Еще хочу спросить…
— Спроси.
— Допустим, постучусь…
— Впущу.
— Допустим, позову…
— Пойду.
— А если там беда?
— В беду.
— А если обману?
— Прощу.
— «Спой!» — прикажу тебе…
— Спою.
— Запри для друга дверь…
— Запру.
— Скажу тебе: убей!..
— Убью.
— Скажу тебе: умри!..
— Умру.
— А если захлебнусь?
— Спасу.
— А если будет боль?
— Стерплю.
— А если вдруг стена?
— Снесу.
— А если узел?

— Разрублю!
— А если сто узлов?
— И сто.
— Любовь тебе отдать?
— Любовь.
— Не будет этого!
— За что?!
— За то, что
не люблю
рабов.

Признание кинодублера
Я — кинодублер.
Не слыхал
о профессии этой?
Пока не воспетой.
И правильно,
что не воспетой!
Понять не могу,
почему мне еще не обрыдла
профессия драться,
профессия прыгать с обрыва,
во имя искусства
идти на волков и на тигров…
Плевать мне,
что имя мое не указано в титрах!
Хоть там, где я падаю,

редко лежат
поролоны.
И ноют
к дождливой погоде
мои переломы…
Я кинодублер.
Я летаю,
бегу
и ныряю.
Не верю в страховку.
Себе одному
доверяю…
Допустим,
идея сценария всех полонила.
Картина —
в работе.
Отснята
почти половина.
Герой закапризничал.
Начал
канючить и плакать.
В такую погоду
герою
не хочется плавать.
Натура «горит».
Режиссер

шевелюру лохматит.
Меня
вызывают.
И я говорю им:
«Снимайте!»
И вот я плыву.
Я скачу на коне.
Я фехтую.
Пью чай в перерывах.
На руки озябшие дую.

Разбито колено.
Плечо под кровавой корою.
А рядом снимаются
крупные планы
героя.
Я — мышцы его.
Я — бесстрашье его.
Я — решимость.
Я — кинодублер.
А дублерам
нужна одержимость!
И снова я лезу куда-то
по чертовой стенке.
А хилый герой
репетирует сцену
в постельке.

Я в нем растворюсь,
как река растворяется в море…

Наверное, после
он будет и в славе, и в моде.
Наверно, потом
он расскажет, как падал,
как дрался.
И как ему было приятно.
И чуточку страшно…

Я — кинодублер.
Я, наверное, злюсь
без причины…
Пусть девочки
верят,
что он —
настоящий мужчина!
А этот мужчина
с гримершей ругается
долго.
А в нем от мужчины,
пожалуй что, брюки.
И только…

Я — кинодублер.
А сегодня я пью и тоскую.
Давай

за дублеров,
которые жизнью
рискуют!
Ты —
тоже дублер.
Ты порою вопишь исступленно.
Другие —
молчат.
Им легко
за спиною дублера.

Баллада о бессмертии

Хотя гудят:
«Пора!» —
изящные валторны,
забудьтесь,
тенора!
Остыньте,
баритоны!..
Я расскажу теперь, —
жаль,
если не сумею, —
как наш товарищ
пел
в двадцатом.
Перед смертью.
Он умер

для того,
чтоб мы не умирали…
Карателиего,израненного,брали.Заржавленным прутомиспытывалисилу.Умаялись.Потомвелелирыть могилу…Надутый,будто еж,увешанный оружьем. —«А может,ты споешь?..» —смеясь,спросил хорунжий…Луна ползла,как тиф.Безжизненно.Сурово…

И вздыбилсямотив!

И прозвучало
слово!
Пел
песню
комиссар.
Пел,
выбрав гимн из гимнов.
Пел,
будто воскресал.
Пел,
голову закинув.
Пел,
будто пил вино.
Пел,
хвастаясь здоровьем.
«Мы наш, — он пел, —
мы новый мир, —
хрипел, —
построим!!»
Был темным,
как земля.
И мокрым,
как из бани.
Пел,
еле шевеля
разбитыми губами.

Шептал слова
не в такт,
упрямо повторялся…
И получалось так,
что он не пел,
а клялся!
Литые фразы
жгли,
с зарей перемежаясь…
Хорунжий крикнул:
«Пли!!»
А песня
про-дол-жа-лась.
Была грозе
сродни,
светилась
и трубила!..
В руках у солдатни
плясали
карабины.
Дрожали молодцы —
ни стати
и ни прыти…

Великие певцы,
пожалуйста,
замрите!..

Пусть видит комиссар,
как в озаренье алом
встает
высокий зал
с «Интернационалом»!
И солнечно в судьбе.
И ощущаешь гордость.
И веришь,
что в тебе —
тот
комиссарский голос!

* * *

На Земле
безжалостно маленькой
жил да был
человек маленький.
У него была служба
маленькая.
И маленький очень портфель.
Получал он зарплату
маленькую…
И однажды —
прекрасным утром —
постучалась к нему в окошко
небольшая,

казалось,
война...
Автомат ему выдали
маленький.
Сапоги ему выдали
маленькие.
Каску выдали
маленькую
и маленькую —
по размерам —
шинель...
...А когда он упал —
некрасиво,
неправильно,
в атакующем крике
вывернув рот,
то на всей земле
не хватило
мрамора,
чтобы вырубить парня
в полный рост!

* * *

Нахожусь ли
в дальних краях,
ненавижу

или люблю —
от большого,
от главного
я —
четвертуйте —
не отступлю.
Расстреляйте —
не изменю
флагу
цвета крови моей…
Эту веру я свято храню
девять тысяч
нелегких
дней.
С первым вздохом,
с первым глотком
материнского молока
эта вера
со мной.
И пока
я с дорожным ветром
знаком,
и пока, не сгибаясь,
хожу
по не ставшей пухом
земле,

и пока я помню о зле,
и пока с друзьями дружу,
и пока не сгорел в огне,
эта вера
будет
жива.
Чтоб ее уничтожить во мне,
надо сердце убить
сперва.

* * *

Я жизнь люблю безбожно!
Хоть знаю наперед,
что —
рано или поздно —
настанет мой черед.
Я упаду на камни
и, уходя во тьму,
усталыми руками
землю обниму.

Хочу,
чтоб не поверили,
узнав,
друзья мои.
Хочу,

чтоб на мгновение
охрипли соловьи!
Чтобы,
впадая в ярость,
весна по свету шла.

Хочу, чтоб ты
смеялась!
И счастлива была.

Коррида в Лиме
А бык играл с людьми
в расцвеченном овале.
Один из тех
восьми,
которых убивали…
О, как прекрасна кровь,
когда она —
чужая!..
Занятною игрой
орущих
потешая,
бык
злиться не хотел.
А публика дурела!
И бедрами вертел
проворненький тореро.

На пальчики вставал.
Силен.
Самоуверен.
Бык
недоумевал,
Но притворялся зверем…
Не сладко
попадать
В такую передрягу.
Зачем
ему бодать
замызганную тряпку?!
Чуть-чуть левей бы:
— На!!
На!! —
если хочешь крови…
Но у того —
жена.
А может, даже
кроме —
мальчишка.
Карапуз.
Рыданьями
разбудят…
И бык решился:
пусть!

Все будет так,
как будет.
Сопящая гора.
Накатится —
раздавит.
Он знал:
идет игра.
Подразнят —
и отстанут!
Поэтому —
щадил.
Играл с людьми
в охотку…
Не сразу ощутил
клинок,
вошедший в холку…
И на песок осел.
В малиновую тьму.
И прогудел
совсем
по-деревенски:
«Му-у-у…»
Он умирал,
пока
хлестала кровь из раны
на впалые бока…

Убили…
Рады?

Письмо московскому снегу
От тебя я неблизко.
За далями.
За морями.
Влажно вышит залив.
Чайки
душное лето пророчат…
Ты пришли мне сюда
белый лист подмосковной поляны
и на нем напиши
птичьей вязью
хоть несколько строчек…
Ты сейчас в двух шагах,
в двух вершках,
в сантиметре от дома.
Напиши о метелях,
о ветре,
буранах и бурях.
И спокойно лежи.
Так спокойно —
как будто надолго.
Будто бы навсегда.
И весны в этом веке
не будет…

Снег,
дружище,
товарищ.
Надежда моя
и обуза.
Ты не хочешь мне зла.
Ты меня предавать не захочешь…
Спелый снег.
Ты хрустишь на зубах,
будто мякоть арбуза!
И уходишь сквозь пальцы.
Уходишь.
Уходишь.
Уходишь…
Как смешно и бездарно,
что людям тобою грозили!
Я тяну к тебе руки,
но это пока бесполезно…

Снег,
снежище,
снежатина.
Белое чудо
России.
Не забудь обо мне.
Не забудь.
Похрусти до приезда.

* * *

Притворись
большим и щедрым,
полыхающим в ночи.
Будто ливень по ущельям,
по журналам грохочи.
Притворись родным,
родимым,
долгожданным, как капель.
Притворись необходимым!
Притворился?..

А теперь
открывай окно пошире.
Отряхнись от шелухи.
Надо
собственною жизнью
доказать
свои стихи.

Убили парня
Убили парня
за здорово живешь.
За просто так.
Спокойно.
Как в игре…

И было это
не за тыщу верст
от города.
А рядом.
Во дворе.
Еще пылали окна…

Между тем
он так кричал,
прижав ладонь к груди,
как будто накричаться захотел
за долгое молчанье впереди…
Крик
жил отдельно!
Вырастал стеной.
Карабкался,
обрушивался с крыш.
Растерзанный,
отчаянный,
больной,
нечеловечески огромный
крик!
Он тек по трубам,
полз по этажам,
подвалы заполнял и чердаки.
Он ошалело тыкался в звонки!
Ломился в двери

и в замках визжал!..
И воздух был почти воспламенен.
И сигаретки
прыгали у рта:
«Вот если бы не вечером,
а днем...»,
«Вот если бы на фронте, —
я б тогда...».
И все.
И только молний пересверк.
И все.
И не остановился
век...

Какое это чудо —
человек!
Какая
это
мерзость —
человек!

* * *

Плюньте на изящный ореол,
даденный певцу во время оно.
Жалко мне поэта,
если он

занят
подновленьем ореола…
Пусть он лучше в доме
сор метет.
Спорит о классических газеллах.
В булочную ходит.
Снега ждет.
Застывает
у витрин газетных.
Пусть он режет хлеб.
Кричит во сне.
Морщится
от строчки неудачной.
Мчится по делам.
Звонит жене.
С дочерью колдует над задачкой.
Покупает яблоки ранет.
Разминает в пальцах сигарету…
Ничего таинственного
нет
в жизни
настоящего поэта…
Вот он на огонь глядит в упор.
Вот он разговаривает с кем-то.
Вот с друзьями едет на футбол…
И не носит

нимба.
Носит кепку.

Давнее
А. Киреевой

Я, как блиндаж партизанский,
травою пророс.
Но, оглянувшись,
очень отчетливо вижу:
падают мальчики,
запнувшись за мину,
как за порог,
наткнувшись на очередь,
будто на ленточку финиша.
Падают мальчики,
руки раскинув просторно,
на чернозем,
от безделья и крови
жирный.
Падают мальчики,
на мягких ладонях которых —
такие прекрасные,
такие длинные
линии
жизни.

* * *

А. Аграновскому

Над камином стучат
ходики…
Где упали
друзья —
холмики.
Навсегда заросли
травами.
До сих пор их дома
в трауре…

А другие
пошли в физики.
Мне о них разузнать —
фигушки!
Мне у них про дела
выпытать —
все равно
что секрет
выболтать…
А иные нашли
жилочку,
может,
даже и впрямь —

жирную.
Полюбили столы
крупные.
Полюбили слова
круглые…
Им
грешно до меня снизиться…
И застыл телефон
в книжице.
Как рыбешка
в углу невода.
Номер есть,
а звонить — некуда…

Похудела моя
книжечка.
Там,
где раньше канат, —
ниточка.
Там, где раньше
моря, —
озеро.
А заместо весны —
осени.

Базар того года
Ю. Казакову

Базар?
Базар!

Торговки
базлали:
«Сахарин фасованный!..»
«Целебная махра!..»
Чего только не было
на этом базаре,
особенно
если воскресенье,
с утра…
«Продам шинель новехонькую!
Сам бы носил — жалко!..»
«Брусничная настоечка! —
Лекарство от невзгод!..»
«А ну,
кому
шаньги!
Румяные шаньги!..»
«А вот чудо-мыло…»
«А вот
костыль-самоход…»
«Прыгающий мячик —
детишкам на забаву…»
«Валенки!
Валенки на любой мороз!..»

Продавал ругательства —
за полтинник
пару —
чернявый
хрипловатый
безногий матрос…
«Имеются ушанки.
Три кило ворсу…
Налетай, служивые!
Цена — пустяк…»

— А у вас, дедуся?..
— У меня
фокусы…
— Что еще за новость?!
Как это?..
— А так…

Он прямо на булыжнике
расстелил коврик.
Из собственного уха
огурец извлек.
И в мутноватой лужице
среди арбузных корок
заплавал,
заплескался серебряный малек…
А старичок выдергивал

голубей из сумочки,
потом превратил полено
в заржавленную пилу…
Старичок старался!
Мелькали пальцы сухонькие…
«Э-гей!
Кому фокусы!
Недорого беру…»
Подходила публика.
Смеялись бабы в голос…

А мальчишка —
замерший,
как громом поражен, —
вдруг сказал:
— Дедушка.
Продай мне…
фокус…
Чтоб в конце фокуса…
папа…
пришел… —
Старичок
беспомощно пожал
плечами.
Цвела
победными лозунгами
щербатая стена…

Люди оглянулись.
Люди замолчали…

Кончилась.
Кончилась.
Кончилась
война.

Ровесникам
Артуру Макарову

Знаешь, друг,
мы, наверно, с рожденья
такие…
Сто разлук нам пророчили
скорую гибель.
Сто смертей
усмехались беззубыми ртами.
Наши мамы
вестей
месяцами от нас ожидали…

Мы росли —
поколение
рвущихся плавать.
Мы пришли
в этот мир,
чтоб смеяться и плакать,

видеть смерть
и, в открытое море бросаясь,
песни петь,
целовать неприступных красавиц!
Мы пришли
быть,
где необходимо и трудно…
От земли
города поднимаются круто.
Век
суров.
Почерневшие реки
дымятся.
Свет костров
лег на жесткие щеки
румянцем…
Как всегда,
полночь смотрит
немыми глазами.
Поезда
отправляются по расписанью.
Мы ложимся спать.
Кров родительский
сдержанно хвалим.
Но
опять

уезжаем,
летим,
отплываем!
Двадцать раз за окном
зори
алое знамя подымут…

Знаю я:
мы однажды уйдем
к тем,
которые сраму
не имут.
Ничего
не сказав.
Не успев попрощаться…
Что
с того?
Все равно: это —
слышишь ты? —
счастье.
Сеять хлеб
на равнинах,
ветрами продутых…
Жить взахлеб!
Это здорово кто-то придумал!

Концерт

Сорок трудный год.
Омский госпиталь…
Коридоры сухие и маркие.
Шепчет старая нянечка:
«Господи!
До чего же артисты
маленькие…»

Мы шагаем палатами длинными.
Мы почти растворяемся в них
с балалайками,
с мандолинами
и большими пачками книг.
Что в программе?
В программе — чтение,
пара песен
военных, правильных…

Мы в палату тяжелораненых
входим с трепетом и почтением.
Двое здесь.
Майор артиллерии
с ампутированной ногой,
в сумасшедшем бою под Ельней
на себя принявший огонь.
На пришельцев глядит он весело…
И другой —

до бровей забинтован, —
капитан,
таранивший «мессера»
три недели назад
над Ростовом.

Мы вошли.
Мы стоим в молчании.
Вдруг
срывающимся фальцетом
Абрикосов Гришка отчаянно
объявляет начало концерта.
А за ним,
не вполне совершенно,
но вовсю запевале внимая,
о народной поем,
о священной
так,
как мы ее понимаем.
В ней Чапаев сражается заново,
краснозвездные мчатся танки.
В ней шагают наши
в атаки,
а фашисты падают замертво.
В ней чужое железо плавится,
в ней и смерть отступать должна.
Если честно признаться,

нравится
нам
такая война!
Мы поем.
Только голос летчика
раздается.
А в нем — укор:
— Погодите…
Постойте, хлопчики…
Погодите…
Умер
майор… —
Балалайка всплеснула горестно.
Торопливо,
будто в бреду…

…Вот и все
о концерте в госпитале
в том году.

Жизнь
Г. П. Гроденскому

Живу, как хочу, —
светло и легко.
Живу, как лечу, —
высоко-высоко.
Пусть небу

смешно,
но отныне
ни дня
не будет оно
краснеть за меня…
Что может быть лучше —
собрать облака
и выкрутить тучу
над жаром
песка!
Свежо и громадно
поспорить с зарей!
Ворочать громами
над черной землей.
Раскидистым молниям
душу
открыть,
над миром,
над морем
раздольно
парить!
Я зла не имею.
Я сердцу не лгу.
Живу, как умею.
Живу, как могу.
Живу, как лечу.

Умру,
как споткнусь.
Земле прокричу:
«Я ливнем
вернусь!»

* * *

Будь, пожалуйста,
послабее.
Будь,
пожалуйста.
И тогда подарю тебе я
чудо
запросто.
И тогда я вымахну —
вырасту,
стану особенным.
Из горящего дома вынесу
тебя,
сонную.
Я решусь на все неизвестное,
на все безрассудное —
в море брошусь,
густое,
зловещее,
и спасу тебя!..

Это будет
сердцем велено мне,
сердцем велено…
Но ведь ты же
сильнее меня,
сильней
и уверенней!
Ты сама готова спасти других
от уныния тяжкого,
ты сама не боишься ни свиста пурги,
ни огня хрустящего.
Не заблудишься,
не утонешь,
зла не накопишь.
Не заплачешь
и не застонешь,
если захочешь.
Станешь плавной
и станешь ветреной,
если захочешь…
Мне с тобою —
такой уверенной —
трудно
очень.

Хоть нарочно,
хоть на мгновенье —

я прошу,
робея, —
помоги мне в себя поверить,
стань
слабее.

Парни с поднятыми воротниками
Парни с поднятыми воротниками,
в куртках кожаных,
в брюках-джинсах.
Ох, какими словами
вас ругают!
И все время удивляются:
живы?!
О проблеме вашей спорят журнальчики —
предлагают убеждать,
разъяснять…
Ничего про это дело
вы
не знаете.
Да и в общем-то
не хотите знать…

Равнодушно
меняются
столицы —
я немало повидал их, —

и везде,
посреди любой столицы,
вы стоите,
будто памятник
обманутой мечте.
Манекенами
к витринам приникшие,
каждый вечер —
проверяй по часам —
вы уже примелькались всем,
как нищие.
Что подать вам?
Я не знаю сам.
Завлекают вас
ковбоями и твистами, —
вам давно уже
поднадоел твист.
Вы покуриваете
и посвистываете,
независимый делаете вид.
Может,
девочек ждете?
Да навряд ли!
Вон их сколько —
целые стада.
Ходят около —

юные,
нарядные…
Так чего ж вы ожидаете тогда?!

Я не знаю — почему,
но мне кажется:
вы попали
в нечестную игру.
Вам история назначила —
каждому —
по свиданию
на этом углу.
Обещала показать
самое гордое —
мир
без позолоченного зла.
Наврала,
наговорила с три короба.
А на эти свиданья
не пришла…
Идиотская,
неумная шутка!
Но история
думает
свое…

И с тех пор

неторопливо и жутко
все вы ждете,
все ждете ее.
Вдруг покажется,
вдруг покается,
вдруг избавит от запойной тоски!..
Вы стоите на углу,
покачиваясь,
вызывающе подняв воротники…

А она проходит мимо —
история, —
раздавая
трехгрошовые истины…
Вы постойте, парни.
Постойте!
Может быть,
чего-нибудь
и выстоите.

Монолог шофера
Еще нам до ночлега —
будь здоров!
Стекло в дождинках,
словно в каплях пота…
Один чудак
сказал про шоферов:

«Им — что?!
У них
сидячая работа!»
Да ладно.
Ну, подумаешь — сказал!
Есть люди —
обо всем по слухам судят.
Но я бы в рейс его
с собою взял.
В обычный рейс.
Хотя б
на десять суток…
И пусть он —
балаболка и профан —
почувствует нутром дыханье зноя.
И заболят глаза
от встречных фар.
И екнет сердце.
И спина заноет.
Пусть побуксует,
ежели не трус,
в осенней глине,
чавкающей жирно…
Тогда ему покажется,
что груз
он тащит лично.

Сам!
А не машина…
Пусть он в горах
почует гололед,
когда дорога
вверх ползет упрямо.
Прочтет табличку
(там, где поворот):
«Володя Чумаков.
Поехал прямо».
А рядом — год,
и месяц,
и число.
И тишина.
И ночь в накрапах звездных…
Собрату моему
не повезло.
Он за рулем уснул.
Проснулся — поздно…
Я еду
и смотрю свое кино —
бегущую навстречу мне
дорогу.
И что б там ни случалось,
все равно
в конечный пункт

мы прибываем к сроку.
Чуть отдохнешь,
и снова в путь пора.
Мы водим большегрузы
не для спорта.

А в остальном
все — так,
мы — шофера.
Нам — что!
У нас
сидячая работа.

Дочке
Катька,
Катышок,
Катюха —
тоненькие пальчики.
Слушай,
человек-два-уха,
излиянья
папины.
Я хочу,
чтобы тебе
не казалось тайной,
почему отец
теперь

стал сентиментальным.
Чтобы все ты поняла —
не сейчас, так позже.
У тебя
свои дела
и свои заботы.
Занята ты долгий день
сном,
едою,
санками.
Там у вас,
в стране детей,
происходит
всякое.
Там у вас,
в стране детей —
мощной
и внушительной, —
много всяческих затей,
много разных жителей.
Есть такие —
отойди
и постой в сторонке.
Есть у вас
свои вожди
и свои пророки.

Есть —
совсем как у больших —
ябеды
и нытики…
Парк
бесчисленных машин
выстроен по нитке.
Происходят там и тут
обсужденья
грозные:
«Что
на третье
дадут:
компот
или мороженое?»
«Что нарисовал сосед?»
«Елку где поставят?..»
Хорошо, что вам
газет —
взрослых —
не читают!..
Смотрите,
остановясь,
на крутую радугу…
Хорошо,
что не для вас

нервный голос радио!
Ожиданье новостей
страшных
и громадных…
Там у вас, в стране детей,
жизнь идет нормально.

Там —
ни слова про войну.
Там о ней —
ни слуха…

Я хочу
в твою страну,
человек-два-уха!

Богини
Василию Аксенову

Давай покинем этот дом,
давай покинем —
нелепый дом,
набитый скукою и чадом.
Давай уйдем к своим домашним богиням,
к своим уютным богиням,
к своим ворчащим…
Они, наверно, ждут нас?
Ждут.

Как ты думаешь?
Заварен чай,
крепкий чай.
Не чай — а деготь!
Горят цветные светляки на низких тумбочках,
от проносящихся машин
дрожат стекла…
Давай пойдем, дружище!
Из-за стола встанем.
Пойдем к богиням,
к нашим судьям бессонным,
Где нам обоим
приговор уже составлен.
По меньшей мере мы приговорены —
к ссоре…
Богини сидят,
в немую тьму глаза тараща.
И в то,
что живы мы с тобою,
верят слабо…
Они ревнивы так,
что это даже страшно.
Так подозрительны,
что это очень странно.
Они придумывают разные разности,
они нас любят горячо и неудобно.

Они всегда считают
самой высшей радостью
те дни, когда мы дома.
Просто дома…
Москва ночная спит
и дышит глубоко.
Москва ночная
до зари ни с кем не спорит…

Идут к богиням
два не очень трезвых
бога.
Желают боги одного:
быть собою.

* * *

Все начинается с любви…
Твердят:
«Вначале
было
слово».
А я провозглашаю снова:
Все начинается
с любви!..

Все начинается с любви:
и озаренье,

и работа,
глаза цветов,
глаза ребенка —
все начинается с любви.

Все начинается с любви.
С любви!
Я это точно знаю.
Все,
даже ненависть —
родная
и вечная
сестра любви.

Все начинается с любви:
мечта и страх,
вино и порох.
Трагедия,
тоска
и подвиг —
все начинается с любви…

Весна шепнет тебе:
«Живи…»
И ты от шепота качнешься.
И выпрямишься.
И начнешься.
Все начинается

с любви!

Баллада о телефонных звонках
Центропункт — диспетчерская городской медицинской службы

Наверное, похожи номера.
А может, техники недосмотрели.
Но только
незадолго до утра
я был разбужен
телефонной трелью…
— Скажите, это центропункт?
Алло?..
Алло!!
(Я трубку вешаю в молчанье.
Я даже не могу ответить зло.
Я сплю.
Я ничего не замечаю…)
Звонок, и все сначала:
— Центропункт?
Опять ошибка?
Это невозможно!!

Сна не было уже.
А был испуг
пред всем, что непонятно
и тревожно…

Звонки ломились,
будто в дверь — плечом.
Как настоящий ветер —
в сновиденья…

— Аппендицит!..
— Да я-то тут при чем?!.
— Потеря крови!..
— У кого потеря?!

По комнате шаталась темнота,
она была пугающе громадна…
— Ранение в районе живота!..
— Алло!
Необходим реаниматор!..
(Валилась трубка
из дрожащих рук.)
— Открытый перелом!..
Нужна машина…

…Да погоди, не горячись.
А вдруг
все правильно.
И это не ошибка.
Тебе поверили.
Тебя нашли.
Узнали номер.
Выяснили имя…

Ты ж сам кричал,
что боли всей Земли
отныне станут
навсегда твоими!..

Что ж, если так,
то слово за тобой.
Барахтайся в нестихотворных темах.
Она тебя зовет —
чужая боль.
Реальная.
Людская.
Без подделок…

Скажи, что повзрослел.
Что нездоров.
Давнишнюю строку
возьми обратно…

Но я бужу
знакомых докторов.
Я что-то объясняю им
невнятно.
И остаюсь
в гудящей тишине.
И чувствую натянутые нити…

Все правильно.

Все так.
Звоните мне!
Ошибки нет.
Звоните мне!
Звоните!

Ночью
Как тихо в мире!
Как тепло…
А если в этой тишине
ты —
мне
назло,
себе
назло —
устала
думать обо мне!
И номер набрала рывком.
И молча отворила дверь…
Я, может, даже незнаком
с ним —
постучавшимся теперь.
А если и знаком,
так что ж:
он — чуткий.
У него —
душа…

И вот
в ладони ты идешь
к нему,
белея и дрожа.
Не понимаешь ничего…
А простыни —
как тонкий дым…
И называешь
ты
его —
забывшись —
именем моим!
И падаешь, полужива.
И задыхаешься от слез.
И шепчешь жаркие слова.
Все те.
Все самые.
Всерьез!
А сумрак —
будто воспален.
И очень пьяно
в голове…

Телефонистка — о своем:
«Алло!
Кого позвать в Москве?..»
«Кто подойдет».

Наверно, ты.
А если он, тогда…
Тогда
пусть вычеркнется навсегда
твой телефон!..
Из темноты
приходит медленная боль.
А я уже над ней смеюсь!
Смешно,
что я вот так
с тобой
то ссорюсь,
то опять мирюсь!
И мысли пробую смягчить,
весь —
в ожидании грозы…

Как долго
телефон молчит!
Как громко
тикают
часы!

* * *

А. К.

Приходить к тебе,

чтоб снова
просто вслушиваться в голос;
и сидеть на стуле, сгорбясь,
и не говорить ни слова.
Приходить,
стучаться в двери,
замирая, ждать ответа…
Если ты узнаешь это,
то, наверно, не поверишь,
то, конечно, захохочешь,
скажешь:
«Это ж глупо очень…»
Скажешь:
«Тоже мне —
влюбленный!» —
и посмотришь удивленно,
и не усидишь на месте.
Будет смех звенеть рекою…

Ну и ладно.
Ну и смейся.
Я люблю тебя
такою.

* * *

Зря

браслетами не бряцай.
Я их слышал.
Я не взгляну…
Знаешь,
как языческий царь
объявлял другому
войну?
Говорил он:
«Иду на Вы!
Лик мой страшен,
а гнев —
глубок.
Одному из нас —
видит бог! —
не сносить в бою головы».
Я не царь.
А на Вы
иду!
Неприкаян и обречен,
на озноб иду.
На беду.
Не раздумывая
ни о чем.
Будет филин ухать в бору.
Будет изморозь по утрам.
Будет зарево не к добру.

Строки рваные
телеграмм.
Встреч оборванных
немота,
ревность
и сигаретный чад.
И заброшенная верста,
где олени в двери стучат.
Будет ветер сухим, как плеть.
Будут набережные пусты.
Я заставлю
камень гореть
и сожгу за собой
мосты.
Высшей мерой меня суди.
Высшей правдой себя суди.
Почтальона, как жизни,
жди.
Почтальона, как смерти,
жди.

Я стою у темной Невы,
у воды,
глухой и слепой…
Говорю я:
«Иду на Вы!
Объявляю тебе

любовь!»

Встреча
— Здравствуй!
Кого я вижу?!
Больно глазам!
Прямо как в сказке:
вдруг
посреди зимы —
летнее чудо!
Вот и не верь чудесам.

— Здравствуй!..
Действительно,
вот и встретились мы.

— Дай мне опомниться!
До сих пор не пойму:
вышел из дома,
а ты навстречу идешь!..
А помнишь,
какое солнце
было в Крыму?

— Помню…
Теперь мне
больше нравится дождь.

— Я же тебе написать обещал…

Но, знаешь, не смог.
Сперва заболел.
А потом навалились дела.
Ты понимаешь:
работа.
Падаю с ног!

— Я понимаю.
Я писем и не ждала…

— А помнишь,
как я сердолики тебе искал?
И рано утром
ромашки бросал в окно…
А помнишь,
как мы смеялись у Синих скал?

— Помню…
Сейчас это все
и вправду смешно.

— А помнишь,
как мы на базаре купили айву?
Как шли по дороге,
а рядом бежал ручей…
Послушай,
а как ты живешь?

— Да так и живу…

— А помнишь?..

— Помню.
Не знаю только —
зачем.

* * *

Тополь стоит,
наготу терпя,
словно скелет
самого себя.
Слишком прозрачны,
очень пусты
черные
неживые кусты.
Тихой тропинки
грустный излом
без продолженья…

Рисунок пером.

Фотография поэта
Мгновенье
остановлено нечетко.
Видны глаза,
и больше ничего…
Круги забвенья

и круги почета
не слишком-то влияли на него.
Он, выступая,
тряс седою прядкой,
насмешек над собой не замечал.
Был одиноким,
как прыгун над планкой.
И в дружеских компаниях
скучал.
Лишь перед смертью
показал характер.

В свои болезни уходить не стал,
и время,
то, что он когда-то тратил,
в конце концов
почти что наверстал.
Спешил он так безудержно и горько,
такой живою
стала вдруг строка!..
Жаль,
не хватило малости какой-то.
Минут каких-то.
Мига.
Пустяка.

* * *

Приходит врач, на воробья похожий,
и прыгает смешно перед постелью.
И клювиком выстукивает грудь.
И маленькими крылышками машет.
— Ну, как дела? —
чирикает привычно. —
Есть жалобы?.. —
Я отвечаю:
— Есть.
Есть жалобы.
Есть очень много жалоб…
Вот, — говорю, —
не прыгал с парашютом…
Вот, — говорю, —
на лошади не ездил…
По проволоке в цирке не ходил…
Он морщится:
— Да бросьте вы!
Не надо!
Ведь я серьезно…
— Я серьезно тоже.
Послушайте, великолепный доктор:
когда-то в Омске
у большой реки

мальчишка жил,
затравленный войною...
Он так мечтал о небе —
синем-синем!
О невозможно белом парашюте,
качающемся
в теплой тишине...
Еще мечтал он
о ночных погонях!
О странном,
древнем ощущенье скачки,
когда подпрыгивает сердце к горлу
и ноги прирастают к стременам!..
Он цирк любил.
И в нем —
не акробатов,
не клоунов,
не львов, больших и грустных,
а девочку,
шагающую мягко
по воздуху,
спрессованному в нить.
О, как он после представлений клялся:
«Я научусь!
И я пойду за нею!..»
Вы скажете:

— Но это все наивно… —
Да-да, конечно.
Это все наивно.
Мы —
взрослые —
мечтаем по-другому
и о другом…
Мечта приходит к нам
еще неосязаемой,
неясной,
невидимой,
неназванной, как правнук.
И остается в нас до исполненья.
Или до смерти.
Это все равно.
Мы без мечты немыслимы.
Бессильны.
Но если исполняется она,
за ней — как ослепление —
другая!..
Исполнилось лишь самое начало.
Любовь исполнилась
и крик ребенка.
Исполнились друзья,
дороги,
дали.

Не все дороги
и не все друзья, —
я это понимаю!..
Только где-то
живут мечты —
наивные, смешные, —
с которых мы и начали мечтать.
Они нам в спины смотрят долго-долго —
вдруг обернемся
и «спасибо!» скажем.
Рукой взмахнем:
— Счастливо!..
Оставайтесь…
Простите за измену.
Мы спешим… —
Но, может, это даже не измена?!

…А доктор
собирает чемоданчик.
Молчит и улыбается по-птичьи.
Уходит.
И уже у самой двери
он тихо говорит:
— А я мечтал…
давно когда-то…
вырастить
овчарку…

А после
подарить погранзаставе…
И не успел… —
Действительно, смешно.

Чудо

Так полыхнуло —
сплеча,
сполна —
над ледяным прудом!..
(Два человека —
он и она —
были виновны в том…)
В доме напротив полночный лифт
взвился до чердака.
Свет был таким,
что мельчайший шрифт
читался наверняка…
Так полыхнуло,
так занялось —
весной ли,
огнем —
не понять.
И о потомстве подумал лось,
а заяц решил
линять.
Землю пробили усики трав

и посверлили лучи.
Тотчас,
об этом чуде узнав,
заспешили с юга
грачи.
На лентах сейсмографов
стала видна
нервная полоса…
(Два человека —
он и она —
глядели
друг другу в глаза…)
Реки набухли.
Народ бежал
и жмурился от тепла.
Кто-то кричал:
«Пожар!..
Пожар!..»
А это
любовь была.

Сказка с несказочным концом
Страна была до того малюсенькой,
что, когда проводился военный парад,
армия
маршировала на месте
от начала парада

и до конца.
Ибо, если подать другую команду, —
не «на месте шагом»,
а «шагом вперед...», —
очень просто могла бы начаться война.
Первый шаг
был бы шагом через границу.

Страна была до того малюсенькой,
что, когда чихал знаменитый булочник
(знаменитый тем,
что он был единственным
булочником
в этой стране), —
так вот, когда он чихал троекратно,
булочники из соседних стран
говорили вежливо:
«Будьте здоровы!..»
И ладонью
стирали брызги со щек.
Страна была до того малюсенькой,
что весь ее общественный транспорт
состоял из автобуса без мотора.
Этот самый автобус —
денно и нощно,
сверкая никелем, лаком и хромом,
опершись на прочный гранитный фундамент

перегораживал
Главную улицу.
И тот,
кто хотел проехать в автобусе,
входил, как положено,
с задней площадки,
брал билеты,
садился в удобное кресло
и,
посидев в нем минут пятнадцать, —
вставал
и вместе с толпой пассажиров
выходил с передней площадки —
довольный —
уже на другом конце государства.

Страна была до того малюсенькой,
что, когда проводились соревнования
по легкой атлетике,
все спортсмены
соревновались
(как сговорившись!)
в одном лишь виде:
прыжках в высоту.
Другие виды не развивались.
Ибо даже дистанция стометровки
пересекалась почти посредине

чертой
Государственнейшей границы.
На этой черте
с обеих сторон
стояли будочки полицейских.
И спортсмен,
добежав до знакомой черты,
останавливался,
предъявлял свой паспорт.
Брал визу на выезд.
Визу на въезд.
А потом он мучительно препирался
с полицейским соседнего государства,
который требовал прежде всего
список
участников соревнований —
(вдруг ты — хиппи, а не спортсмен!).
Потом этот список переводили
на звучный язык соседней страны,
снимали у всех отпечатки пальцев
и —
предлагали следовать дальше.
Так и заканчивалась стометровка.
Иногда —
представьте! —
с новым рекордом.

Страна была до того малюсенькой,
что жители этой скромной державы
разводили только домашнюю птицу
и не очень крупный рогатый скот
(так возвышенно
я называю
баранов).
Что касается более крупных зверей,
то единственная в государстве корова
перед тем, как подохнуть,
успела сожрать
всю траву
на единственной здешней лужайке,
всю листву
на обоих деревьях страны,
все цветы без остатка
(подумать страшно!)
на единственной клумбе
у дома Премьера.
Это было еще в позапрошлом году.
До сих пор весь народ говорит с содроганьем
о мычании
этой голодной коровы.

Страна была до того малюсенькой,
что, когда семья садилась за стол
и суп

оказывался недосоленным,
глава семьи звонил в Министерство
Иностранных Дел и Внешней Торговли.
Ибо угол стола,
где стояла солонка,
был уже совершенно чужой территорией
со своей конституцией и сводом законов
(достаточно строгих, кстати сказать).
И об этом все в государстве знали.
Потому что однажды хозяин семьи
(не этой,
а той, что живет по соседству),
руку свою протянул за солонкой,
и рука была
арестована
тут же!
Ее посадили на хлеб и воду,
а после организовали процесс —
шумный,
торжественный,
принципиальный —
с продажей дешевых входных билетов,
с присутствием очень влиятельных лиц.
Правую руку главы семьи
приговорили,
во-первых — к штрафу,

во-вторых
(условно) —
к году тюрьмы…
В результате
несчастный глава семейства
оказался в двусмысленном положенье:
целый год он после —
одною левой —
отрабатывал штраф
и кормил семью.

Страна была до того малюсенькой,
что ее музыканты
с далеких пор
играли только на флейтах и скрипках,
лишь на самых маленьких скрипках и флейтах!
Больше они ни на чем не играли.
А рояль они видели только в кино
да еще —
в иллюстрированных журналах.
Потому что загадочный айсберг рояля,
несмотря на значительные старанья,
не влезал
в территорию
этой страны.
Нет, вернее, сам-то рояль помещался,

но тогда
исполнителю
не было места.
(А играть на рояле из-за границы —
согласитесь —
не очень-то патриотично!)

Страна была невероятно крохотной.
Соседи
эту страну уважали.
Никто не хотел на нее нападать.
И все же
один отставной генерал
(уроженец страны
и большой патриот)
несколько раз выступал в Сенате,
несколько раз давал интервью
корреспондентам центральных газет,
посылал посланья Главе государства,
в которых
решительно и однозначно
ругал
профсоюзы и коммунистов,
просил увеличить военный бюджет,
восхвалял свою армию.
И для армии
требовал

атомного
оружия!

Стихи, написанные Восьмого марта
Все равно что за снегом идти
в Африку,
а за новою книжкой стихов —
в мебельный
и уныло просить
со слезой в голосе
адрес господа бога
в бюро справочном,
все равно что ругать океан
с берега
за его невниманье
к твоей личности,
все равно что подснежник искать
осенью
и, вздыхая, поминки справлять
загодя,
все равно что костер разводить
в комнате,
а гнедого коня
в гараже требовать
и упорно пытаться обнять
облако,
и картошку варить

в ледяной проруби,
все равно что на суше
учить плаванью,
а увесистый камень
считать яблоком,
все равно что от курицы
ждать лебедя —
так однажды
решить,
будто ты
полностью
разбираешься
в женском
характере!

* * *

Спелый ветер дохнул напористо
и ушел за моря…
Будто жесткая полка поезда —
память моя.
А вагон
на стыках качается
в мареве зорь.
Я к дороге привык.
И отчаиваться
мне

не резон.
Эту ношу транзитного жителя
выдержу я…

Жаль, все чаще и все неожиданней
сходят друзья!
Я кричу им:
«Куда ж вы?!
Опомнитесь!..»
Ни слова в ответ.
Исчезают за окнами поезда.
Были —
и нет…
Вместо них,
с правотою бесстрашною
говоря о другом,
незнакомые, юные граждане
обживают вагон.
Мчится поезд лугами белесыми
и сквозь дым городов.
Все гремят и гремят под колесами
стыки годов…

И однажды негаданно
затемно
сдавит в груди.
Вдруг пойму я,

что мне обязательно
надо сойти!
Здесь.
На первой попавшейся станции.
Время пришло…

Но в летящих вагонах
останется
и наше тепло.

* * *

Так вышло.
Луна непонятною краской
обочины выкрасила…
Нас выжгло!
Нас —
будто из поезда полночью —
выбросило.
По пояс —
холодного снега в кювете.
В сугробах — полмира!..
А поезд
проносится мимо…
проносится мимо,
проносится мимо.
Постой!

Но ведь только минута прошла,
как мы ехали в нем и смеялись.
С его теснотой
и нежданною грустью
смирялись.
Глупили!
В чужие печали и беды
бесстрашно влезали.
Мы были
самими собой.
А теперь мы — не сами.
Теперь,
вспоминая себя,
оглушенно и тяжко молчим мы.
Тебе
я кажусь незнакомым,
далеким,
едва различимым…
Пустынная полночь.
Ладони в ожогах метельного дыма.
А поезд
проносится мимо,
проносится мимо,
проносится мимо…
Летит он — снарядом!
И тащит куда-то не наши обиды,

не наши болезни и счастья.
Ты — рядом.
А как достучаться?
А как дотянуться?
А как до тебя докричаться?..

Под снегом великим,
над временем тысячеверстным
безмолвные
крики
висят,
зацепившись за звезды.
Мне их не избавить
от каждого прошлого дня
и от каждого мига…

А память
проносится мимо,
проносится мимо,
проносится мимо…

* * *

Сначала в груди возникает надежда,
неведомый гул посреди тишины.
Хоть строки
еще существуют отдельно,
они еще только наитьем слышны.

Есть эхо.
Предчувствие притяженья.
Почти что смертельное баловство…

И — точка.
И не было стихотворенья.
Была лишь попытка.
Желанье его.

* * *

Ветер.
И чайки летящей крыло.
Ложь во спасение.
Правда во зло.
Странно шуршащие камыши.
Бездна желаний
над бездной души.
Длинный откат шелестящей волны.
Звон
оглушительной тишины.
Цепкость корней
и движение глыб.
Ржанье коней.
И молчание рыб.
Парус,
который свистит, накренясь…

Господи,
сколько намешано в нас!

* * *

Этот витязь бедный
никого не спас.
А ведь жил он
в первый
и последний раз.
Был отцом и мужем
и —
судьбой храним —
больше всех был нужен
лишь своим родным…

От него осталась
жажда быть собой,
медленная старость,
замкнутая боль.
Неживая сила.
Блики на воде…

А еще —
могила.
(Он не знает
где.)

* * *

Вдруг на бегу остановиться,
Так,
будто пропасть на пути.
«Меня не будет…» —
удивиться.
И по слогам произнести:
«Ме-ня не бу-дет…»

Мне б хотелось
не огорчать родных людей.
Но я уйду.
Исчезну.
Денусь.
Меня не будет…
Будет день,
настоянный на птичьих криках.
И в окна, как весны глоток,
весь в золотых, сквозных пылинках,
ворвется
солнечный поток!..

Просыплются дожди в траву
и новую траву разбудят.
Ау! — послышится —
Ау-у-у!..

Не отзовусь.
Меня не будет.

* * *

Ах, как мы привыкли шагать от несчастья к несчастью…
Мои дорогие, мои бесконечно родные,
прощайте!
Родные мои, дорогие мои, золотые,
останьтесь, прошу вас,
побудьте опять молодыми!
Не каньте беззвучно в бездонной российской общаге.
Живите. Прощайте…

Тот край, где я нехотя скроюсь, отсюда не виден.
Простите меня, если я хоть кого-то обидел!
Целую глаза ваши.
Тихо молю о пощаде.
Мои дорогие. Мои золотые.
Прощайте!..

Постичь я пытался безумных событий причинность.
В душе угадал…

Да не все на бумаге случилось.

В Музее естествознания
До теперешней
нашей Земли,
до ее дождей
и метелей
бронтозавры
не доползли,
птеродактили
не долетели.
Это —
личная их беда,
за нее
никто не в ответе.
Заблудились.
Пошли не туда.
Смерть нашли
в тупиковой ветви.

Древо жизни
листвой шевелит,
ветвь — направо
и ветвь — налево.
«Человек разумный»
сидит
на вершине

этого древа.
Он — мыслитель.
Он хмурит лоб.
Человека
идея гложет:
хочет что-то придумать,
чтоб
самого себя
уничтожить.
Он подпер подбородок рукой —
вождь прогресса,
краса и гордость…
Он — придумает!
Он — такой!
Вы, пожалуйста,
не беспокойтесь!

А над ним
проносится век.
Повороты.
Круговороты…
Да неужто
и человек —
тупиковая ветвь
природы?!

День

И опять он рождается
в зябком окне.
Барабанит в стекло,
будто просит помочь.
В нем —
коротком,
еще не потерянном дне —
непрерывная боль,
сумасшедшая мощь!..
«Суета!» — говоришь?
«Принесет — унесет?»
Говоришь, что поэту
гораздо важней
о бессмертии думать
и с этих высот
обращаться к векам
через головы дней?..
Я не ведаю,
чем тебя встретят
века…

Для спешащего дня
я кричу и шепчу.
И останется после
хотя бы строка —
я не знаю.
Я знаю.

Я знать не хочу.

* * *

Или Тихий,
или
Великий…
Значит, надо выбрать.
Буду бедовым!
В перехлесте мокрых
изломанных линий
посмеюсь над растерянным берегом
вдоволь.
Я потрусь спиной о край земли,
замочу рукава,
до плечей закатанные.
И начну подбрасывать
корабли,
как монетки,
когда загадывают.
Или Тихий,
или
Великий…
Надоест мне пророчить беду
скорлупкам.
К невысокому берегу,
ленью

облитый,
подползу щенком —
счастливым и глупым.
Я припомню
мурлыкающие мотивы.
Я замру
в исступлении покаянном,
Буду ласковым.
Буду предельно тихим.
Очень Тихим.
И все ж таки —
океаном!

Костер
Умирал костер, как человек…
То устало затихал,
то вдруг
вздрагивал,
вытягивая вверх
кисти желтых и прозрачных рук.
Вздрагивал,
по струйке дыма
лез,
будто унести хотел с собой
этот душный,
неподвижный лес,
от осин желтеющих

рябой,
птиц
неразличимые слова,
пухлого тумана
длинный хвост,
и траву,
и россыпь синих звезд,
тучами прикрытую едва.

Разница во времени
Звезды высыпали вдруг
необузданной толпой.
Между летом и зимой
запылала осень трепетно.
Между стуком двух сердец,
между мною и тобой
есть —
помимо расстояний —
просто разница во времени.
Я обыкновенно жил.
Я с любовью не играл.
Я писал тебе стихи,
ничего взамен не требуя.
И сейчас пошлю домой
восемнадцать телеграмм.
Ты получишь их не сразу.
Это —

разница во времени.
Я на улицу бегу.
Я вздыхаю тяжело.
Но, и самого себя
переполнив завереньями,
как мне закричать
«люблю»?
Вдруг твое «люблю»
прошло?
Потому, что существует
эта разница во времени.
Солнце встало на пути.
Ветры встали на пути.
Напугать меня хотят
высотою горы-вредины.
Не смотри на телефон.
И немного подожди.
Я приду,
перешагнув
через разницу во времени.

Город ангелов
А. Сахнину
Начинается
город ангелов,
город ангелов —
Голливуд…

Люди в панике,
люди ахают:
«Вот где эти кумиры
живут!..»
Кинозвездочки,
кинозвездашечки,
кинодвигатели эпох.

Полисмен
улыбается старчески —
даже он в Голливуде
не бог.
Даже солнце
стыдливо катится…
Кинозвезды
царствуют тут!
Так они длинноноги,
что кажется:
ноги
прямо от шеи растут.
Кинозвезды туги, как пружины.
Кинозвезды спешат на корт.
Кинозвезды меняют машины
и любовников
каждый год.
А еще —
избегают мяса,

берегут фигуру свою.
А еще
обожают сниматься,
а еще —
давать интервью.

Подойдет кинозвездочка,
глянет,
улыбнется вовсю,
а потом
репортеру
такое ляпнет,
что в конвульсиях репортер!..
Но зачем быть умным,
в сущности,
им —
берущим у жизни
свое?..

Киноленты на студиях сушатся.
Киноленты шуршат,
как белье.
А потом
континенты млеют
от волненья
на тысячи верст!
И девчонки

в постельной лени
вспоминают повадки «звезд».
И солдаты
несут у сердца
на оскал
орудийных дул
королев
стриптиза и секса,
абсолютно божественных дур!..

К нам на землю
слухи просачиваются —
сам,
за что купил,
продаю:
голливудские
кинокрасавчики
стали ангелами в раю.
Бог печется об их здоровье.
Бог волнуется —
как живут?
Там, на небе,
для них построен
теплый,
ангельский Голливуд.
Там они
основали фирмы.

По свидетельству церкви,
там
киноангелы
ставят фильмы
и показывают
чертям!

* * *

Аленке
Где-то оторопь зноя
с ног человека валит.
Где-то метель по насту
щупальцами тарахтит…
А твоего солнца
хватит
на десять Африк.
А твоего холода —
на несколько Антарктид…
Снова,
крича от ярости,
вулканы стучатся в землю!
Гулким,
дымящимся клекотом
планета потрясена.
А ты —
беспощадней пожаров.

Сильнее землетрясений.
И в тысячу раз беспомощней
двухмесячного пацана…
Оглядываться не стоит.
Оправдываться не надо.
Я только все чаще спрашиваю
с улыбкою и тоской:
— За что мне
такая мука?
За что мне
такая награда?
Ежеминутная сутолока.
Ежесекундный покой.

Воскресный выпуск
Куплю газетку.
Узнаю, кстати,
кого ухлопали нынче ночью…

Они в киосках,
будто на старте, —
три килограмма
дразнящей нови.
Три килограмма
шрифтов и краски.
Три килограмма
вчерашней страсти.

Дают навынос.
Берут на выброс…
Куплю газетку.
Воскресный выпуск.

На всю страницу
цветное фото.
Смотрите, люди!
Платите деньги.
«Скандал в Детройте!»
«Прием у Форда!»
«Пресс-конференция
президента…»
Покажут перья свое искусство.
Огня прибавят.
Гнильцу подпудрят…
И даже если не будет вкусно,
то горячо
непременно будет!
Идете мимо?
Остановитесь!
Смешна потеря в бюджете вашем.
Воскресный выпуск!
Воскресный выпуск!
Три килограмма
замочных скважин!
Такого

даром
нельзя добиться.
В домах, наверно,
прозрачны стены…
Смотри, народ,
на своих любимцев!
Вот их концерты.
Вот их постели.
Вот их пижамы.
Вот их сортиры.
Вот —
развлеченья,
а вот —
привычки…
«Ушел любовник
от кинодивы!»
«Племянник шаха
сбежал с певичкой!..»
Любые тайны
газета выдаст.
Намеков —
масса.
Картинок —
бездна…
Воскресный выпуск,
воскресный выпуск —

три килограмма
сплошного перца!
Три килограмма
пикантной клюквы.
От факта к факту.
От даты к дате.
Не сомневайтесь!
Откройте клювы.
Мы
разжевали.
А вы
глотайте!

Военные мемуары
Перечитываю мемуары,
наступившее утро кляня…
Адмиралы и генералы
за собою
ведут меня.
И под жесткою их командой
в простирающемся огне
я иду
по такой громадной
и такой протяжной
войне.
От июня —
опять к июню,

От Днепра —
и снова к Днепру
я ползу,
летаю,
воюю,
все, что отдал,
назад беру.
Только где б я ни шел и ни плавал —
в Заполярье,
в Крыму,
у Двины, —
я всегда нахожусь
на главном —
самом главном фронте войны!
Надо мною —
дымные хмары,
я ни в чем судьбу не виню…
Перечитываю мемуары.
Писем жду.
Друзей хороню.
По проселкам мотаюсь в джипе.
В самолете связном горю.
Признаю
чужие ошибки.
И о собственных
говорю.

Контратаки
и контрудары,
артналеты
и встречный бой…
Перечитываю мемуары.
Год за годом.
Судьбу за судьбой.
Марши,
фланговые охваты.
Жизнь, помноженная на войну…

Если авторы суховаты,
я прощаю им эту вину.
Было больше у них
не писательского,
а солдатского мастерства.

Оттого и Отчизна
жива.
И нужны ли еще
доказательства?

* * *

Взял билет до станции
Первая любовь.
Взял его негаданно.
Шутя.

Невзначай.
Не было попутчиков.
Был дым голубой.
Сигареты кислые.
И крепкий чай.
А еще шаталась
монотонная мгла.
А еще задумчиво
гудел паровоз…

Там, на этой станции,
вершина была.
Теплая вершина.
До самых звезд.
Ты ее по имени сейчас не зови,
хоть она осталась —
лицом на зарю…
Встал я у подножия
Первой любви.
Пусть не поднимусь уже —
так посмотрю.
Потянулся к камню
раскаленной рукой.
Голову закинул,
торопясь и дрожа…

А вершины вроде бы

и нет
никакой.
А она,
оказывается,
в пол-этажа…
Погоди!
Но, может быть,
память слаба?..
Снег слетает мудро.
Широко.
Тяжело.
В слове
буквы смерзлись.
Во фразе —
слова…
Ах, как замело все!
Как замело!..

И летел из прошлого
поезд слепой.
Будто в долгий обморок,
в метели
нырял…
Есть такая станция —
Первая любовь.
Там темно и холодно.
Я проверял.

В сорок четвертом
Везет
на фронт
мальчика
товарищ военный врач.
Мама моя,
мамочка,
не гладь меня,
не плачь!
На мне военная форма —
не гладь меня при других!
На мне военная форма,
на мне
твои сапоги.
Не плачь!
Мне уже двенадцать,
я взрослый
почти…
Двоятся,
двоятся,
двоятся
рельсовые пути.
В кармане моем документы —
печать войсковая строга.
В кармане моем документы,
по которым

я — сын полка.
Прославленного,
гвардейского,
проверенного в огне.
Я еду на фронт.
Я надеюсь,
что «браунинг» выдадут мне.
Что я в атаке
не струшу,
что время мое пришло…
Завидев меня,
старухи
охают тяжело:
«Сыночек…
Солдатик маленький…
Вот ведь
настали дни…»
Мама моя,
мамочка!
Скорей им все объясни!
Скажи,
чего это ради
они надо мной ревут?
Зачем
они меня гладят?
Зачем сыночком

зовут?
И что-то шепчут невнятно,
и темный суют калач...

Россия моя,
не надо!
Не гладь меня!
И не плачь!
Не гладь меня!
Я просто
будущий сын полка.
И никакого геройства
я не совершил
пока!
И даже тебе не ясно,
что у меня впереди...

Двоятся,
двоятся,
двоятся
рельсовые пути.
Поезд идет размеренно,
раскачиваясь нелепо, —
длинный
и очень медленный
как очередь
за хлебом...

В Риме
Скажи мне,
что ты меня
любишь…
Чуть живы
дотошные люди.
Мы рано встаем,
озабоченно-неисправимы,
как будто
сдаем
историю
Древнего
Рима.
Ворочаем
темные камни
его Колизея,
на прочее
проникновенно глазея.
Листаем
все площади Рима,
все улицы…
Устали
от этой возвышенной
участи.
Мы сами
старинны.

Мы всех Колизеев
старинней.
Мы —
в Риме.
Но я вам сейчас —
не о Риме…
Мы рано встаем,
и заботами
каждый
напичкан.
Живем,
будто сами
учебники пишем.
Где ветер
кочевий
врывается
в отблеск надежды…
Мы пишем
учебник.
Готовьте шпаргалки,
студенты!
А лучше поспорьте
с любою страницей,
как с догмой.
Ведь вам это
после

продолжить.
Навечно продолжить!..
Пусть учатся
колкие люди,
идущие
следом,
всем улицам,
всем громыханьем
и лепетам.
Востокам и западам,
молчаниям
и мгновеньям.
Всем заповедям верности вдохновенью.
Пусть учатся ливням
и детскому
крику…

Мы —
в Риме.
Мы бродим по Риму.
Мы в Риме.
Мы —
старые люди…

Соври мне,
что ты меня любишь.

Играют гаммы

Е. Малинину

За стенкой дальней
играют
гаммы…
Они
недавно
звучали в Каннах.
Они упорны,
они бесстрастны.
В них столько
пота,
что даже страшно.
Об этой странности,
как об открытии,
твердили
разное
в газетах
критики.
Статьи подробные
понаписали…

Билеты
проданы
в концертном зале.
Сегодня вечером
весны

прибавится…
Рояль
доверчиво
вздохнет под пальцами.
И —
откровением
за откровенность —
в прикосновении
родится
вечность…

А в зале сядут
ребята
дельные
пятидесятых
годов
рождения…
Внимают
нехотя,
глядят загадочно.
Им очень
некогда
волынить
с гаммами!
Земля заходится.
Она —
рискова.

Чего-то хочется
совсем другого!
Но так,
чтоб сразу
в разливах
меди
с начальной фразы
пришло
бессмертье!
Земля взлохмачена.
Пыль
под ногами…

Терпите,
мальчики!
Играйте
гаммы.

* * *

Для человека национальность —
и не заслуга,
и не вина.
Если в стране
утверждают иначе,
значит,
несчастна эта страна!

* * *

Жалею,
жалею девочек,
очень смешных
девочек,
еще ничего
не сделавших,
уже ничего
не делающих.
Еще жалею
мальчиков,
очень смешных
мальчиков —
пестрых,
пижонистых мальчиков,
мальчиков-ремарчиков…

Я тоже
люблю
Ремарка, —
и значит,
вполне нормально,
что мне поспешными
кажутся
статейки

ругательно-ханжеские.
Романы его
мне нравятся, —
и это сказать мне
хочется…

Но есть
небольшая разница:
мы с мальчиками
расходимся.
Они
зазубрили начисто,
вчитываясь в Ремарка,
названия вин
ненашенские,
звучащие
ароматно.
Они говорят
девочкам —
очень смешным
девочкам:
«Детки!
Имеются
денежки!..
Найдем применение
денежкам?..»
Так что и думать

нечего!..
Музыка —
будто плетка.
Крутится
бесконечная
магнитофонная
пленка…
Они танцуют
неплохо,
они хохочут
азартно,
они веселятся
громко!
Яростно
и надсадно!
Они веселятся
дерзко!..
Но все их веселье
обманчиво…

Разве вам весело,
девочки?
Разве вам весело,
мальчики?..
Не верю я
громкой музыке,
не верю

нарочной игре…

Ведь вам тоскливо,
как мухе,
проснувшейся
в январе.
Бродит она по стенке —
по неуютной
громадине…
Сколько веков вам,
девочки?
Сколько минут вам,
мальчики?
Ваша веселость —
маска.
Немощен
ваш размах…
Бросьте
кивать
на Ремарка!
Здесь ни при чем
Ремарк!
Ваша любовь? —
Пустое…
Ваши мечты? —
Пустое…
Вот ведь

какая история.
Очень смешная
история.

Письмо из бухты Н
Пишет тебе
капитан-лейтенант.
Пойми,
что письмо для него
не внезапно…

Как там у вас
дождинки звенят
по тихим скамейкам
Летнего сада?..
Мне надоели
щенячьи слова.
Глухие: «А вдруг».
Слепые: «А если».
Хватит!..

Наверное,
ты права
даже в своем
откровенном отъезде…
Жила.
Замирала, остановясь.
И снова по комнате нервно бродила.

И все повторяла:
«Пустынно у вас…»,
«У вас неприютно…»,
«У вас
противно…».
Сто раз примеряла
платья свои.
И дотерпела
только до мая…

Конечно,
север —
не для семьи.
Я понимаю.
Я все понимаю…
Здесь ночь,
у которой не сыщешь
дна.
Скалы,
как сумрачные легенды…

Так и случилось,
что стала
«жена»
очень далекой
строчкой
анкеты…

Мне передали
«письмо от жены».
Пишешь:
«Служи.
Не мучайся дурью…»
И — фраза о том, что
«мы оба
должны
вместе
о будущем нашем подумать»…
Вместе!..

Наверно,
решится само.
Перегорит.
Пройдет через сито…
Я перечитываю письмо,
где:
«Перевод получила.
Спасибо…»
Издалека приползший листок.
Просто слова.
Деловито
и пошло…
Впрочем, спасибо.
Не знаю,
за что.

Может,
за то, что работает
почта…
Глупо все заново
начинать,
но каждая строчка
взрывается
болью!..

Сидит за столом
капитан-лейтенант
и разговаривает
с тобою:
— Мне некогда,
попросту говоря!
Слышишь?
Зачем ты понять
не хочешь?!
Некогда!
Некогда!
Некогда!!
Зря и через «некогда!»
ты приходишь!
Пришла?
Помоги мне обиду снести.
Тебя
считать

прошлогодней
мелью.
И все!..

...А больше
писем не жди.
Это —
последнее.
Если сумею...
Сумею.
К этому я готов.
Считай, что кончилось все
нормально...
Есть жены,
которые —
для городов.
Я понимаю.
Я все
понимаю...
У нас
ревуны
в тумане кричат,
и полночь
наваливается оголтело...
Но, кроме погон,
на моих
плечах

служба моя.
Профессия.
Дело.
Его —
по горло!
(Даже взаймы
выдать могу,
если примешь
присягу.)
Живи…

Привет
от нашей зимы
слишком знакомому
Летнему
саду.

Отец и сын
М. Магомаеву

Бывает, песни не поются
ни наяву и ни во сне.
Отец хотел с войны вернуться,
да задержался
на войне.
Прошло и двадцать лет, и больше…

Устав над памятью грустить,

однажды сын приехал в Польшу —
отца родного
навестить.
Он отыскал его.
А дальше —
склонил он голову свою.
Уже он был
чуть-чуть постарше
отца,
убитого в бою.

А на могиле,
на могиле
лежали белые цветы.
Они сейчас похожи были
на госпитальные бинты.
И тяжело плескались флаги.
Был дождь
крутым и навесным.
И к сыну подошли поляки.
И помолчали вместе с ним.
Потом один сказал:
— Простите…
Солдата
помнит шар земной.
Но вы, должно быть, захотите,
чтоб он лежал

в земле родной? —
Шуршал листвою мокрый ветер.
Дрожали капли на стекле.
И сын вполголоса ответил:
— Отец и так в родной земле…

На аэродроме Орли
Ровный клочок земли,
слабенькая
трава.
Аэродром
Орли.
Мы улетаем
в два.
Обычная толчея.
Прощай,
страна Марианн!..
Вот ожидает
семья
рейса
на Монреаль.
Монашки
гуськом
идут —
качается
связка книг.
Скоро и нам…

Но тут
женский голос
возник.
Я ощутил
его
сразу
и навсегда.
Плыл он
из ничего!
Падал он
в никуда!
Как шелестенье птах,
как долгожданный
взгляд…
Дикторша?!
Разве
так
дикторы
говорят?..

Вслушайся!
Рассуди —
как я это
стерплю?!.
Так говорят:
прости.
Так говорят:

люблю!..
Я во французском —
профан,
но сердце
перевело.
Я чувствую,
что пропал!
Мне боязно
и тепло!..
Голос —
полночный гимн,
медленный
будто степь.
Шепотом
жарким
таким
любимых зовут
в постель!
Он —
как бедра
изгиб.
Он —
как в сердце
ножом…
Братцы!
А я

погиб!
Хлопчики!
Я пошел…
Сам не знаю,
куда
голос
меня зовет…

А друг говорит:
«Балда!
Объявлено —
наш
самолет…»

* * *

Я строил из себя
пожившего.
Пожившего.
Поднаторевшего.
Усталого и отспешившего.
Уверенного.
В меру грешного.
И понял вдруг,
что вот
по улице,
как существо необычайное,

пронес себя
известный умница,
весь выстроенный
из молчания!
А этот застарелый путаник —
в берете,
с палкой не по росту, —
он выстроил себя
из пуговиц,
из брюк и пиджака
в полоску…
А этот —
в анекдотах пустеньких.
А тот —
в загадочном загаре.
А этот —
приложенье
к усикам
и скромный постамент
к сигаре…
А вот,
цедя слова задавленно,
руками бледными колыша,
шагают
юные фундаменты.
Без стен

(не говоря о крышах!).
Считают:
надо торопиться.
Прислушиваются к разговорам…

Так
по крупице,
по крупице
мы строим из себя
кого-то.
Как будто время
опустело.
И не окликнет.
И не спросит…

Тут
думать надо.
Делать дело.
Оно тебя само
построит.

Я и мы
А. Бочарову

Начинается любовь
с буквы «Я»!
И только с «Я».
С «Я» —

до ревности слепой.
С «Я» —
и до
небытия!
Понимаешь?
Я —
влюблен.
Понимаешь?
Я —
люблю.
Я!
Не ты,
не вы,
не он —
обжигаюсь
и терплю.
Никого на свете
нет.
Есть она и я.
Вдвоем.
И во множестве
планет
ветер
зноем напоен…
Лепет классиков?
Не то! —

Лампочка
средь бела дня…
Я-то знаю,
что никто
не влюблялся
до меня!
Я найду слова свои.
Сам найду!
И сам
скажу.
А не хватит мне
Земли —
на созвездьях
напишу!
И ничьих не надо
вех.
До конца.
Наверняка…

Так и действуй,
человек!
И не слушай
шепотка:
«Мы б в обнимку
не пошли…
Мы б такого
не смогли…

В наше время,
в тех
годах
мы
не танцевали…
так…
Неприлично…
Неприли…»

Надымили!
Наплели!..
Все советы оборви.
Грянь
улыбкою из тьмы:

— Сами
мыкайтесь в любви!
Вы,
которые
на «мы»!

* * *

Хочешь — милуй,
Хочешь — казни.
Только будут слова
просты:
дай взаймы

из твоей казны
хоть немножечко
доброты.
Потому что моя
почти
на исходе.
На самом дне.
Погубить ее,
не спасти —
как с тобою
расстаться мне…

Складки, врезанные у рта,
вековая тяжесть в руках…
Пусть для умников
доброта
вновь останется
в дураках!..
Простучит по льдинам апрель,
все следы на снегу
замыв…
Все равно мы
будем добрей
к людям,
кроме себя самих!
Все равно мы
будем нести

доброту
в снеговую жуть!..

Ты
казнить меня
погоди.
Может,
я еще пригожусь.

Стихи о хане Батые
А. Ковалеву

А все-таки ошибся
старикан!
Не рассчитал всего
впервые в жизни.
Великий хан.
Победоносный хан.
Такой мудрец и —
надо же! —
ошибся…

Текла,
ревя и радуясь,
орда.
Ее от крови
било и качало.
Разбросанно горели города,

и не хватало стрел
в тугих
колчанах.
Белели трупы
недругов босых.
Распахивал огонь
любые двери.
Дразнил мороз.
Смешил чужой язык.
И сабли
от работы не ржавели.
И пахло дымом,
потом и навозом…
Все, что еще могло гореть,
спалив,
к тяжелым пропылившимся повозкам
пришельцы гнали
пленников своих.
Они добычею в пути менялись.
И сутолоку в лагерь принося,
всех ставили к колесам.
И смеялись:
«Смерть!» —
если ты был выше колеса.
У воина рука не задрожит.
Великий хан

все обусловил четко…

Везло лишь детям.
Оставались жить
славянские
мальчишки и девчонки.
Возвышенные,
как на образах.
Что происходит —
понимали слабо…
Но ненависть
в заплаканных глазах
уже тогда —
не детская —
пылала!
Они молчали.
Ветер утихал.
Звенел над головами
рыжий полдень…
И все-таки ошибся
мудрый хан!
Ошибся хан
и ничего не понял!..

Они еще построятся
в полки.
Уже грядет,

уже маячит
битва!..

Колеса были
слишком высоки.
А дети подрастают
очень быстро.

Стихи о сложности
Подъезды встречают мерцаньем нечетким,
и бухает дверь за стеной деловито…

В подъездах
целуются парни
с девчонками.
А я им завидую.
Очень завидую…
Я все это помню до малых подробностей:
дорога еще непонятна,
не начата.
И сразу же —
нагромождение сложностей,
в которых земля
для любви
предназначена!
Впервые приходится
сложно молчать,
все понимать с полуслова.

И на записки
не отвечать
загадочно,
долго,
сложно.
Впервые пугают
случайные взгляды.
И время
как вкопанное остановилось!
И веришь в великие
сложные клятвы…

Неужто
из сложности этой
я вырос?!
Я старше.
Я здорово знаю сам:
пустяшней
всех пустяков
к девичьим сердцам,
дрожащим сердцам
подбирать
отмычки стихов.
Как все это просто!
До смеха.
До жути.
Далекие клятвы

однажды затихли.

Влюбленные мальчики,
не обессудьте!
Наверно,
и вас
пустота настигнет…
Целуются
восемнадцатилетние
самозабвенно
и неутомимо.
В восторженном лепете,
собственном лепете
для них
открываются сложности
мира!..
А я
опускаю голову вниз.
Влюбленных
я обхожу осторожно.
И очень тихо прошу:
— Вернись,
та,
первозданная сложность.

Сон
Спать!..

Свет выключил.
Закрыл глаза.
Рокочет город за окном.
И крутится
калейдоскоп
всего,
что я увидел днем.

Девчонка в красном парике.
Машина.
Нет числа мостам…
А этот говорил:
«Москва…
Я знаю…
Я родился там…»
А тот все повторял:
«Вот-вот!
Загублена
такая
жизнь…»
Опять —
машина и мосты…
«Что пьете?
Виски или джин?..»
Уснуть.
Немедленно уснуть!
На клетки память раздробить.

Уйти от прожитого
дня.
Для завтрашнего
сил добыть!..
Я засыпаю.
Я молчу.
И шар земной звеняще пуст.
И вновь передо мной лежит
до мелочей
знакомый
путь.

Скорей туда!
Скорей, скорей!
Вобрать
домашнее тепло.
Опять мы встретимся с тобой
всем пограничникам
назло!
Радары крутятся в ночи.
Рычат ищейки в темноту.
А я смеюсь.
А я иду.
Никем не узнанный —
иду...

Снежинки

тают на руке.
Как странно и просторно мне!
Шагаю через океан —
какой он маленький во сне!
Едва заметны с высоты
хитросплетения границ!..
Я к дому
подойду.
И ты
почувствуй
и сама
проснись!
Колючим деревцем
вернись,
глазастой девочкой
вернись.
(Ты помнишь,
как мы жили там —
подвал
и пять ступенек вниз?)
Огромность торопливых слов.
Величие негромких фраз.
Пусть будет все,
как в первый день.
Пусть будет все,
как в первый раз.

А если нет,
а если нет,
то пусть упреки,
пусть хула —
я все перетерпеть смогу,
но только чтобы ты
была!
Была
в моих руках
и снах…
Чего же медлишь ты?
Настань!
Ты видишь —
я пришел.
Я жду.
Прошу тебя:
не опоздай!..

Уснуть бы…

Матрешка
А. К.
Друзья,
мой выбор невзлюбя,
зря
голову морочили!..

В тебе — четырнадцать

тебя
вместилось,
как в матрешке!..

Живет со мною
первая —
дородная,
степенная…

Вторая
больно колется,
за что —
не разберу…

А третья —
будто школьница
на выпускном балу.
Все — можно,
все — пожалуйста:
и небо
и земля…

Четвертая
безжалостна,
как мертвая
петля…

А пятая —
зловещая,

приметам глупым
верящая…

Шестая
как эпоха,
где
ни чертей,
ни бога!..

Молчит,
не принимая,
ревнивая —
седьмая…

А следом за ревнивою
заохала
ленивая,
ленивая,
постылая,
до мелочей
земная…
Девятая —
бесстыдная!
Девятая —
шальная!..
Десятая,
десятая —
испуганная,

зябкая,
над собственной судьбою
горюющая
с болью…

Одиннадцатая —
щедрая,
загадочная,
нежная,
просящая прощения
за то,
чего и не было…

Качается двенадцатая,
как ягодка лесная,
еще никем не найденная…

А дальше
я не знаю,
не знаю
и настырничаю,
и все
не надоест, —
хочу достать
четырнадцатую,
которая —
ты и есть!

Письмо в тридцатый век
(отрывок из поэмы)

Я —
по собственному велению, —
сердцу
в верности
поклянясь,
говорю
о Владимире Ленине
и о том,
что главное
в нас.

Вот уже,
разгибаясь под ношей,
вырывается мир
из тьмы!
Начинаются
горы
с подножий.
Начинаемся
с Ленина
мы!
Мы
немало столетий
ждали
и вместили в себя

потому
силу
всех прошедших
восстаний!
Думы
всех Парижских
коммун!..
Неуступчивы.
Вечно заняты.
Мы идем
почти без дорог…
На истории
нет указателей:
«Осторожно!
Крутой
поворот!»
Повороты встречались
жадные,
пробирающие как озноб.
Даже самых сильных
пошатывало.
Слабых —
вовсе
валило с ног!
Жгли
сомнения.

Шли
опасности,
с четырех
надвигались
сторон...

Но
была на планете
партия —
та,
которую создал
он!
Мир
готов за нее
поручиться
перед будущим
наверняка.

И лежит
на пульсе Отчизны —
вечно! —
ленинская
рука.
Он —
ровесник всех поколений.
Житель Праг,
Берлинов,

Гаван.
По широким
ступеням
столетий
поднимается Ленин
к вам!
Представляю
яснее ясности,
как смыкают
ваши
ряды
люди
ленинской
гениальности,
люди
ленинской
чистоты.

Не один,
не двое,
а множество!
Вырастающие,
как леса,
и по всей Вселенной
разносятся
их спокойные голоса…
Что ж,

для этого
мы и трудимся.
Терпим холод.
Шагаем в зной…

Ведь еще только начал
раскручиваться
и раскачиваться
шар земной!
Прозвучи,
сигнал наступления!
Солнце
яростное,
свети!..

Все еще
впереди!
И Ленин,
будто молодость,
впереди.

Мотив
Утро проползло по крышам,
все дома позолотив…
Первое,
что я услышал
при рожденье,
был мотив.

То ли древний,
то ли новый,
он в ушах моих крепчал
и какой-то долгой нотой
суть мою
обозначал.
Он меня за сердце тронул,
он неповторимым был.
Я его услышал.
Вздрогнул.
Засмеялся
и —
забыл!..
И теперь никак не вспомню.
И от этого грущу…

С той поры,
как ветра в поле,
я всю жизнь
мотив ищу.
На зимовье
стыну
лютом,
охаю на вираже.
И прислушиваюсь к людям,
к птицам,
к собственной душе.

К голосам зари багряным,
к гулу с четырех сторон.
Чувствую,
что где-то рядом,
где-то очень близко
он!..
Зябкий, будто небо в звездах,
неприступный, как редут.
Ускользающий,
как воздух.
Убегающий,
как ртуть.
Плеск оркестров.
Шорох санный.
Звон бокалов.
Звон реторт…
Вот он!
Вроде бы тот самый!
Вроде бы.
А все ж —
не тот!
Тот я сразу же узнаю.
За собою позову…

Вот живу и вспоминаю…
Может,
этим и живу.

Юноша на площади
Он стоит перед Кремлем.
А потом,
вздохнув глубоко,
шепчет он Отцу и Богу:
«Прикажи…
И мы умрем!..»
Бдительный,
полуголодный,
молодой,
знакомый мне, —
он живет в стране свободной,
самой радостной стране!
Любит детство вспоминать.
Каждый день ему —
награда.
Знает то, что надо знать.
Ровно столько,
сколько надо.
С ходу он вступает в спор,
как-то сразу сатанея.
Даже
собственным сомненьям
он готов давать отпор.
Жить он хочет не напрасно,
он поклялся

жить в борьбе.
Все ему предельно ясно.
В этом мире
и в себе.
Проклял он
врагов народа.
Верит, что вокруг друзья.
Счастлив!..

...А ведь это я —
пятьдесят второго года.

* * *

Алене
Знаешь,
я хочу, чтоб каждое слово
этого утреннего стихотворенья
вдруг потянулось к рукам твоим,
словно
соскучившаяся ветка сирени.
Знаешь,
я хочу, чтоб каждая строчка,
неожиданно вырвавшись из размера
и всю строфу
разрывая в клочья,
отозваться в сердце твоем сумела.

Знаешь,
я хочу, чтоб каждая буква
глядела бы на тебя влюбленно.
И была бы заполнена солнцем,
будто
капля росы на ладони клена.
Знаешь,
я хочу, чтоб февральская вьюга
покорно у ног твоих распласталась.

И хочу,
чтобы мы любили друг друга
столько,
сколько нам жить осталось.

Кладбище под Парижем
Малая церковка.
Свечи оплывшие.
Камень дождями изрыт добела.
Здесь похоронены бывшие.
Бывшие.
Кладбище
Сент-Женевьев-де-Буа.
Здесь похоронены
сны и молитвы.
Слезы и доблесть.
«Прощай!» и «Ура!».

Штабс-капитаны
и гардемарины.
Хваты полковники
и юнкера.
Белая гвардия.
Белая стая.
Белое воинство.
Белая кость…
Влажные плиты
травой зарастают.
Русские буквы.
Французский погост…

Я прикасаюсь ладонью
к истории.
Я прохожу
по гражданской войне…
Как же хотелось им
в Первопрестольную
въехать
однажды
на белом коне!..
Не было славы.
Не стало и Родины.
Сердца не стало.
А память
была…

Ваши Сиятельства,
Их Благородия, —
вместе — на Сент-Женевьев-де-Буа.
Плотно лежат они,
вдоволь познавши
муки свои
и дороги свои.
Все-таки — русские.
Вроде бы — наши.
Только
не наши скорей,
а — ничьи…
Как они после —
забытые,
бывшие, —
все проклиная и нынче, и впредь,
рвались взглянуть на нее —
победившую,
пусть —
непонятную,
пусть —
непростившую,
землю родимую!
И —
умереть…

Полдень.

Березовый отсвет покоя.
В небе
российские купола.
И облака,
будто белые кони,
мчатся
над Сент-Женевьев-де-Буа.

Поэмы

Ожидание
(монолог женщины)
М. Т.

Вот ведь как!
Явилась первой,
Надо было опоздать,
где-нибудь в сторонке встать…
Что поделать —
сдали нервы…
Шла —
как будто на экзамен,
с пятницы считала дни…
как же:
«Встреча под часами»!
Под часами.
Вот они.
А его на месте нет…
(Как некстати нервы сдали!)
Ну еще бы! —
На свиданье
не была я
столько лет!..

Даже страшно подсчитать…
Что ж я:
рада иль не рада?
Там увидим…
Только надо,
надо было опоздать!..
Дура!
Сделала прическу,
влезла в новое пальто,
торопилась,
как девчонка.
Прибежала…
Дальше что?

Современная женщина,
современная женщина,
Суетою замотана,
но, как прежде, божественна.
Пусть немного усталая,
но, как прежде — прекрасная.
До конца непонятная,
только сердцу подвластная.
Современная женщина,
современная женщина, — то грустна и задумчива,
то светла и торжественна.
Доказать ее слабости,

побороть ее в дерзости —
зря мужчины стараются,
понапрасну надеются!
Хоть не хвастает силою,
но на ней — тем не менее —
и заботы служебные,
и заботы семейные.
Все на свете познавшая,
все невзгоды прошедшая,
остается загадкою
современная женщина.
Ромео моего
пока что
не заметно.
Что ж,
подождем его.
Я очень
современна!..
Порой берет тоска,
ведь нужно быть, к примеру,
кокетливой
(слегка!)
и неприступной
(в меру!).
Все
успеваешь ты:

казаться беззаботной,
и покупать
цветы —
себе,
идя с работы.
Самой себе
стирать,
себе готовить ужин,
квартиру убирать
с усердием ненужным.
Подруге позвонить,
замужней и счастливой, —
и очень мудрой
слыть,
быть
очень терпеливой.
Выслушивать слова
и повторять, не споря:
«Конечно,
ты права!
Мужья —
сплошное горе…»
И трубку положить
спокойно и устало.
И, зубы стиснув,
жить

во что бы то ни стало!
И маяться одной,
забытой,
как растенье.
И ждать
очередной —
проклятый! —
день рожденья…
И в зеркало смотреть.
И все морщины
видеть.
И вновь себя
жалеть.
А чаще —
ненавидеть!..
Нести
свою печаль.
Играть с судьбою
в прятки.
И плакать по ночам.
А утром
быть в порядке.
Являться в институт
и злиться без причины…
Ну,
вот они идут —

по улице —
мужчины!
Красавцы на подбор
с достоинством
спесивым.
Самодовольный пол,
считающийся
сильным.
Как равнодушны
вы!
И как же вы
противны,
изнеженные
львы!
Потасканные
тигры!
Глядящие
людьми,
стареющие телом…
Да где он,
черт возьми?!
И в самом деле,
где он?..

Скорая помощь —
по городу, словно по полю
голос вселенской беды,

будто флаг, вознеся.
(Господи,
может быть, что-то случилось
с тобою?!)
Улица вся обернулась.
И замерла вся.
Воплем тугим
переполнены сердце и память.
Он оглушает:
Успеть бы!
Успеть бы!
Успеть!..
Вновь с телефонного диска
срывается палец.
Скорая помощь
пронзает застывший проспект…
Мир озирается.
Просит любовь о спасенье.
И —
до сих пор неподвластны толпе докторов, —
рушатся
самые прочные дружбы
и семьи.
А у певицы —
горлом не песня,
а кровь!

Голос несчастья над городом мечется снова…
Странно, что в эти минуты,
всему вопреки,
веришь
в извечную помощь
тихого слова.
В скорую помощь
протянутой доброй руки.

Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети.
Приходи, прошу,
приходи.
За собой меня
поведи…
Стрелки глупые торопя,
не придумывая ничего,
я уже простила
тебя —
повелителя своего.
Все обычно
в моей мечте.
Я желаю —
совсем не вдруг —

быть распятою
на кресте
осторожных и сильных
рук.
Чтобы стало нам горячо,
а потом —
еще горячей!..
И уткнуться
в твое плечо.
И проснуться —
на этом плече.

Вот видишь,
тебя и любимым
назвать я успела!
Не надо бы —
сразу…
Ведь лучше —
когда постепенно.
Ведь лучше — потом,
лучше — после…
Любимый, послушай,
ведь лучше…
Но где я найду
это самое «лучше»?!
О, если бы знал ты, любимый,
как страшно и дико

давать о себе объявленье в газету:
«Блондинка,
вполне симпатичная,
добрая,
среднего роста…
Ее интересы:
домашний уют и природа.
Имеет профессию.
Ищет надежного друга…»
О, если бы знал ты,
как все это пошло!
И — трудно…
Порой, в темноте,
рассуждаю я очень спокойно:
пройдет одиночество это,
наступит — другое.
Настанет пора,
и закружатся
листья из меди.
В окошко мое постучит
одиночество
смерти.
Нет, я не пугаюсь.
Я знаю,
что время жестоко.
Я все понимаю.

И все принимаю.
Но только
тому одиночеству
я не желаю
сдаваться!
Хочу быть
любимой!
Живою хочу
оставаться.
Смеюсь над другими,
и радуюсь дням и рассветам.
И — делаю глупости!
И — не жалею об этом.
Дышу и надеюсь…
О господи,
как это больно!
Ты видишь, любимый:
я вот она —
вся пред тобою.
Слова мне скажи!..
Ну, пожалуйста.
Нет больше мочи!..
Чтоб — только не молча,
не молча.
Чтоб только —
не молча!..

Слова говори мне,
слова говори мне —
любые!
Какие захочешь,
чтоб только — не молча,
любимый!
Слова говори мне.
Без этого радость —
не в радость...
Скажи,
что со мной хорошо.
И что я тебе нравлюсь.
Скажи,
что ты любишь меня.
Притворись на мгновенье!..
Соври,
что меня не забудешь.
Соври,
я поверю.

А может, просто
плюнуть и уйти?
И пусть
его
терзают угрызенья!..
(Ну-ну,
шути, родимая, шути!

Нашла ты славный повод
для веселья.)
Останусь,
чтобы волю испытать!..
Еще немного подождем.
Помедлим…
Ведь женщины
давно привыкли ждать.
Чего-чего,
а это мы умеем…

Птицы спрятаться
догадаются
и от снега укроются…
Одинокими
не рождаются.
Ими после
становятся.
Ветры зимние
вдаль уносятся
и назад возвращаются.
Почему,
зачем,
одиночество,
ты со мной
не прощаешься?
Пусть мне холодно

и невесело —
все стерплю,
что положено…
Одиночество,
ты — профессия
до безумия сложная!
Ночь пустынная.
Слезы затемно.
Тишина безответная…
Одиночество —
наказание.
А за что —
я не ведаю…
Ночь окончится.
Боль останется.
День
с начала закрутится…
Одинокими
не рождаются.
Одиночеству
учатся.

Ну, приди же,
любимый!
Приди!
Одинокой мне быть
запрети.

За собой меня
поведи.
Приходи, прошу,
приходи!
Задохнувшись,
к себе прижми
и на счастье,
и на беду…
Если хочешь —
замуж возьми.
А не хочешь —
и так пойду.

Слово то какое: «замуж» —
сладкий дым.
Лишь бы он пришел,
а там уж
поглядим.
Пусть негусто
в смысле денег
у него, —
приголубим,
приоденем, —
ничего!
Лишь бы дом мой,
дом постылый,
не был пуст.

Пусть придет —
большой и сильный, —
курит пусть!
Спорит,
ежели охота.
Пусть храпит!..
Так спокойно,
если кто-то
рядом
спит…
Хорошо бы
пил не очень.
И любил,
хоть немножечко!..
А, впрочем,
лишь бы
был…
Без него сейчас мне точно
нет житья!..
Да зачем я так?!
Да что же,
что же
я?!

Черт с тобой!
Не приходи!
Вспоминать —

и то противно...
Сгинь!
Исчезни!
Пропади!
Я-то
нюни распустила...
Не желаю подбирать
со стола
чужие крохи.
Если вновь захочешь врать,
ври
уже другой дурехе!..
Ишь,
нашелся эталон!
Я в гробу таких
видала!
Тоже мне
Ален Делон
поселкового масштаба.
Бабник!
Только и всего!
Трус!
Теперь я точно знаю...
Он решил,
что на него
я

свободу
променяю?!
Думал:
баба влюблена!..
Что?
Не вышло?
Ешьте сами!
Вашей милости цена —
Три копейки
на базаре.
Я везде таких
найду.
Десять штук
на каждый вечер…
Не звони —
не подойду!
А напишешь, не отвечу…

Как без тебя?
Как?..
Был ты
синицей в руках.
Что без тебя
я?
Словно земля
ничья.
Стонет моя

боль.
Я бы пошла
за тобой!
Шла бы,
закрыв глаза,
тихая,
как слеза…
Мне без тебя
как?
Птицей стать
в облаках?
Реять
в ночной темноте?
Крылья уже
не те…
Злую печаль
пью.
Злюсь на судьбу
свою.
Вижу
ее свет…
Есть ты там
или нет?
Мечется
мой
крик!

Он от других
скрыт.
Боль
отдается в висках:
Как без тебя?
Как?
Стану
верной женою.
Не пройди стороною, —
буду
верной женою.
Над судьбой
и над домом
стану
солнышком добрым,
над судьбой
и над домом.
Хочешь —
буду сестрою.
От несчастий прикрою,
хочешь —
буду сестрою.
Скажешь —
буду рабыней,
Если только любимой,
то могу —

и рабыней.

Кто может чуду приказать:
«Свершись!» —
от собственного крика
холодея?..
Мне кажется:
я жду
уже всю жизнь.
Мне кажется:
я жду
почти с рожденья.
Я буду ждать
до самого конца!
Я буду ждать
за смертью
и за далью!
Во мне стучат
сестер моих
сердца.
Сестер по жизни
и по ожиданью.

В этот час
миллионы моих незнакомых сестер,
ничего не сказав,
никому и ни в чем не покаясь,

ожидают мгновенья
взойти
на высокий костер,
на костер настоящей любви,
и — сгореть,
улыбаясь.
В этот час мои сестры
на гребне такой высоты
простирая в бессмертье
зовущие
нежные руки,
ждут любимых своих
под часами
всесильной мечты.
Под часами судьбы.
Под часами
надежды и муки…
В этом взрывчатом мире
забытой уже
тишины,
где над всеми
бессонное время
летит безучастно,
не придется вам пусть никогда
ждать любимых
с войны!

Не придется вам пусть никогда
ждать любимых
напрасно!
Рядом с бронзой царей,
разжиревших
на лжи и крови,
рядом с бронзой героев,
рискнувших собой в одночасье,
должен выситься памятник
Женщине,
ждущей любви!
Светлый памятник Женщине,
ждущей
обычного счастья…
Вновь приходит зима
в круговерти метелей и стуж.
Вновь для звезд и снежинок
распахнуто небо ночное…
Все равно я дождусь!
Обязательно
счастья дождусь!
И хочу, чтобы вы
в это верили
вместе со мною.

…Ну, приди же,
любимый!

Приди!

Двести десять шагов
Лирическое отступление о школьных оценках
Память
за прошлое держится цепко,
то прибывает,
то убывает…
В школе
когда-то
были оценки
две:
«успевает»
и «не успевает»…

Мир из бетона.
Мир из железа.
Аэродромный
разбойничий рокот…
Не успеваю
довериться лесу.
Птицу послушать.
Ветку потрогать…
Разочаровываюсь.
Увлекаюсь.
Липкий мотив
про себя напеваю.

Снова куда-то
бегу,
задыхаясь!
Не успеваю,
Не успеваю…

Время жалею.
Недели мусолю.
С кем-то
о чем-то
бессмысленно спорю.
Вижу
все больше вечерние
зори.
Утренних зорь
я почти что не помню…
В душном вагоне —
будто в горниле.
В дом возвращаюсь.
Дверь открываю.
Книги
квартиру
заполонили.
Я прочитать их
не успеваю!..
Снова ползу
в бесконечную гору,

злюсь
и от встречного ветра
немею.
Надо б, наверное,
жить
по-другому!
Но по-другому
я не умею…
Сильным бываю.
Слабым бываю.
Школьного друга
нежданно встречаю.
«Здравствуй!
Ну как ты?..»
И —
не успеваю
вслушаться
в то, что он мне
отвечает…
Керчь и Калькутта,
Волга и Висла.
То улетаю,
то отплываю.
Надо бы,
надо бы остановиться!
Не успеваю.

Не успеваю…
Знаю,
что скоро метели
подуют.
От непонятной хандры
изнываю…
Надо бы
попросту сесть и подумать!
Надо бы…
Надо бы…
Не успеваю!

Снова меняю
версты
на мили.
По телефону
Москву вызываю…
Женщину,
самую лучшую
в мире,
сделать счастливой
не успеваю!..

Отодвигаю
и планы, и сроки.
Слушаю притчи
о долготерпенье.

А написать
свои главные строки
не успеваю!
И вряд ли успею…
Как протодьякон
в праздничной церкви,
голос
единственный
надрываю…

Я бы, конечно,
исправил оценки!..
Не успеваю.
Не успеваю.

Шаги

Все, что угодно,
может еще
судьба напророчить:
от неожиданной тишины
до грома внезапнейшего…

Дай мне
уверенности твоей,
Красная площадь!
И помоги мне
себя отыскать —

завтрашнего…
Главная площадь,
ты поддержи,
выслушай,
вывези…
На запотевшей брусчатке
один
молча стою.
Крутые зубцы на Кремлевской стене —
будто шлемы
витязей.
И Спасская башня —
правофланговым
в этом строю…
Скоро на башне,
в часах городских и домашних
размножась,
пересчитав скрупулезно
вереницу минут и секунд,
стрелки курантов
сойдутся,
как лезвия ножниц,
и безвозвратно прожитый мной
час
отстригут.
Прожитый час

жизни моей.
Час без названья.
Бывшее время,
в котором осталось
мое «помоги!..».

В это мгновенье,
как молотом по наковальне,
хлестко и гулко
вдруг зазвучали
шаги!..
Грохот сердца.
Квадратных плечей разворот.
Каждый час
пред глазами друзей и врагов
начинаются
прямо от Спасских ворот
эти —
памятные —
двести десять шагов…
(Это я потом
шаги подсчитал.
А тогда в ночи
стоял — оглушен.
А тогда в ночи
я ответа
ждал.

И остаток века
над миром
шел…
Это я потом
шаги подсчитал.
Приходил сюда
наяву и во сне.
Будто что-то
заранее
загадал,
что-то самое
необходимое мне…
Я глядел в глубину
огромной стены,
будто в темное море
без берегов.
Веря в то,
что соединиться должны
время жизни моей
и время
шагов!..)

Грохот сердца.
И высохших губ немота.
Двести десять шагов
до знакомых дверей,
до того —

опаленного славой —
поста,
молчаливого входа
в его Мавзолей…

Под холодною дымкой,
плывущей с реки,
и торжественной дрожью
примкнутых штыков,
по планете,
вбивая гранит
каблуки, —
Двести десять
весомых
державных шагов!

Имена

Когда Москва
бросается в сны —
вчерашний день воскрешать,
на траурных плитах
Кремлевской стены
начинают
буквы мерцать.
Начинает светиться,
будто заря,
алфавит

от «А» до «Я».
Азбука
яростного бытия.
Азбука Октября…
Кто смерти
хотел?
Никто не хотел.
Кто пулю
искал?
Никто не искал.
А ветер
над общей судьбою
гудел.
На длинной стене
имена высекал.
На груди стены
имена
полыхают,
как ордена!..

Каждое имя
в ночи горит
своим
особым огнем…
Дзержинский.
Гагарин.
Куйбышев.

Рид.
Чкалов.
Жуков.
Артем…
Их много.
Всех их
не перечесть.
Их много.
Куда ни взгляни…

Но если бы,
если бы только здесь!
Если бы
только они!
А то —
повсюду!
И голос дрожит.
И я закрываю глаза.
Помнить об этом
труднее, чем жить.
Не помнить об этом —
нельзя!..
Последнюю зависть к живым затая,
лежат,
как во мгле полыньи,
твои,
Революция,

сыновья —
любимые дети твои.

В поющих песках
и в молчащих снегах,
в медлительном шелесте трав.
У сонных колодцев,
в немых сквозняках
пронизанных солнцем
дубрав.
Там,
где тоскуют перепела,
там,
где почти на весу
легкая
утренняя пчела
пьет из цветка
росу.
Где клены
околицу сторожат
и кукушка
пророчит свое…
В безбрежной планете
солдаты лежат,
изнутри
согревая
ее…

Они —
фундамент.
Начало начал.

Вслушиваясь в тишину,
держат они
на своих плечах
эту стену
и эту страну.
Единственным знаменем
осенены, —
гордость
и боль моя…
Пылает
на плитах Кремлевской стены
алфавит
от «А» до «Я»…
И, задохнувшись,
я говорю:
Отныне —
и каждый день —
по этому
каменному
букварю
я бы учил
детей!
Нет, не по буквам,

не по складам,
а по этим жизням
учил!
Я бы им
главное передал.
Вечное
поручил…
Мы мало живем.
Но живем
не зря!..
Веет ветер
с Москвы-реки.
Пред лицом
гранитного букваря
караул
чеканит
шаги.

Историческое отступление о крыльях
Мужичонка-лиходей —
рожа варежкой —
дня двадцатого апреля
года давнего
закричал вовсю
в Кремле,
на Ивановской,
дескать,

«Дело у него Государево!!.».
Кто таков?
Почто вопит?
Во что верует?
Отчего в глаза стрельцам
глядит без робости?
Вор не вор,
однако кто его ведает…
А за крик
держи ответ
по всей строгости!..
Мужичка того
недремлющая стража взяла.
На расспросе
объявил этот странный тать,
что клянется смастерить
два великих крыла
и на оных,
аки птица,
будет в небе летать…

Подземелье.
Стол дубовый.
И стена
на три крюка.
По стене плывут, качаясь,
тени страшные.

Сам боярин Троекуров
у смутьяна-мужика,
бородою тряся,
грозно спрашивали:

— Что творишь, холоп?..
— Не худое творю…
— Значит, хочешь взлететь?..
— Даже очень хочу…
— Аки птица, говоришь?..
— Аки птица, говорю…
— Ну а как не взлетишь?..
— Непременно взлечу!..

…Был расспрашиван бахвал
строгим способом,
шли от засветло расспросы
и до затемно.
Дыбой гнули мужика,
а он упорствовал:
«Обязательно взлечу!..
Обязательно!!.»
Вдруг и взаправду полетит,
мозгля крамольная?!
Вдруг понравится царю
потеха знатная?!.
Призадумались боярин

и промолвили:
— Ладно!
Что тебе, холоп,
к работе
надобно?

…Дали все, что просил
для крылатых дел:
два куска холста,
драгоценной слюды,
прутьев ивовых,
на неделю еды.
(И подьячего,
чтоб смотрел-глядел…)
Необычное
мужичок мастерил,
вострым ножиком
он холсты кромсал,
из белужьих жабр
хитрый клей варил,
прутья ивовые
в три ряда вязал.
От рассветной зари
до темных небес
Он работал и
не печалился.
Он старался — черт,

он смеялся — бес:
«Получается!..
Ой, получается!!.»
Слух прошел по Москве:
«Лихие дела!..
Мужичонка…
да чтоб мне с места не встать!..
Завтра в полдень, слышь? —
два великих крыла…
На Ивановской…
аки птица летать…»

— Что творишь, холоп?..
— Не худое творю…
— Значит, хочешь взлететь?..
— Даже очень хочу…
— Аки птица, говоришь?..
— Аки птица, говорю…
— Ну а как не взлетишь?..
— Непременно взлечу!..

…Мужичонка-лиходей —
рожа варежкою, —
появившись из ворот
скособоченных,
дня тридцатого апреля
на Ивановскую

вышел-вынес
два крыла перепончатых!
Были крылья угловатыми
и мощными,
распахнулись —
всех зажмуриться
заставили.
Были тоненькими очень —
да не морщили.
Были словно ледяными —
да не таяли.
Отливали эти крылья
сияющие
то ли — кровушкою,
то ли — пожарами…
Сам боярин Троекуров
со товарищами
поглазеть на это чудо
пожаловали…
Крыльев радужных таких
земля не видела.
И надел их мужик,
слегка важничая.
Вся Ивановская площадь
шеи
вытянула,

приготовилася ахнуть
вся Ивановская!..
Вот он крыльями взмахнул,
сделал первый шаг.
Вот он чаще замахал,
от усердья взмок.
Вот на цыпочки встал, —
да не взлеталось никак!
Вот он щеки надул, —
а взлететь не мог!..
Он и плакал,
и молился,
и два раза отдыхал,
закатив глаза,
подпрыгивал по-заячьи.
Он поохивал,
присвистывал,
он крыльями махал
и ногами семенил,
как в присядочке.
По земле стучали крылья,
крест болтался на груди.
Обдавала пыль
вельможного боярина.
Мужику уже кричали:
«Ну чего же ты?

Лети!
Обещался, так взлетай,
окаянина!..»

А когда он завопил:
«Да где ж ты, господи?!.» —
и купца задел крылом,
пробегаючи,
вся Ивановская площадь
взвыла
в хохоте,
так, что брызнули с крестов
стаи галочьи!..
А мужик упал на землю,
как подрезали.
И не слышал он
ни хохота,
ни карканья…
Сам
боярин Троекуров
не побрезговали:
подошли к мужичку
и в личность
харкнули.
И сказали так боярин:
«Будя!
Досыта

посмеялись…
А теперь давай похмуримся…
Батогами его!
Но чтоб —
не до смерти…
Чтоб денечка два пожил
да помучился…»

Ой, взлетели батоги
посреди весны!
Вился каждый батожок
в небе
пташкою…
И оттудова —
да поперек спины!
Поперек спины —
да все с оттяжкою!
Чтобы думал —
знал!
Чтобы впрок —
для всех!
Чтоб вокруг тебя
стало красненько!
Да с размахом —
а-ах!
Чтоб до сердца —
э-эх!

И еще раз —
о-ох!
И —
полразика!..
— В землю смотришь, холоп?..
— В землю смотрю…
— Полетать хотел?..
— И теперь хочу…
— Аки птица, говорил?..
— Аки птица, говорю!..
— Ну а дальше как?..
— Непременно взлечу!..

…Мужичонка-лиходей —
рожа варежкой, —
одичалых собак
пугая стонами,
в ночь промозглую
лежал на Ивановской,
будто черный крест —
руки в стороны.
Посредине государства,
затаенного во мгле,
посреди берез
и зарослей смородинных,
на заплаканной,
залатанной,

загадочной Земле
хлеборобов,
храбрецов
и юродивых.
Посреди иконных ликов
и немыслимых личин,
бормотанья
и тоски неосознанной,
посреди пиров и пыток,
пьяных песен и лучин
человек лежал ничком
в крови
собственной.
Он лежал один,
и не было
ни звезд, ни облаков.
Он лежал,
широко глаза открывши…
И спина его горела
не от царских батогов, —
прорастали крылья в ней.
Крылья.
Крылышки.

Шаги

Скоро полночь.

Грохочут шаги в тишине…
Отражаясь от каменных стен и веков,
эхо памяти
медленно плещет во мне…
Двести десять шагов,
двести десять шагов…
Через все, что мы вынесли,
превозмогли, —
двести десять шагов
непростого пути…

Вся история
нашей живучей
Земли —
предисловие
к этим
двумстам десяти!..
Двести десять шагов,
двести десять шагов.
Мимо долгой
бессонной
Кремлевской стены.
Сквозь безмолвье
ушедших в легенду
полков
и большую усталость
последней войны…

Память, память,
за собою
позови
в те далекие,
промчавшиеся дни.
Ты друзей моих ушедших
оживи,
а друзьям живущим
молодость верни.
Память, память,
ты же можешь!
Ты должна
на мгновенье
эти стрелки повернуть.
Я хочу не просто вспомнить
имена.
Я хочу своим друзьям
в глаза взглянуть.
Посмотреть в глаза
и глаз не отвести.
Уставать,
шагать
и снова уставать…

Дай мне воли
до конца тебя
нести.

Дай мне силы
ничего
не забывать.

Труд

Пока в пространстве
кружится планета,
на ней,
пропахшей солнцем,
никогда
не будет дня,
чтоб не было
рассвета,
не будет дня,
чтоб не было
труда!..
Так было
в нашей жизни быстротечной:
пришел
в победном реве
медных труб,
взамен войны —
Великой и Отечественной —
Великий
и Отечественный
труд!..

Вся жизнь
как будто начиналась снова
в бессонной чехарде
ночей и дней.
И это было легче ненамного,
чем на войне.
А иногда —
трудней…
Великий труд,
когда забот по горло.
Огромный труд
всему наперекор…
Работа шла
не просто для прокорма,
а в общем-то
какой там был
прокорм!
Кусок сырого
глинистого хлеба.
Вода
из безымянного ручья.
И печи обгорелые —
до неба
торчащие
над призраком жилья.
Такая память

нас везде догонит.
Не веришь,
так пойди перепроверь:
два дома неразрушенных —
на город!
Один мужик —
на восемь деревень!..
Расскажешь ли,
как, отпахав,
отсеяв,
споткнулись мы
о новую беду
и как слезами
поливали землю
в том —
выжженном —
сорок шестом
году!
Как мышцы затвердевшие
немели
и отдыха
не виделось вдали…
Мы выдержали.
Сдюжили.
Сумели.
В который раз

себя
превозмогли…
Свою страну,
свою судьбу врачуя,
мы
не копили силы про запас.
И не спасло нас
никакое чудо.
А что спасло?
Да только он и спас —
Великий и Отечественный.
Только!
Помноженный на тысячи.
Один…

Пусть медленно,
пусть невозможно долго,
но праздник наш
поднялся из руин!
Поднялся праздник
и расправил
плечи.
Разросся,
подпирая облака…

Что ж,
завтра будет проще?

Будет легче?
Наоборот:
сложней
наверняка!..
Уже сейчас —
совсем не для забавы —
заводим мы
незряшный разговор:
какая магистраль
нас ждет
за БАМом?
Где он лежит —
грядущий Самотлор?..

...Распахнуты сердца.
Открыты лица.
Тайга стоит
уже в заре по грудь.
Стартует утро.
Царствует и длится
Великий труд.
Отечественный труд!
На стройках,
на полях
и на дорогах,
в столичном гуле,
в деревнях глухих,

на самых мудрых
синхрофазотронах
и в самых немудреных
мастерских!
Не надо
снисходительной гримасы
по поводу
«не той величины».
Ведь есть не только
БАМы и КамАЗы —
есть неизбывный
общий труд
страны!
Где без обид
несут свои заботы,
вершат
свои нелегкие дела
обычные совхозы
и заводы,
которым нет ни славы,
ни числа.
Не слишком-то надеясь на везенье,
живет страна,
мечтая и терпя.
Слесарит,
инженерит,

пашет землю.
И верит в жизнь.
И создает
себя!

Труд
правит
миром!
Он пьянит,
как брага!
Он объявляет:
все иль ничего!
А без него
любое знамя —
тряпка!
Любое слово без него —
мертво!
Великий
от великого усилья,
вознесший над страной
крыло свое!
Отечественный!
Ибо в нем —
Россия
и сестры
равноправные
ее!..

Пока в пространстве
кружится планета,
на ней —
пропахшей солнцем —
никогда
не будет дня,
чтоб не было
рассвета!
Не будет дня,
чтоб не было
труда!

Нелирическое отступление о дорогах

Все когда-нибудь
делают шаг
за порог.
Жизнь у всех —
на дорогах бренных…
А мечтаю я
о пятилетке дорог.
Не абстрактных.
Вполне конкретных…

Вы прислушайтесь:
души людские
томя,
в черноземах

и в глинистой жиже
стонут в голос,
воют,
ревут ревмя
на конкретных дорогах
машины!
Даже если какая беда пришла,
то доехать
в средине марта
от села одного
до другого села —
ни рессор не хватит,
ни мата!..
Понимаю,
что очень огромна страна,
допускаю,
что мы — не боги.
Знаю:
в слове «до-ро-га»
звенит цена, —
дорогие нынче
дороги!..

Ладно, дорого…
Что ж,
нагрузили — вези.
Песни пой

себе в утешенье…

Ну а хлеб,
лежащий
в целинной грязи!
Он —
дешевле?!
А далекие рейсы,
будто на приз
(«Доберется!..
Авось не утонет…»)?!
Разве долгий подвиг —
шоферский риск —
ничего
не стоит?!
А колдобины
на ежедневном пути
(чуть расслабишься —
треснет шея)…
А сама невозможность
проехать,
пройти?!
Разве это —
дешевле?!

Не хочу, торопясь,
предвещать закон,

сгоряча
городить напраслину.
Но в Державе такой,
в Государстве таком
бездорожье —
уже безнравственно!
Это — факт!
И дело не в чьей-то
молве.
Я
намеренно не стихаю…

Не ищите поэзии
в данной главе!
Не считайте ее
стихами!..

Не стихи
пишу —
хриплым криком
кричу.
Не себе
прошу —
для Отчизны
хочу.
Для нее —
океанами стиснутой,

драгоценной,
одной,
единственной!
Для которой мы трудимся
столько лет,
для которой
поем и печалимся…

Недоступного нет,
невозможного нет,
если только миром
навалимся!
Если только — с сердцем,
с умом,
с душой…

И Дорога наша
сквозь время,
та,
которая пишется
с буквы большой
станет
к нашим потомкам
добрее!..

Всей наивностью
этих спешащих строк,
всею ширью Земли,

всею далью
я мечтаю
о пятилетке дорог, —
самой трудной мечтой
мечтаю…
За такое
можно отдать и жизнь,
если это приблизит
сроки…
А сегодня, по-моему,
коммунизм
есть
Советская власть
плюс дороги!

Шаги

Небо темное
без берегов.
На стене
имена горят…

Двести десять
парадных
шагов!
Словно это и впрямь —
парад!
Необъявленный,

странный,
ночной!..

Вижу:
выстроились войска,
озаренные
круглой луной,
продирающейся
сквозь облака…
Я друзей отца
узнаю, —
вон они вдалеке стоят…
Впереди —
в суровом строю —
сводный полк
Неизвестных солдат!..
Все
пришли в эту ночь
сюда
отовсюду,
где шла война:
с ноздреватого
невского льда,
из-под Бреста
и Бородина!
С Даугавы,
с Дона,

с Днепра,
кто — на лошади,
кто — пешком…
И безмолвным громом
«Ура-а!..»
перекатывается
над полком!..
Мне тревожно,
холодно мне.
Ветер скорби
хлещет в ушах.
В потрясающей
тишине
государственный
слышен
шаг!
И слова команды
слышны.
В небе
грустные марши
парят…
Появляются
из стены
принимающие
парад.
Командармы

далеких дней,
чашу
выпившие до дна.
Застывают
возле камней,
там, где выбиты
их имена…
И молчат они.
И глядят.
Будто верят,
что скоро,
в ночи
к ним из молодости
прилетят
бесшабашные трубачи!..
Вспоминают
бойцов своих.
Снова чуют
цокот
подков…
Невесомые
руки их —
у невидимых
козырьков.

Война

Было Училище.
Форма — на вырост
Стрельбы с утра.
Строевая — зазря.
Полугодичный
ускоренный выпуск.
И на петлице —
два кубаря…

Шел эшелон
по протяжной
России,
шел на войну
сквозь мельканье берез.
«Мы разобьем их!..»
«Мы их осилим!..»
«Мы им докажем!..» —
гудел паровоз.
Станции,
как новгородское вече.
Мир,
где клокочет людская беда.
Шел эшелон.
А навстречу,
навстречу —
лишь
санитарные поезда…

В глотку не лезла
горячая каша.
Полночь
была, как курок,
взведена…
«Мы разобьем их!..»
«Мы им докажем!..»
«Мы их осилим!..» —
шептал лейтенант.
В тамбуре,
Маясь на стрелках гремящих,
весь продуваемый
сквозняком,
он по дороге взрослел —
этот мальчик —
тонкая шея,
уши торчком…
Только во сне,
оккупировав полку
в осатанелом
табачном дыму,
он забывал обо всем
ненадолго.
И улыбался.
Снилось ему
что-то распахнутое

и голубое.
Небо,
а может,
морская волна…

«Танки!!»
И сразу истошное:
«К бою-у!..»
Так они встретились:
Он
и Война…

…Воздух наполнился громом,
гуденьем.
Мир был изломан,
был искажен…
Это
казалось ошибкой,
виденьем,
странным,
чудовищным миражом…
Только виденье
не проходило:
следом за танками
у моста
пыльные парни
в серых мундирах

шли
и стреляли от живота!..
Дыбились шпалы!
Насыпь качалась!
Кроме пожара,
Не видно ни зги!
Будто бы это планета
кончалась
там,
где сейчас наступали
враги!
Будто ее становилось
все меньше!..
Ежась
от близких разрывов гранат, —
черный,
растерянный,
онемевший, —
в жестком кювете
лежал лейтенант.
Мальчик
лежал посредине России,
всех ее пашен,
дорог
и осин…
Что же ты, взводный?!

«Докажем!..»
«Осилим!..»
Вот он —
фашист!
Докажи.
И осиль.
Вот он —
фашист!
Оголтело и мощно
воет
его знаменитая
сталь...

Знаю,
что это почти невозможно!
Знаю, что страшно!
И все-таки
встань!
Встань,
лейтенант!..
Слышишь,
просят об этом,
вновь возникая
из небытия,
дом твой,
пронизанный солнечным светом,
Город.

Отечество.
Мама твоя…
Встань, лейтенант!
Заклинают просторы,
птицы и звери,
снега и цветы.
Нежная
просит
девчонка,
с которой
так и не смог познакомиться
ты!
Просит
далекая средняя школа,
ставшая госпиталем
с сентября.
Встань!
Чемпионы двора по футболу
просят тебя —
своего вратаря!
Просит
высокая звездная россыпь,
горы,
излучина каждой реки!..
Маршал
приказывает

и просит:
«Встань, лейтенант!
Постарайся!
Смоги…»
Глядя значительно и сурово,
Вместе с землею и морем
скорбя,
просит об этом
крейсер «Аврора»!
Тельман
об этом просит
тебя!
Просят деревни,
пропахшие гарью.
Солнце,
как колокол,
в небе гудит!
Просит из будущего
Гагарин!
Ты
не поднимешься —
он
не взлетит…
Просят
твои нерожденные дети.
Просит история…

И тогда
встал
лейтенант.
И шагнул по планете,
выкрикнув не по уставу:
«Айда!!.»
Встал
и пошел на врага,
как вслепую.
(Сразу же сделалась влажной
спина.)
Встал лейтенант!..

И наткнулся
на пулю.
Большую и твердую,
как стена…
Вздрогнул он,
будто от зимнего ветра.
Падал он медленно,
как нараспев.
Падал он долго…
Упал он
мгновенно.
Он даже выстрелить
не успел!

И для него наступила
сплошная
и бесконечная тишина...

Чем этот бой завершился —
не знаю.
Знаю,
чем кончилась
эта война!..

Ждет он меня
за чертой неизбежной.
Он мне мерещится
ночью и днем —
худенький мальчик,
всего-то успевший
встать
под огнем
и шагнуть
под огнем!..

...А над домом тучи
кружат-ворожат.
Под землей цветущей
павшие
лежат.
Дождь
идет над полем,

родную землю
поит…
Мы про них
не вспомним —
и про нас
не вспомнят!
Не вспомнят
ни разу.
Никто
и никогда.
Бежит
по оврагу
мутная вода…
Вот и дождь
кончился.
Радуга,
как полымя…
А ведь очень
хочется,
чтоб и про нас
помнили!

Утреннее отступление о Москве

Нас у Москвы —
очень много…

Как по привычной канве,

неудержимо
и строго
утро идет
по Москве.
За ночь
мосты остыли,
съежились
тополя.
Дымчата и пустынна
набережная
Кремля.
Башни
порозовели,
Сразу же стала видна
тихих
тянь-шаньских елей
ранняя седина…

Рядом,
задумавшись тяжко, —
и далеки
и близки, —
высятся
многоэтажки,
лепятся
особняки.
В городе —

сотни дорог,
вечность
в себе
таящих.
Город —
всегда диалог
прошлого
с настоящим.
Есть в нем и детство,
и зрелость.
Есть и лицо,
и нутро…

Двинулся
первый троллейбус,
и задышало метро…
Вот,
добежав,
дотикав,
пробуя голос свой,
полмиллиона будильников
грянули
над Москвой!
Благовест наш
небогатый,
утренний наш
набат…

Вот
проснулась Таганка,
потягивается
Арбат.
Кузнецкий
рекламы тушит.
Зарядье
блестит росой.
Фыркает Пресня
под душем!
Останкино
шпарит трусцой!..

К определенному сроку
по мановенью
руки
плюхаются на сковородку
солнечные
желтки!..
Пьет чай
Ордынка и Сетунь…
И снова, идя на рожон,
мужья
забором газетным
отгородились
от жен!..
Встанут ни раньше, ни позже,

жажду свою
утолив…

Будто гигантский
поршень,
в доме
работает лифт!..
Встретит всех
у порога
запах
умытой листвы…

Нас у Москвы очень много,
много нас
у Москвы!
Мы
со столицей на равных,
мы для нее — свои!
В креслах
башенных кранов
и на постах
ГАИ.
В гордых
концертных залах,
в шахтах
и облаках.
На производстве —

в самых
невероятных
цехах!
Мы
этот город
ставим!
Славу его
творим.
Памятью
обрастаем.
С космосом
говорим.
В каждую мелочь
вникаем.
Все измеряем
трудом…

Может быть,
не о каждом
люди
вспомнят потом.
Может,
не всем воздастся…

Сгорбившись
от потерь,
мы создаем

Государство
неравнодушных
людей!
Долгою будет
дорога.
Крупною будет
цена…

Нас у Москвы
очень много.
А Москва у нас —
одна.

Мир

Мы —
жители Земли —
богатыри.

Бессменно
от зари и до зари,
зимой и летом,
в полднях и ночах
мы тащим тяжесть
на своих плечах…
Несем мы груз
промчавшихся годов,
пустых надежд

и долгих холодов,
отметины
от чьих-то губ
и рук,
нелепых ссор,
бессмысленных разлук,
случайных дружб
и неслучайных встреч.
Все это так,
да не об этом
речь!
Привычный груз
не весит ничего…
Но,
не считая этого всего,
любой из нас
несет пятнадцать тонн!..
Наверное,
вы знаете о том?
Наверно,
вам приятно жить в тепле?..

А между тем
на маленькой
Земле
накоплено
так много

разных бомб,
что, сколько их,
не знает даже бог!..

Пока что эти бомбы
мирно спят.
И может,
было б незачем опять
о бомбах
вспоминать и говорить...
Но если только
взять
и разделить
взрывчатку,
запрессованную в них,
на всех людей —
здоровых и больных,
слепых и зрячих,
старцев и юнцов,
на гениев,
трудяг
и подлецов,
на всех — без исключения —
людей
в их первый день
и в их последний день,
живущих

в прокопченных городах,
копающихся
в собственных садах,
на всех людей! —
и посчитать потом,
на каждом будет
по пятнадцать тонн!
Живем мы.
И несет любой из нас
пятнадцать тонн взрывчатки.
Про запас…

Светло смеется женщина в гостях.
Грустит в холодном доме
холостяк.
Рыбак
по речке спиннингом стегнул.
Матрос
за стойкой кабака
уснул.
Пилот мурлычет
в небе голубом.
Пятнадцать тонн на каждом!
На любом!..
Плисецкая
танцует вечный
вальс.

Богатыри!
Я уважаю
вас...
Охотник
пробирается тайгой.
Шериф
бездумно смотрит на огонь.
Студент готовится
спихнуть зачет.
Хозяйка
пудинг яблочный печет.
Рокочет на эстраде
баритон.
На каждом из живых —
пятнадцать тонн!..

Прыгун дрожит
не потому, что трус:
«Как вознести над планкой
этот груз?!»
Старик
несет из булочной батон
в авоське.
И свои пятнадцать тонн
он тащит за плечами,
как рюкзак.
И дым усталости

в его глазах…
Без отдыха
работает роддом.
Смешное,
слабенькое существо
едва рождается,
а для него
уже припасено
пятнадцать тонн.
Пятнадцать тонн
на слабеньких плечах!
Вот почему
все дети
так кричат…

…Сквозь смех и боль,
сквозь суету и сон
мы эту ношу
медленно
несем.
Ей подставляем
плечи и горбы,
влачим ее по жизни,
как рабы!
Ее не сбросить,
в землю не зарыть,
не утопить,

врагу не подарить…
А ноша эта —
черт ее возьми! —
придумана и создана
людьми!
Людьми самими
произведена.
В секретные бумаги
внесена.
Нацелена
и взвешена уже…

Ну как теперь?
Живет у вас в душе
надежда
этот шар земной
спасти?..
Шлагбаумом,
застывшим на пути, —
протянутая
детская рука.
Взрывчатки — вдоволь.
Хлеба —
ни куска.
Взрывчатки — вдоволь.
По пятнадцать тонн…

Земля
утробный исторгает стон!
Ей хочется
забыться поскорей.
Ей страшно
за своих
богатырей!..
Пока —
пятнадцать тонн.
А завтра —
что?
А через десять лет?
А через сто?
Пусть даже без войны,
без взрывов пусть…
Богатыри,
да разве это —
путь?!.

…И снова ночь
висит над головой.
Бездонная,
как склад пороховой.

Шаги

Для сердца
любая окраина —

близко.
Границей
очерчена наша Земля.
Но в каждом селенье
стоят
обелиски,
похожие чем-то
на башни
Кремля…
Стоят обелиски
над памятью вечной,
над вдовьей тоской
да над темной водой
с такой же звездою
пятиконечной,
с такой же
спокойной и светлой
звездой.
С такой же,
которая так же
алеет,
которую так же
боятся враги…
Солдаты
сменяются
у Мавзолея,

раздольно и мощно
чеканят шаги!..
Я слышу:
звучат
неумолчные гимны.
Я вижу:
под гроздьями облаков,
летящих над миром,
до каждой
могилы
от Спасских ворот —
двести десять шагов!
До каждой!
Пусть маленькой,
пусть безымянной.
До каждой!
Которую помнит
народ.

По чащам лесным,
по траве непримятой
проторены тропки
от Спасских
ворот…
Сквозь зимние вьюги
и вешние гулы,
под пристальным взглядом

живущих людей
идут
караулы,
встают
караулы
у памятников
посреди площадей!
У скорбных надгробий
встают, бронзовея.
И бронза
становится цветом лица…
Есть память,
которой не будет забвенья.
И слава,
которой не будет конца.

Пуля

Пока эта пуля летела в него…
— Ты о чем?!
Он умер
в больнице.
И все это было
не вдруг.
Почти что за месяц
мы знали,
что он — обречен…

Ты помнишь,
как плакал в пустом кабинете
хирург?!
«Какой человек умирает!
Какой человек!..»
Поэт хирургии
полсуток стоял у стола.
Хотел опровергнуть прогнозы.
И —
не опроверг.
Там не было
пули…

— Нет,
все-таки пуля была!..
На любом надгробье —
два
главных года:
год прихода в этот мир.
И год ухода.

От порога
до другого порога
вьется-кружит по земле
твоя дорога.
Вьется-кружит по земле
твоя усталость.

И никто не скажет,
много ль осталось…
Но однажды,
вопреки твоей воле,
обрываются
надежды и хвори!
Обрываются
мечты и печали!
«Прибыл — убыл…» —
в это верят
без печати…

Я разглядываю камень
в испуге:
между датами —
черта,
как след от пули!
След от пули!
След
багряного цвета…
Значит, все-таки
была
пуля эта!
Значит, все-таки
смогла
долго мчаться!
Значит, все-таки

ждала
дня и часа!
Все ждала она,
ждала,
все летала!
И —
домчалась.
Дождалась.
Досвистела…
Два числа на камне
время стирает.
След от пули
между ними
пылает!..

Пока эти пули летят, —
(а они летят!) —
пока эти пули летят
в тебя
и в меня,
наполнившись ветром,
осенние сосны гудят,
желтеют в витринах
газеты
вчерашнего дня…
А пули летят!
И нельзя отсидеться в броне,

уехать,
забраться в забытые богом края…
Но где и когда она
встречу
назначила мне —
веселая пуля,
проклятая пуля моя?!
Ударит
в какой стороне
и с какой стороны?..
Постой!
Да неужто
не может промазать она?!

И вновь
суматошные дни
суетою полны.
Живу я и верю,
что жизнь —
невозможно длинна.
Вот что-то не сделал: «Успею…»
(А пуля летит!..)
«Доделаю после…»
(А пуля смеется, летя!..)

В сырое окно
неподкупное время

глядит.
И небо
в потерянных звездах,
как в каплях
дождя…

Ну что же,
на то мы и люди,
чтоб все понимать.
На то мы и люди,
чтоб верить
в бессмертные сны…
Над детским дыханьем
склонилась
усталая мать.
Горят имена
у подножья
Кремлевской стены…
На то мы и люди,
чтоб помнить
других людей.
На то мы и люди,
чтоб слышать
их голоса…
В оттаявшем небе —
рассветная полоса…
Да будет памятным

каждый
прошедший день!
А каждый грядущий день
да будет воспет!..

Пока эти пули летят,
мы
обязаны жить.
Пока эти пули летят,
мы должны
успеть
вырастить хлеб,
землю спасти,
песню сложить.
...Пока эти пули летят
в тебя и в меня...

Шаги

Двести десять шагов.
Шаг
за шагом.
Надо мной облака
в небе ржавом.
Гул шагов.
Каждый шаг —
будто веха.
Это —

сердце стучит.
Сердце века.

Я на площади,
как на ладони.
Смотрит время в упор:
Что я сто́ю?
Что я
в жизни могу?
Что я знаю?..
Надо мною
рассвет,
будто знамя.
Смотрит время в упор —
проверяет.
Этот день
на меня
примеряет.
Гул шагов над Москвой.
Грохот эха.
Сердце века
стучит.
Сердце века!
Продолжается бой —
тот —
последний!..
Двести десять

шагов
по вселенной!..

Время
стрелки часов
переставит.
Знаю я:
нас
однажды
не станет.
Мы уйдем.
Мы уже
не вернемся.
Этой горькой землей
захлебнемся.
Этой утренней,
этой
печальной,
неизвестной еще,
непочатой.
А она
лишь на миг
всколыхнется.
И, как море,
над нами
сомкнется.
Нас однажды не будет.

Не станет.
Снова
выпадет снег.
И растает.
Дождь прольется.
И речка
набухнет.
Мы
уйдем насовсем.
Нас
не будет.
Превратимся
в туман.
В горстку праха…

Но
останется жить
наша
правда!
Мы
свое оторим.
Отболеем…

Но
от имени
нас
будет

Ленин!
И от имени
нас
будут эти
двести десять шагов
по планете!

Посвящение
1. «Поехали!..»

Мне нравится,
как он сказал:
«Поехали!..»
(Лихой ямщик.
Солома в бороде.)
Пошло по свету отзвуками,
эхами,
рассказами,
кругами по воде…
…И Главного конструктора знобило.
И космодром был
напряженно пуст.
«Поехали!» —
такое слово
было.
Но перед этим прозвучало:
«Пуск!!»

...И сердце билось не внутри,
а возле.
И было незнакомо и смешно.
А он ремень поправил,
будто вожжи,
и про себя губами чмокнул:
«Но-о-о!..»
И широко,
размашисто,
стотонно,
надежд не оставляя на потом,
с оттяжкой
по умытому бетону
вдруг стегануло
огненным кнутом!
И грохнул рев!
И забурлила ярость!
Закрыла небо
дымная стена...
Земля вогнулась чуть
и,
распрямляясь,
ракету подтолкнула.
А она
во власти
неожиданного бунта,

божественному куполу под стать,
так отрывалась от земли,
как будто
раздумывала:
стоит ли
взлетать?..
И все-таки она решила:
«Надо!..»
Запарена,
по-бабьи — тяжела,
сейчас
она
рожала
космонавта!
Единственного.
Первого…
Пошла!
Пошла, родная!..

…Дальше было просто.
Работа.
И не более того.
Он медлил,
отвечая на вопросы,
не думая,
что все слова его
войдут в века,

подхватятся поэтами,
забронзовев,
надоедят глазам…

Мне нравится,
как он сказал:
«Поехали!..»
А главное:
он сделал,
как сказал!

2. Мы вырастаем

Скрипит под ветром печальный ставень.
В углу за печкой таится шорох…
Мы вырастаем,
мы вырастаем
из колыбелей
и распашонок…
Огромно детство.
Просторно детство.
А мы
романы Дюма листаем.
И понимаем,
что в доме —
тесно.
Мы вырастаем.
Мы вырастаем…

Укоры взрослых
несутся следом.
Мы убегаем,
как от пожара.
Нам двор —
держава!..
Но как-то летом
мы замечаем:
мала держава…
Нас что-то кличет
и что-то гонит
к серьезным спорам,
к недетским тайнам.
Нас принимает
гигантский город!
Мы
вырастаем!
Мы
вырастаем!..
А город пухнет.
Растет, как тесто.
А нам в нем тесно!
И мы,
пьянея,
садимся в поезд,
где тоже —

тесно.
А в чистом поле —
еще теснее…
Мы негодуем,
недосыпаем,
глядим вослед
журавлиным стаям.
На мотоциклах,
пригнувшись, шпарим.
Мы
вырастаем!
Мы вырастаем!..
Мы трудно дышим
от слез и песен.
Порт океанский
зовем
калиткой.
Нам Атлантический
слишком тесен!
Нам тесен
Тихий, или Великий!..
Текут на север густые реки.
Вонзились в тучу верхушки елей.
Мы вырастаем!..

Нам тесно
в клетке

меридианов и параллелей!

3. Грязный шепоток

Из фильмов
мы предпочитаем
развлека-
тельные.
Из книжек
мы предпочитаем
сберега-
тельные.
Сидим в тиши,
лелеем блаты
подзавядшие.
Работу любим,
где зарплата —
под завязочку…
Мы презираем
в хронике
торжественные омуты…

Все космонавты —
кролики!
На них
проводят
опыты!
В быту,

слегка подкрашенном
научными
названьями,
везет
отдельным гражданам…
Чего ж
про них
названивать?!
Они ж
бормочут тестики
под видом испытания.
Они ж
в науке-технике —
ни уха,
ни… так далее…
Их интеллект сомнителен.
В их мужество не верится…
Живые заменители
машин
над миром вертятся!!

Непыльное занятие:
лежишь,
как в мягком поезде.
Слетал разок и —
на тебе!
И ордена!

И почести!
Среди банкета вечного,
раздвинув
глазки-прорези,
интересуйся вежливо:
«А где тут
сумма —
прописью?..»
Живи себе,
помалкивай,
хрусти
котлетой киевской
иль ручкою
помахивай:
«Привет, мол,
наше с кисточкой!..»

4. Одиночество

Я славлю
одиночество моста,
шальное одиночество
печурки.
Я славлю
одиночество
гнезда
вернувшейся из-за морей

пичуги…

(А сам —
в игре с огнем,
тревожным,
переменчивым, —
живу
случайным днем,
живу мелькнувшим месяцем…
Работает
в боку
привычная
механика…
А я
бегу,
бегу.
Бледнею.
Кровью харкаю.
Смолкаю,
застонав.
Жду
вещего прозрения
то в четырех
стенах,
то в пятом
измерении…
Разъехались друзья.

Звонят,
когда захочется...
У каждого
своя
проверка
одиночеством...)

Я славлю
одиночество письма,
когда оно уже
почти нежданно...
Я славлю
одиночество
ума
ученого
по имени
Джордано!..

(А сам,
припав к столу,
пью горькое и сладкое.
Как будто
по стеклу
скребу
ногтями слабыми.
Не верю
никому,

считаю дни
до поезда…
И страшно
одному,
а с кем-то рядом —
боязно…
В постылый дом
стучу,
кажусь
чуть-чуть заносчивым.
«Будь проклята, —
кричу, —
проверка
одиночеством!..»)

Я славлю
одиночество луча
в колодце,
под камнями погребенном.
Я славлю
одиночество врача,
склонившегося
над больным ребенком.

(Неясная
цена
любым

делам и почестям,
когда идет она —
проверка
одиночеством!..
Пугать не пробуй.
Денег не сули.
Согнись
над неожиданною ношей...)

Я славлю
одиночество Земли
и верю,
что не быть ей
одинокой!

5. Жизнь и смерть

Значит,
все-таки есть она —
глупая смерть.
Та,
которая вдруг.
Без глубинных корней.
За которой оркестрам
стонать и греметь.
Глупо.
Глупая смерть...

А какая умней?
А в постели умней?
А от пыток умней?
А в больнице?
В убожестве
краденых дней?
А в объятьях мороза
под скрипы саней?
Где
умней?
Да и как это можно:
умней?!
В полыханье пожара?
В разгуле воды?
В пьяной драке,
где пастбище делит межа?
От угара?
От молнии?
От клеветы?
От раскрашенной лжи?
От слепого ножа?..
Смерть
ничем не задобришь,
привыкла
к дарам…
Вот Гастелло

летит с перекошенным ртом.
Он
при жизни
пошел на последний
таран!
Все при жизни!!!
А смерть наступила
потом…
Горизонт покосившийся.
Кровь на песке.
И Матросов
на дзот навалился плечом.
Он
при жизни
подумал об этом
броске!
Все при жизни!!!
И смерть
тут совсем ни при чем…
Голос радио.
Падает блюдце из рук.
Прибавляется жителей
в царстве теней…
Значит,
глупая смерть —
та,

которая
вдруг?
Ну а если не вдруг?
Постепенно?
Умней?!
Все равно ты ее подневольник
и смерд!
Все равно не поможет твое:
«Отвяжись!..»
Впрочем,
если и есть она —
глупая смерть, —
это все-таки лучше,
чем глупая
жизнь.

6. Вечный огонь

Свет
Вечного огня,
жар
вещего костра,
тебе рассвет —
родня.
Тебе заря —
сестра.
Гудящий

над строкой,
не сказанной
никем,
мятущийся огонь,
ты для меня —
рентген!
Рентген —
пока дано
держать в руках
перо,
когда
черным-черно,
когда
белым-бело…

Восстав
из-под земли
в пороховом
дыму,
погибшие
пришли
к подножью твоему.
Сквозь дальние огни,
сквозь ржавые бинты
в упор
глядят
они,

как полыхаешь
ты…
Снега идут сквозь них.
Года идут сквозь них.

Ты правильно возник!
Ты вовремя возник!
Их прошлый
непокой,
несбывшийся
простор
сейчас в тебе,
огонь.
Сейчас в тебе,
костер…
Не станет пусть
в веках
ни уголка,
ни дня,
куда б
не проникал
свет
Вечного огня!..
Я знаю, что хочу.
Я,
голову склоня,
гляжу

в глаза
огня
и медленно шепчу:
всем,
сбившимся
с пути,
всем,
рухнувшим
с коня,
дорогу освети,
свет
Вечного огня.
Замерзших отогрей.
Оружье закали.
К наивным
будь
добрей.
Зарвавшихся
спали…
Не верю я
пока
в переселенье душ…
Но ты —
наверняка! —
в огне
ракетных

дюз!
На кончике пера.
На утреннем
лугу…
Свет
Вечного костра,
мы у тебя
в долгу.
В долгу за каждый вздох
и прежде,
и теперь…
И если я тебе
не выплачу свой долг,
тогда убей меня
и прокляни меня,
жар
вещего костра.
Свет
Вечного огня.

7. О незаменимых

Кто-то заплакал.
Кто-то заохал.
Бодрые песни
лезут из окон.
И поговорка

вновь торжествует:
«Незаменимых
не существует...»
Трусы,
герои,
прачки,
министры —
все заменимо.
Все заменимы...
Все
заменимо!

Действуя четко,
сменим давайте
бога
на черта.
Шило
на мыло.
Пешку
на пешку.
(Это привычно.
и неизбежно.)
Сменим давайте
горы
на поле.
Зава
на зама.

Зама
на пома.
А панихиду —
на именины.
Все заменимо.
Все
заменимы…

Значит, напрасно
крестили нас в загсах.
Зря мы считали
годы без засух.
Зря утопали
в пахоте вязкой.
Бредили вязью
старославянской.
Зря мы пудовым кланялись щукам.
Зря композитор
тему нащупал.
Зря архитектор
кальку изводит.
Зря над могилами
матери
воют.
Зря нас дорога однажды сманила.
Все
заменимы.

Все
заменимо!!

Я наполняю легкие
гневом!
Я вам клянусь
пошатнувшимся небом:
лжет
поговорка!
Врет
поговорка!
Незаменимо
катится Волга.
Незаменимы
ветры над взморьем.
Незаменимы
Суздаль
и Смольный.
Незаменимы отсветы флага…
Незаменима
добрая фляга.
Зерна морошки.
Тень от платана…

Незаменим
академик Ландау.
Незаменима

и окрыленна
резкость
конструктора
Королева!..

Даже артисты цирков бродячих,
даже стекольщик,
даже жестянщик,
кок,
над которым не светятся нимбы, —
незаменимы.
Незаменимы…

Каюсь,
но я признаю неохотно:
жизнь
не окончится
с нашим уходом.
Внуков,
чей путь еще даже не начат,
незаменимые бабушки
нянчат.
Знаю:
родятся под Омском
и Тулой,
в горной глуши,
за сиреневой тундрой, —

знаю:
взойдут на асфальтовых
нивах
новые тысячи
незаменимых!
Незаменимых
в деле и в силе.
Незаменимых,
будто Россия.
Пусть —
знаменитых,
незнаменитых —
незаменимых.
Незаменимых!

До твоего прихода
Алёне
Теперь я знаю:
ты
идешь по лестнице.
Вошла в подъезд.
Все остальное —
ложь.
Идешь,
как по рассыпанной поленнице,
как по горячим угольям
идешь.

Земля,
замедли плавное вращение!
Лесные птицы,
кончите галдеж…
Зачем идешь?
Прощать?
Просить прощения?
Сама не знаешь.
Но —
идешь!

1. Когда уезжал…

Позабылись дожди,
отдыхают ветра…
Пора…
И вокзал обернется, —
руки в бока, —
пока!
На перроне озябшем
нет ни души…
Пиши…
Мы с тобою одни на планете пустой.
Постой…

Я тебя дожидался,
звал,
повторял,

терял!
И висела над нами,
будто звезда,
беда.
Так уходят года,
так дрожат у виска
века…
По тебе и по мне грохочет состав…
Оставь!
Эти — губы твои,
движенье ресниц, —
не снись!
На рассвете косом,
в оголтелой ночи
молчи.
Разомкни свои руки,
перекрести…
Прости!
И спокойно, —
впервые за долгие дни, —
усни.
…А ты идешь наверх.
Костром.
Порывом.
Вот
задохнулась.

Вздрогнули зрачки.
Передвигаешь руку по перилам,
как будто тянешь сети
из реки.
Твоя река сейчас наверх стремится.
А что в сетях?..
Нет времени…
Потом…
Стучит
эмалированная миска
в соседкиной авоське
о бидон…
Соседка что-то говорит печально.
Все жалуется…
Деньги…
Сыновья…
И ты ей даже что-то отвечаешь,
хотя тебя
еще не слышу я…

2. Когда прислушивался…

Слухи,
слухи,
слухи,
слухи, —
то начальники,

то слуги…
Слухи-горы,
слухи-льдины
налезают на меня.
Нету дыма,
нету дыма,
нету дыма
без огня.

Для веселья,
для разлуки,
на глазах и на устах —
снова слухи,
слухи,
слухи
просто
и не просто
так.
Прокляты,
необходимы —
среди ночи,
среди дня.
Нету дыма,
нету дыма,
нету дыма
без огня.

Слухи-отдых,
слухи-опыт
без особенных затей:
существует
тихий омут.
Как
всадить в него
чертей?..
Кто поверить надоумил,
слухи-карты разложив?
Я —
по слухам —
дважды умер.
Дудки!
Оба раза
жив…
То внушительно,
то наспех,
то наградой,
то бедой, —
будто капли,
будто айсберг:
половина —
под водой.
Слухи сбоку,
слухи с тыла,

завлекая и маня.
Нету дыма,
нету дыма,
нету дыма
без огня.

…Слышали:
на школьнице
женился академик!..
Слышали:
в Госбанке
для зарплаты нету денег!..
Слышали:
поэт свалял
такого дурака!
Слышали:
она ему
наставила
рога…

3. Когда смеялся…

Рога так рога.
Я приглажу патлы.
В подушку поплачу.
В тетрадку поною.
И буду сдавать
драгоценные панты

каждой весною.
Каждой весною.
Платите валютой!
Зелененьким хрустом.
Фигура у кассы
глаза намозолит.
По средам
с лицом
независимо-грустным
я буду, вздыхая,
купюры мусолить.
«Калинка, калинка, калинка моя!
В саду ягода малинка, малинка моя!..»
...А если на миг
отодвинуть веселье,
пятнадцатый век
мою голову сдавит.
Я —
только гонец.
Я скачу с донесеньем.
Король растревожен.
Король заседает...
Врываюсь в покой
тугодумов лобастых
и, рухнув плашмя
на подстилку из меха,

я,
булькая кровью
(стрела меж лопаток),
хриплю,
будто школьник по буквам:
«Из…
ме…
на…»

«Калинка, калинка,
калинка моя!
В саду ягода малинка,
малинка моя!
Ах, люли-люли!..»
. . . . . .
Эх, люди —
люди…

…А ты идешь
по лестнице,
идешь по лестнице.
Шагаешь,
как по лезвию,
через нелепицы.
И мечешься,
и маешься,
мечтая,

каясь...
Нет!
Ты не поднимаешься, —
я сам
спускаюсь!
Романы обездарены,
отпели трубы...
О, сколько нас —
«подаренных» —
идет
друг к другу!..
Мы,
окрыляясь тостами,
царим
над столиками.
Читаем книжки —
толстые,
а пишем —
тоненькие.
Твердим
о чистой совести,
вздыхаем
мудро...
А сами
неосознанно
идем

к кому-то…

4. Когда любил…

Люб —
(Воздуха!
Воздуха!
Самую малость бы!
Самую-самую…)
лю!
(Хочешь, —
уедем куда-нибудь
заново,
замертво,
за море?..)
Люб —
(Богово — богу,
а женское — женщине
сказано,
воздано.)
лю!
(Ты покоренная.
Ты непокорная…
Воздуха!
Воздуха!)
Люб —
(Руки разбросаны.

Губы закушены.
Волосы скомканы.)
лю!
(Стены расходятся.
Звезды, качаясь,
врываются в комнаты.)
Люб —
(В загнанном мире
кто-то рождается,
что-то предвидится…)
лю!
(Где-то
законы,
запреты,
заставы,
заносы,
правительства…)
Люб —
(Врут очевидцы,
сонно глядят океаны остывшие.)
лю!
(Охай, бесстрашная!
Падай, наивная!
Смейся, бесстыжая!)
Люб —
(Пусть эти сумерки

станут проклятием
или ошибкою…)
лю!
(Бейся в руках моих
каждым изгибом
и каждою жилкою!)
Люб —
(Радостно всхлипывай,
плачь и выскальзывай,
вздрагивай,
жалуйся!..)
лю!
(Хочешь — уедем?
Сегодня? —
пожалуйста.
Завтра? —
пожалуйста!)
Люб —
(Царствуй, рабыня!
Бесчинствуй, учитель!
Неистовствуй, женщина!)
лю!
(Вот и глаза твои.
Жалкие,
долгие
и сумасшедшие!..)

Люб —
(Чертовы горы уставились в небо
темными бивнями.)
лю!
(Только люби меня!
Слышишь,
люби меня!
Знаешь,
люби меня!)
Люб —
(Чтоб навсегда!
Чтоб отсюда — до гибели…
Вот оно…
Вот оно…)
лю!
(Мы никогда,
никогда не расстанемся…
Воздуха…
Воздуха!..)

…А лестница
выше.
А двери —
похожей.
Я знаю,
я вижу,
я чувствую кожей, —

шагаешь
по далям,
шагаешь
по датам.
Недавним и давним.
Святым
и бездарным.

5. Когда отчаялся…

Кукушка:
«Ку-ку!
Живи на земле…»
А палец —
к курку.
А горло —
к петле.
А небо —
к дождю
(галоши надень)…
Сгибаясь,
тащу
две тыщи недель.
Две тыщи суббот
(взвали,
если жив).
Следы

от зубов
своих
и чужих.
Все отблески гроз
на глади
стола.
И тихий вопрос:
«Зачем ты
была?..»
Несу на горбу, —
не сгинув
едва, —
чужую
судьбу,
слепые
слова…

Кукушка:
«Ку-ку!
Останься.
Прошу…»
А я
не могу.
А я
ухожу.
Цветы в изголовье,
и тень на лице.

И ночь
на изломе.
И пуля
в конце.
…А ты все время — вверх,
все ближе,
ближе.
Из-под закрытых век
тебя я вижу.
Идешь,
как инвалид,
ступаешь ватно.
И кто заговорит —
уже
не важно.
Не важно,
кто начнет,
а кто продолжит.
Себя
перешагнет.
Жизнь
подытожит.
Взойдет на перевал.
Вернет,
отчаясь,
затасканным

словам
первоначальность.

6. Когда выжил

Что я?!
Что это я?!
Да что я?!
В воспаленном:
«То…
иль не то?..»
Выбрал
самое распростое.
Проще пива.
Глупей лото…
Расплываюсь
в слезливом трансе.
Вопли кончены.
Не берет…
Вы
орите!
А я
наорался
на десяток годов
вперед.
По озерной метельной глади
прет

весенних недель
орда.
Все будильники мира,
гряньте!
И замолкните
навсегда.
Лишним криком
эпоха скомкана,
смята
грохотом календаря…
Да отсохнет
язык
у колокола,
если он трезвонит
зазря!..
Реки движутся
в каменных шорах,
дни уходят в небытие…
Крик
устал.
Да здравствует
шепот
двух людей:
его
и ее.

…Застыла у дверей.

Теперь
помедли.
Невыносимой тишине поверь.
Вчера меж нами
были
километры.
Сегодня —
только тоненькая дверь.
Подмигивают фонари спросонок.
Над зимней ночью
взмахи снежных крыл.
Нам очень скоро сорок.
Очень
сорок…

Войди в свой дом.
Я двери отворил.

Поэма о разных точках зрения
1. Сон

Я по улице иду —
удручен.
В магазинах
нет вопроса:
«Почем?»
На вокзалах
нет вопроса:

«Куда
по планете разбрелись поезда?..»
Этот сон
приснился в пятницу мне
(может, он —
к деньгам,
а может —
к войне).
Я попал на заседание вдруг
Академии
Серьезных
Наук.

Академики —
дотошный народ
(сорок лысин,
восемнадцать бород) —
при параде,
при больших орденах
обсуждают
вопросительный знак.
Рассуждают о загадках его…
Говорят, что он немножко
того…
Не умеет
эпохально звенеть.
Заставляет временами

краснеть.
Не зовет,
не помогает в борьбе…
«Задается» —
значит, мнит о себе.
Если даже и ведет
иногда,
то заводит
неизвестно куда…
Решено:
недопустим компромисс!
Решено, что этот знак —
пессимист.
И записано,
что он отменен,
так как
«нет уже потребности
в нем».

«Восклицательным знакам —
почет!!»
(Вопросительные —
взять на учет.
Разрешить для них
журчание вслух
при наличии
особых

заслуг.)
Телефон «09»
вправе молчать.
(Если нет вопросов —
что отвечать?)
Нет вопросов,
и не слышно гудка…
«Мосгорсправка»
растерялась слегка.
Но потом она опомнилась и
заклеймила
заблужденья свои…
Только сложности возникли опять:
«Как
с вопросами детей
поступать?..»
Просит ректор МГУ разъяснить:
«Что с экзаменами?
Чем заменить?..»

Все супруги
соблюдают престиж.
Ведь не спросишь:
«Почему ты грустишь?..»
И не скажешь:
«Ты сегодня бледна…
Что с тобою?

Может, помощь нужна?..»
Нет возможности
задачник добыть…
Не вздыхает Гамлет:
«Быть
иль не быть?..»
Нет задумавшихся.
Быт упрощен.
В магазинах нет вопроса:
«Почем?»
На вокзалах нет вопроса:
«Куда
непонятные ушли поезда?..»
Нет кроссвордов.
КВН не бурлит.
И не спрашивает врач:
«Что болит?..»
Лишь в кошмарных
появляется снах
отмененный
вопросительный знак.

…А природе
не впервой отставать.
А природе на запреты
плевать!
Вопросительно

глядит сова.
Вопросительно
шуршит трава.
Вопросительна пчела в цветах.
Вопросительны краны в портах.
Вопросительно закручен
ус.
Вопросительно свернулся
уж…
Если даже у змеи
вопрос,
что же делать тем, кто —
в полный
рост?!

2. Несколько слов от автора

Ну, ладно, —
мы
рождаемся.
Переживаем.
Старимся.
Увидимся —
расстанемся…
Зачем?

Грядущие
и прошлые.

Громадины.
Горошины.
Плохие
и хорошие.
Зачем?

Для дела
и для понта.
Запои и работа.
Крестины и аборты.
Зачем?

В дакронах и сатинах.
В рабах и господинах.
В театрах и сортирах.
Зачем?
Приказы и баллады.
Дебилы и таланты.
Пигмеи и Атланты.
Зачем?

Подонки и матроны.
На ринге
и на троне.
На вахте
и на стреме.
Зачем?

Над щами.
Над миногами.
С авоськами.
С моноклями.
Счастливые.
Минорные.
Зачем?

Трибунные гориллы,
базары
и корриды,
горланите?
Горите?
Зачем?

Случайно
иль нарочно?
Для дяди?
Для народа?
Для продолженья
рода?
Зачем?

3. Экскурс

Скорбел летописец:
«Славяне,
запутавшись намертво

в ссорах и дрязгах,
пришли до варягов…
Сказали:
— Земля наша
сильно лесами обширна,
ручьями обильна,
и только обидно,
что нет в ней порядка,
и люди устали бессмысленно мучиться,
жить не по правде.
Придите
и правьте!..»
Я тихо краснею
за это решение собственных предков —
суровых и бренных.
Не знаю,
чего они этим добились
и что потеряли,
но я повторяю:
— Земля наша
сильно лесами обширна,
лугами удачна,
ручьями обильна.
И только обидно,
что нет на земле
(как бы это сказать,

чтоб звучало толково?) —
чего-то такого…
То сеем не там.
И не то.
И не так, чтобы — к сроку.
Морока!
То вдруг
наводненье стрясется,
набухнет,
нагрянет внезапно,
то — засуха!
Мы вроде и эдак,
и так,
и обратно,
и снова,
да только —
без особого толку.
Как будто мы
чем-то обидели землю,
и жить ей от этого тошно —
и точка!..
Эгей,
супермены!
Советчики!
Форды!
Проныры!

Варяги!
Валяйте!!
А ну,
налетай,
джентльмены удачи!
Любители легкой наживы!
Спешите!
Откройте, что сами мы,
в общем,
старались напрасно
(быдло,
низшая раса).
И сделайте, чтоб от жратвы
прогибались прилавки
в сверканье и лаке!..
Чтоб даже в райцентрах любых
ни на миг не потухла
ночная житуха!..
А мы вам за это
подарим цветастых матрешек,
протяжную песню про Волгу
и водку.
Икрою покормим,
станцуем вприсядочку,
склоним главу.
Варяги,

ау-у-у!
Придите и правьте.
Мы очень понятливы.
Необычайно проворны…
…До-
воль-
но!!
К чертям!
Супермены,
советчики,
хёрсты,
рвачи
и так далее, —
видали!
Шеренги
заезжих высочеств,
проезжих величеств, —
валитесь!
Земля наша
сильно людьми знаменита,
в которых —
надежда,
в которых —
спасенье…
Люби
эту землю!

4. Разговор со случайным знакомым

— Смотри, как дышит эта ночь.
Звезда, уставшая светлеть,
упала,
обожгла плечо…
— Че?
— Смотри, как вкрадчивый туман
прижался
к молодой воде…
— Где?
— Он полночью поклялся ей,
он взял в свидетели луну.
— Ну?!
— Они сейчас уйдут в песок,
туда, где не видать ни зги.
— Гы!..
— И, ощутив побег реки,
в беспамятстве забьется ерш.
— Врешь!..
— Да нет, я говорю тебе,
что столько тайн хранит земля,
березы, ивы и ольха…
— Ха!..
— А сколько музыки в степях,
в предутреннем дрожанье рос…
— Брось!

— Да погоди!
Почувствуй ночь,
крадущийся полет совы,
сопенье медленных лосих…
— Псих!..
— Послушай,
разве можно так:
прожить —
и не узнать весны,
прожить —
и не понять снега?..
— Ага!..

5. Хор со стороны

А куда нам —
мыслить?
А чего нам —
мыслить?
Это ж —
самому себе
веревочку мылить!
Мы же — непонятливые.
Мы же — недостойные.
До поры до времени
взираем из тьмы…
Кто у вас

на должности
хозяев истории?
А ведь ее хозяева —
извините! —
мы!
Мы —
и не пытавшиеся.
Мы —
и не пытающиеся.
Млекопитающие
и млеконапитавшиеся.
Рядовые.
Жвачные.
Мягкие.
Овальные.
Лица,
не охваченные
проф-
образованием.
Скромные.
Ленивые.
Не хитрецы,
не боги.
Мы —
обыкновенные,
как время само, —

люди-агрегаты
по переработке
всевозможно-всяческой
пищи
на дерьмо!
Нет войны — мы живы.
Есть война — мы живы.
Пусть вокруг
оракулы каркают!..
Вы думаете:
это
работают
машины?! —
А это
наши челюсти вкалывают!!.
Играйте в ваши выборы,
правительства
и партии!
Бунтуйте,
занимайтесь
стихами и ворьем.
Старайтесь,
идиотики!
На амбразуры падайте!
Выдумывайте,
пробуйте!

А мы пока
пожрем…
Орите!
Надрывайтесь!
Мы
посидим в сторонке.
В тени своих коттеджей,
избушек
и юрт…
Вы думаете:
это
грохочут
новостройки?!
А это
наши челюсти жуют!!.
Шагайте в диалектику,
закапывайтесь в мистике,
пускай кричит философ,
догадкой озарен…
Леди и товарищи,
граждане и мистеры,
стройте
ваше
будущее!
Мы и его сожрем…
Подползем,

навалимся неотвратимым весом
и запросто докажем,
как был задуман
мир…
Выставкам и выдумкам,
опусам и эпосам,
физикам и лирикам —
привет!
Аминь.
Глыбы коллектива,
в завтрашнем раю
вам
не подфартило, —
общее «адью!»
На планете вместо
светочей ума
встанут
Эвересты
нашего дерьма!
Брызнут фейерверком
желтые
дымы…
Разжиревшим веком
будем
править
мы!

Мы —
и не пытавшиеся.
Мы —
и не пытающиеся.
Мы —
млекопитающие.
И млеконапитавшиеся.

6. Снова несколько слов от автора

По стебелечку
вверх и вверх
ползет
травяная вошь…
Зачем живешь,
человек, —
если так
живешь?..
Представь,
что атомный кошмар
двоится и дрожит.
Земля пуста,
как твой карман.
А ты,
допустим,
жив.
Удачлив,

будто царь царей.
Как финн, невозмутим.
Ты выжил.
Вышел.
Уцелел.
На всей Земле —
один.
Один среди песков и льдин, —
куда б ни заходил:
идешь —
один.
Заснешь —
один.
Печалишься —
один.
На этой лучшей из планет,
разорванной, как нерв,
законов —
нет,
знакомых —
нет
и незнакомых —
нет.
Нет на Земле
на все края,
на длинные года

ни захудалого кота,
ни пса,
ни воробья.
Все выметено.
Все мертво.
От сквозняков
храпя,
пустые станции метро
ждут
одного тебя.
И этот мир не обратим,
никем не обратим.
Поешь —
один.
Идешь —
один.
И видишь сны —
один.
Ты сам —
на шесть материков, —
в дожди,
в жару,
в снега, —
на все моря без берегов,
на пароходы без гудков,
на телефоны без звонков.

(И даже нет
врага.)
Ты сам —
на двадцать первый век…
«Не надо!!
Чур-чура!!.»
Зачем кричишь,
о человек?
Ведь ты молчал
вчера.

7. Пример для подражания

Мы тоже
для кого-то
были будущими.
Грядущими.
Идущими на смену.
Решительной эпохою
разбуженные
для славы и любви.
Для слез и смеха…
Мы тоже
будем прошлыми.
Давнишними.
Несбыточными,
как ушедший поезд.

Подернутыми дымкой.
В меру —
книжными.
И с этим,
к сожаленью,
не поспоришь…
Хочу понять
без позы и без паники,
случайности
не называя глупыми, —
как после смерти
рядовые бабники
становятся
«большими жизнелюбами»!
Послушайте!
С ума сошли вы,
что ли?!
«Биограф»
усмехается нелепо
и говорит,
задергивая шторы:
— А это проще
всем известной репы.
Кричать и волноваться нет резона…
Политикою
высшею

ужалены,
мы,
если хочешь,
из твоей персоны
сообразим
«пример для подражанья»…
Итак, начнем:
ты был
хорошим сыном.
Зачитывался книжками о войнах.
Завидовал решительным и сильным.
Любил кино,
повидло
и животных…
— Но это все вранье!!
— Поди доказывай…
— Я жил!
Я сомневался!..
— Это — лишнее…
Во имя воссозданья
нужной
личности
тебе сомненья
противопоказаны!
Чтоб от событий в жизни было тесно,
нужны иные меры

и масштабы.
Ты даже не почувствуешь,
как станут
заклятые враги —
друзьями детства…
Твой фотоснимок
мы подретушируем.
В усталые глаза
добавим бодрости.
Чуть-чуть подтянем губы
(так — решительней).
Исправим лоб
(он был
не в той пропорции)…
Итак,
ты жил.
Ты презирал богатство.
Читал газеты,
плача и ликуя…
Твоя жена
(приходится вторгаться) —
немножечко не та…
Найдем другую.
— Зачем другая
мертвому?!
— Все правильно…

— Я протестую!
Слышите?!
— Помалкивай!
И, кстати, знай:
для живости характера
ты увлекался
теннисом и марками…
— При чем тут теннис?!
— Объясняем вкратце:
считай его
побочным сверхзаданьем.
Сейчас проходят игры.
Кубок Наций.
А мы пока что
в теннисе
не тянем…
Теперь ты чист
идейно
и морально.
Переосмыслен.
Виден издалека…
Был худосочным?
Стал
почти Гераклом.
Злопамятным?
А стал

милей теленка…
Теперь ты
на трибунах и эстрадах.
Теперь ты —
как Аллах для правоверных.
Теперь твои портреты
на тетрадях,
на клюкве в сахаре
и на конвертах.
Ты —
идол.
Ты —
безумие повальное!..
Твой бюст переходящий
заслужила
во всепланетном
гранд-соревновании
седьмая
пионерская
дружина.
Твои черты становятся разбухшими.
Возрадуйся,
что ходишь в призовых!..

…А знаете,
мы тоже
были будущими.

Не надо нас придумывать.
Живых.

8. Городской романс

Я — как город.
Огромный город.
Может,
ближний.
А может,
дальний…
Города
на приезжий гомон
поворачиваются площадями.
Поворачиваются,
охмуряют
главной улицей,
главной набережной,
Речкой —
будто хвостом —
виляют.
Рассыпаются
в речи набожной.
В них тепло,
торжественно,
солнечно!
Есть

Центральный проспект,
а поблизости:
Площадь Юмора,
Площадь Совести,
Дом Спокойствия,
Дом Справедливости…
А дома —
просторны,
дома —
легки.
Все продумано.
Целенаправленно…

Я — как город.
Но есть в городах
тупики.
Прокопченные
есть
окраины.
Там на всех углах
темнота хрипит.
Там плакатами
дыры
заделаны.
Равнодушный тупик.
Усталый тупик.
Дом Бездельничанья.

Дом Безденежья…
Никого
нет на этих улочках.
Страшновато с ними знакомиться:
тупики не тупые —
умничают.
Тупики не тупые —
колются.
А дворы
заборами скручены.
Дождь лоснится
на кучах мусора…
Знаю, что идет реконструкция.
Жаль,
что медленно.
Жаль,
что муторно…
Ты до площади
успей — добеги!
Осторожнее
разберись в душе.
Не ходи в тупики.
Забудь тупики!
Я и сам бы забыл,
да поздно уже!..
Вот опять слова

немотой свело.
Невесомы они
донельзя…

Я — как город.
Тебе в нем
всегда светло.
Как на выезде из тоннеля.

9. Еще несколько слов от автора

Что ж,
пока туристы
и ученые
не нашли Земли Обетованной, —
надо жить
на этой самой,
чертовой,
ласковой,
распаханной,
кровавой.
Надо верить
в судьбы и традиции.
Только пусть
во сне и наяву
жжет меня,
казнит меня
единственно

правильный вопрос:
«Зачем
живу?»
Пусть он возвышается,
как стража
на порогах будущей строки.
Пусть глядит безжалостно.
Бесстрашно.
Пусть кричит!
Хватает за грудки!
Пусть он никогда
во тьму
не канет.
Пусть он не отходит
ни на шаг.
Пусть он, как проклятье,
возникает
в стыдно пламенеющих
ушах!
Пусть он разбухает,
воспаляясь,
в путанице
неотложных дел.
Пусть я от него
нигде не спрячусь,
даже если б

очень захотел!
Пусть я камнем стану.
Онемею.
Зашатаюсь.
Боль превозмогу.
Захочу предать —
и не сумею.
Захочу солгать —
и не смогу.
Буду слышать
в бормотанье ветра,
в скрипе половиц,
в молчанье звезд,
в шелесте газет,
в дыханье века
правильный вопрос:
«Зачем
живешь?»

10. Ах, дети…

Всегда был этот жребий обманчив…
Гоняет кошек
будущий лирик.
Час пробил!
И решается мальчик
поэзию

собой
осчастливить.
Решает вдохновенно и срочно
засесть
за стихотворную повесть…
Пока не написал он
ни строчки,
я говорю:
хороший,
опомнись!..
Литература —
штука такая:
ее
который век
поднимают.
В литературе
все понимают —
хоть сто прудов
пруди
знатоками!.
Живем,
с редакторами торгуясь,
читательским речам
не переча.
Как говорил
философ Маргулис:

«Причесанным —
немножко полегче…»
А мальчики
не знают про это!
И главное —
узнают не скоро…
Ах, дети,
не ходите
в поэты.
Ходите лучше
в гости
и в школу…
Как в очереди:
первый,
последний…
Как в хоре:
басовитый,
писклявый…
Шагаем,
спотыкаясь о сплетни,
в свои дома,
где стены —
стеклянны…
Зеленым
пробавляемся
зельем…

Скандалы называем
везеньем.
Уже умеем пить —
как Есенин.
Еще б теперь писать —
как Есенин…
А мальчики
не знают про это!
А мальчики
придумали скверно…
Ах, дети,
не ходите
в поэты.
Ходите лучше
в парки
и скверы…
Я б эту землю милую
проклял!
Повесился бы,
честное слово!..
Но светится,
дрожа над порогом,
улыбка Михаила Светлова.
В любом из нас
ее повторенье.
В любом из нас

бормочет и стонет
наивное
высокое время.
Где стоит
жить.
И рыпаться
стоит!..
Был мальчик
либо ябедой,
либо
родителей
не слушался мальчик…
Ах, дети,
не играйте в верлибры.
Играйте лучше
в куклы и мячик.

11. И опять несколько слов от автора

Но, с грядущими дыша заодно,
я зверею
от сусальных картин.
Будет так,
как будет.
Так,
как должно.
Так,

как сделаем.
И как захотим.
Мне занятно думать,
что когда-нибудь
поразмыслив
над бумагой немой,
наш невиданный,
неслыханный путь
обозначат
восходящей
прямой!

12. Постскриптум

Будут тигры —
в клеточку,
а слоны —
в полоску.
И любому
ленточку
подберут по росту…
Сом зааплодирует
снегозадержанью.
Осам
опротивеет
незнакомых жалить!..
И — совсем не рады

бою
барабанному —
станут
генералы
в цирках подрабатывать…
Захмелев от счастья,
позабыв
тоску,
будет плавать
частик
в собственном
соку…
В переливах вальса, —
в ГУМе
и в высотном, —
будет продаваться
развесное солнце.
Жаркое,
весеннее!
Много!
Честь по чести…
Так что краска
серая
навсегда исчезнет.
(Даже мыши
серые

синими
покажутся.
И начнут рассеянно
с кошками
прохаживаться…)
Будет каждый
занят
делом
ненарочным.
Плюшевые зайцы
будут есть
мороженое.
Дождь, —
не затихая
час,
а может, два, —
будет лить
духами
«Красная Москва».
И над магазинами
все прочтут легко:
«Пейте стрекозиное
мо-
ло-
ко!..»
Будет море —

берегом.
Будет берег —
морем.
Будет холод —
бережным…
А дурак —
неможным!
Будет час —
как сутки.
В областях Союза
от безделья
судьи
и врачи
сопьются!
Будут звезды —
ульями.
Будут страхи —
вздорными.
И воскреснут умные.
И проснутся добрые.
И планеты
скачущие
ахнут
озадаченно!..

А боятся сказочников
только

неудачники.

Реквием

Памяти наших отцов и старших братьев, памяти вечно молодых солдат и офицеров Советской Армии, павших на фронтах Великой Отечественной войны.

1

Вечная
слава
героям!
Вечная слава!
Вечная слава!
Вечная
слава
героям!
Слава героям!
Слава!!

...Но зачем она им,
эта слава, —
мертвым?
Для чего она им,
эта слава, —
павшим?
Все живое —

спасшим.
Себя —
не спасшим.
Для чего она им,
эта слава, —
мертвым?..
Если молнии
в тучах заплещутся жарко,
и огромное небо
от грома
оглохнет,
если крикнут
все люди
земного шара, —
ни один из погибших
даже не вздрогнет.
Знаю:
солнце
в пустые глазницы
не брызнет!
Знаю:
песня
тяжелых могил
не откроет!
Но от имени
сердца,

от имени
жизни,
повторяю!
Вечная
Слава
Героям!..
И бессмертные гимны,
прощальные гимны
над бессонной планетой
плывут
величаво…
Пусть
не все герои, —
те,
кто погибли, —
павшим
вечная слава!
Вечная
слава!!

Вспомним всех поименно,
горем
вспомним
своим…
Это нужно —
не мертвым!
Это надо —

живым!
Вспомним
гордо и прямо
погибших в борьбе…

Есть
великое право:
забывать
о себе!
Есть
высокое право:
пожелать
и посметь!..
Стала
вечною славой
мгновенная
смерть!

2

Разве погибнуть
ты нам завещала,
Родина?
Жизнь
обещала,
любовь
обещала,
Родина.

Разве для смерти
рождаются дети,
Родина?
Разве хотела ты
нашей
смерти,
Родина?

Пламя
ударило в небо! —
ты помнишь,
Родина?
Тихо сказала:
«Вставайте
на помощь...»
Родина.
Славы
никто у тебя не выпрашивал,
Родина.
Просто был выбор у каждого:
я
или
Родина.

Самое лучшее
и дорогое —
Родина.

Горе твое —
это наше
горе,
Родина.

Правда твоя —
это наша
правда,
Родина.
Слава твоя —
это наша
слава,
Родина!

3

Плескалось
багровое знамя,
горели
багровые звезды,
слепая пурга
накрывала
багровый от крови
закат,
и слышалась
поступь
дивизий,
великая поступь

дивизий,
железная поступь
дивизий,
точная
поступь
солдат!
Навстречу раскатам
ревущего грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.
На наших знаменах
начертано
слово:
Победа!
Победа!!
Во имя Отчизны —
победа!
Во имя живущих —
победа!
Во имя грядущих —
победа!
Войну
мы должны сокрушить.
И не было гордости
выше,
и не было доблести

выше —
ведь кроме
желания выжить
есть еще
мужество
жить!
Навстречу раскатам
ревущего грома
мы в бой поднимались
светло и сурово.
На наших знаменах
начертано слово
Победа!
Победа!!

4

Черный камень,
черный камень,
что ж молчишь ты,
черный камень?

Разве ты
хотел такого?
Разве ты
мечтал когда-то
стать надгробьем
для могилы

Неизвестного
солдата?
Черный камень.
Что ж молчишь ты,
черный камень?..

Мы в горах
тебя
искали.
Скалы
тяжкие
дробили.
Поезда в ночах
трубили.
Мастера в ночах
не спали,
чтобы
умными руками
чтобы
собственною
кровью
превратить
обычный камень
в молчаливое
надгробье…

Разве камни

виноваты
в том,
что где-то
под землею
слишком долго
спят солдаты?
Безымянные
солдаты.
Неизвестные
солдаты…

А над ними
травы сохнут,
А над ними
звезды меркнут.
А над ними
кружит
беркут
и качается
подсолнух.
И стоят над ними
сосны.
И пора приходит
снегу.
И оранжевое солнце
разливается
по небу.

Время
движется над ними…

Но когда-то,
но когда-то
кто-то в мире
помнил
имя
Неизвестного
солдата!
Ведь еще
до самой смерти
он имел друзей
немало.
Ведь еще
живет на свете
очень старенькая
мама.
А еще была
невеста.
Где она теперь —
невеста?..
Умирал солдат —
известным.
Умер —
Неизвестным.

5

Ой, зачем ты,
солнце красное,
все уходишь —
не прощаешься?
Ой, зачем
с войны безрадостной,
сын,
не возвращаешься?
Из беды
тебя я выручу,
прилечу
орлицей быстрою…
Отзовись,
моя кровиночка!
Маленький.
Единственный…

Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зернышко мое,
Зорюшка моя.
Горюшко мое, —

где ж ты?
Не могу найти дороженьки,
чтоб заплакать
над могилою…
Не хочу я
ничегошеньки —
только сына
милого.
За лесами моя ластынька!
За горами —
за громадами…
Если выплаканы
глазыньки —
сердцем
плачут матери.
Белый свет
не мил.
Изболелась я.
Возвратись,
моя надежда!
Зернышко мое,
Зорюшка моя.
Горюшко мое, —
где ж ты?

Когда ты, грядущее?
Скоро ли?
В ответ на какую
боль?..

Ты видишь:
самые гордые
вышли на встречу
с тобой.
Грозишь
частоколами надолб.
Пугаешь
угластыми кручами…
Но мы
поднимем себя
по канатам,
из собственных нервов
скрученных!
Вырастем.
Стерпим любые смешки.
И станем
больше
богов!..
И будут дети
лепить снежки
из кучевых
облаков.

7

Это песня
о солнечном свете,
это песня
о солнце в груди.
Это песня о юной планете,
у которой
все впереди!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся
павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

Устремленные к солнцу побеги,
вам
до синих высот вырастать.
Мы —
рожденные песней победы —

начинаем
жить и мечтать!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.
Именем жизни
клянемся
павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

Торопитесь,
веселые весны!
Мы погибшим на смену
пришли.
Не гордитесь,
далекие звезды, —
ожидайте
гостей
с Земли!
Именем солнца,
именем Родины
клятву даем.

Именем жизни
клянемся
павшим героям:
то, что отцы не допели, —
мы
допоем!
То, что отцы не построили, —
мы
построим!

8

Слушайте!
Это мы
говорим.
Мертвые.
Мы.
Слушайте!
Это мы
говорим.
Оттуда.
Из тьмы.
Слушайте!
Распахните глаза.
Слушайте до конца.
Это мы
говорим,

мертвые.
Стучимся
в ваши
сердца…

Не пугайтесь!
Однажды
мы вас потревожим во сне.
Над полями
свои голоса пронесем в тишине.
Мы забыли,
как пахнут цветы.
Как шумят тополя.
Мы и землю
забыли.
Какой она стала,
земля?
Как там птицы?
Поют на земле
без нас?
Как черешни?
Цветут на земле
без нас?
Как светлеет
река?
И летят облака
над нами?

Без нас.

Мы забыли траву.
Мы забыли деревья давно.
Нам
шагать по земле
не дано.
Никогда не дано!
Никого не разбудит
оркестра
печальная
медь…
Только самое страшное, —
даже страшнее,
чем смерть:
знать,
что птицы
поют на земле
без нас!
Что черешни
цветут на земле
без нас!
Что светлеет
река.
И летят облака
над нами.
Без нас.

Продолжается жизнь.
И опять
начинается день.
Продолжается жизнь.
Приближается
время дождей.
Нарастающий ветер
колышет
большие хлеба.
Это —
ваша судьба.
Это —
общая наша
судьба…
Так же птицы
поют на земле
без нас.
И черешни
цветут на земле
без нас.
И светлеет
река.
И летят облака
над нами.
Без нас…

Я
не смогу.
Я
не умру...

Если
умру —
стану
травой.
Стану
листвой.
Дымом костра.
Вешней землей.
Ранней звездой.

Стану волной,
пенной
волной!
Сердце
свое
вдаль
унесу.
Стану
росой,
первой грозой,
смехом
детей,

эхом
в лесу…
Будут в степях
травы
шуметь.
Будет стучать
в берег
волна…

Только б
допеть!
Только б
успеть!
Только б
испить
чашу
до дна!
Только б
в ночи
пела
труба!

Только б
в полях
зрели
хлеба!..
Дай мне

ясной жизни,
судьба!
Дай мне
гордой смерти,
судьба!

10

Через века,
через года, —
помните!
О тех,
кто уже не придет
никогда, —
помните!

Не плачьте!
В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте
достойны!
Вечно
достойны!

Хлебом и песней,

Мечтой и стихами,
жизнью
просторной,
каждой секундой,
каждым дыханьем
будьте
достойны!
Люди!
Покуда сердца
стучатся, —
помните!
Какою
ценой
завоевано счастье, —
пожалуйста,
помните!

Песню свою
отправляя в полет, —
помните!
О тех,
кто уже никогда
не споет, —
помните!

Детям своим
расскажите о них,

чтоб
запомнили!
Детям
детей
расскажите о них,
чтобы тоже
запомнили!
Во все времена
бессмертной
Земли
помните!
К мерцающим звездам
ведя корабли, —
о погибших
помните!
Встречайте
трепетную весну,
люди Земли.
Убейте
войну,
прокляните
войну,
люди Земли!

Мечту пронесите
через года
и жизнью

наполните!..
Но о тех,
кто уже не придет
никогда, —
заклинаю, —
помните!

Алешкины мысли
Внуку Алексею

Стихи эти родились не так давно. Родились после того, как у меня появился внук. Назвали его Алешей, и он сразу же стал самым главным человеком в нашей большой семье. Конечно, сначала он, как и все дети, ничего не говорил. Только плакал иногда, а еще — улыбался. Но пришло время, и однажды он произнес слово «мама». Потом — «дай». Потом — «папа», «баба», «деда». «Деда» — это я. Но говорил он до поры не слишком много. И я его понимаю, ведь настоящие мужчины, в отличие от настоящих женщин, говорят лишь тогда, когда им есть, что сказать. Так что Алешка больше ползал, пыхтел, что-то строил из кубиков, а чаще всего просто сидел, внимательно смотрел вокруг и думал. Думал много, хмурился и улыбался своим мыслям, однако выразить их, конечно, еще не умел, не мог. Вот тогда-то я и

решил помочь ему, — написать стихи от его имени. Можно считать, что эти стихи мы сочинили вдвоем, четко распределив свои обязанности: Алешка — думал, а я — писал.

1

Значит, так:
завтра нужно ежа отыскать,
до калитки на левой ноге проскакать,
и обратно — на правой ноге — до крыльца,
макаронину спрятать в карман
(для скворца!),
с лягушонком по-ихнему поговорить,
дверь в сарай
самому попытаться открыть,
повстречаться, побыть с дождевым червяком, —
он под камнем живет,
я давно с ним знаком…
Нужно столько узнать,
нужно столько успеть!
А еще —
покричать, посмеяться, попеть!
После
вылепить из пластилина коня…

Так что вы разбудите пораньше

меня!

2

Это ж интересно прямо:
значит, у мамы есть мама?!
И у этой мамы — мама?!
И у папы — тоже мама?!
Ну, куда ни погляжу,
всюду мамы,
мамы,
мамы!
Это ж интересно прямо!..

А я опять
один сижу.

3

Если папа бы раз в день
залезал бы под диван,
если мама бы раз в день бы
залезала под диван,
если бабушка раз в день бы
залезала под диван,
то узнали бы,
как это интересно!!

4

Мне на месте не сидится.
Мне — бежится!
Мне — кричится!
Мне — играется,
рисуется,
лазается и танцуется!
Вертится,
ногами дрыгается,
ползается и подпрыгивается.
Мне — кривляется,
дурачится,
улыбается и плачется,
ерзается и поется,
падается
и встается!
Лично
и со всеми вместе
к небу
хочется взлететь!
Не сидится мне
на месте…
А чего на нем
сидеть?!

5

«Комары-комары-комарики,

не кусайте меня!
Я же — маленький!..»
Но летят они,
и жужжат они:
«Сильно сладкий ты…
Извини».

6

Со мною бабушка моя,
и, значит, главный в доме —
я!..
Шкафы мне можно открывать,
цветы кефиром поливать,
играть подушкою в футбол
и полотенцем чистить пол.
Могу я есть руками торт,
нарочно
хлопать дверью!..

А с мамой
это не пройдет.
Я уже проверил.

7

Я иду по хрустящему гравию
и тащу два батона торжественно.
У меня и у папы правило:

помогать
этим слабым женщинам.
От рождения
крест наш таков…
Что они без нас —
мужиков!

8

Пока меня не было,
взрослые
чего только не придумали!
Придумали снег
с морозами,
придумали море
с дюнами.
Придумали кашу вкусную,
ванну
и мыло пенное.
Придумали песню грустную,
которая —
колыбельная.
И хлеб с поджаристой коркою!
И елку
в конце декабря!..

Вот только
лекарства горькие

они придумали
зря!

9

Мой папа большой,
мне спокойно с ним,
мы под небом шагаем все дальше и дальше…
Я когда-нибудь
тоже стану большим.
Как небо.
А может, как папа даже!

10

Все меня настырно учат —
от зари и до зари:
«Это — мама…
Это — туча…
Это — ложка…
Повтори!..»
Ну, а я в ответ молчу.
Или — изредка — мычу.
Говорить я
не у-ме-ю,
а не то что —
не хочу…

Только это все — до срока!

День придет,
чего скрывать, —
буду я ходить
и громко
все на свете
называть!
Назову я птицей — птицу,
дымом — дым,
травой — траву.
И горчицею — горчицу,
вспомнив,
сразу назову!..
Назову я домом — дом,
маму — мамой,
ложку — ложкой...
«Помолчал бы ты немножко!..» —
сами скажете
потом.

11

Мне сегодня засыпается
не очень.
Темнота в окно крадется сквозь кусты.
Каждый вечер
солнце прячется от ночи...
Может,

тоже боится
темноты?

12

Собака меня толкнула,
и я
собаку толкнул.
Собака меня лизнула,
и я
собаку лизнул.
Собака вздохнула громко.

А я
собаку погладил,
щекою прижался к собаке,
задумался
и уснул.

13

В сарай, где нету света,
я храбро заходил!
Ворону со двора
прогнал отважно!..
Но вдруг приснилось ночью,
что я
совсем один.
И я заплакал.

Так мне стало страшно.

14

Очень толстую книгу сейчас я,
попыхтев,
разобрал на части.
Вместо книги толстой
возник
целый поезд
из тоненьких книг!..

У меня,
когда книги читаются,
почему-то всегда разлетаются.

15

Я себя испытываю —
родителей
воспитываю.

«Сиди!..» —
а я встаю.
«Не пой!..» —
а я пою.
«Молчи!..» —
а я кричу.
«Нельзя!..» —

а я хо-чу-у!!
После этого всего
в доме
что-то нарастает…

Любопытно,
кто кого
в результате воспитает?

16

Вся жизнь моя (буквально вся!)
пока что —
из одних «нельзя»!
Нельзя крутить собаке хвост,
нельзя из книжек строить мост
(а может, даже — замок
из книжек
толстых самых!)

Кран у плиты нельзя вертеть,
на подоконнике сидеть,
рукой огня касаться,
ну, и еще — кусаться.

Нельзя солонку в чай бросать,
нельзя на скатерти писать,
грызть грязную морковку
и открывать духовку.

Чинить электропровода
(пусть даже осторожно)...

Ух, я вам покажу, когда
все-все
мне будет можно!

17

Жду
уже четыре дня,
кто бы мне ответил:
где я был,
когда меня
не было
на свете?

18

Есть такое слово —
«горячо!»
Надо дуть,
когда горячо,
и не подходить
к горячо.
Чайник зашумел —
горячо!
Пироги в духовке —
горячо!..

Над тарелкой пар —
орячо!..

...А «тепло» —
это мамино плечо.

19

Высоко на небе —
туча,
чуть пониже тучи —
птица,
а еще пониже —
белка,
и совсем пониже —
я...
Эх бы, прыгнуть
выше белки!
А потом бы —
выше птицы!
А потом бы —
выше тучи!
И оттуда крикнуть:
«Э-э-э-эй!!»

20

Приехали гости.
Я весел и рад.

Пьют чай
эти гости,
едят мармелад.
Но мне не дают
мармелада.

...Не хочется плакать,
а —
надо!

21

Эта песенка проста:
жили-были два кота —
черный кот и белый кот —
в нашем доме.
Вот.
Эта песенка проста:
как-то ночью два кота —
черный кот и белый кот —
убежали!
Вот.

Эта песенка проста:
верю я, что два кота —
черный кот и белый кот —
к нам вернутся!
Вот.

22

Ничего в тарелке не осталось.
Пообедал я.
Сижу. Молчу…
Как же это мама догадалась,
что теперь я
только спать хочу?!

23

Дождик бежит по траве
с радугой
на голове!
Дождика я не боюсь,
весело мне,
я смеюсь!
Трогаю дождик рукой:
«Здравствуй!
Так вот ты какой!..»
Мокрую глажу траву…

Мне хорошо!
Я — живу.

24

Да, некоторые слова
легко

запоминаются.
К примеру,
есть одна трава, —
крапивой
называется...

Эту
вредную траву
я, как вспомню,
так реву!

25

Эта зелень до самых небес
называется тихо:
Лес-с-с...
Эта ягода слаще всего
называется громко:
О-о-о!
А вот это косматое,
черное
(говорят,
что очень ученое),
растянувшееся среди трав,
называется просто:
Ав!

26

Я только что с постели встал
и чувствую:
уже устал!!
Устал всерьез, а не слегка.
Устала
правая щека,
плечо устало,
голова...

Я даже заревел сперва!
Потом, подумав,
перестал:
да это же я спать
устал!

27

Я, наверно, жить спешу, —
бабушка права.
Я уже произношу
разные
слова.
Только я их сокращаю,
сокращаю,
упрощаю:
до свиданья —
«данья»,
машина —

«сина»,
большое —
«шое»,
спасибо —
«сиба»...

Гости к нам вчера пришли,
я был одет красиво.
Гостей я встретил и сказал:
«Данья!..
Шое сиба!..»

28

Я вспоминал сегодня прошлое.
И вот о чем
подумал я:
конечно,
мамы все — хорошие.
Но только лучше всех —
моя!

29

Виноград я ем,
уверенно держу его в горсти.
Просит мама,
просит папа,
просит тетя:

«Угости!..»
Я стараюсь их не слышать,
мне их слышать не резон.
«Да неужто наш Алеша — жадный?!
Ах, какой позор!..»
Я не жадный, я не жадный,
у меня в душе разлад.
Я не жадный!
Но попался очень вкусный виноград!..
Я ни капельки не жадный!
Но сперва наемся сам…
…Если что-нибудь останется,
я все другим отдам!

Автобиография

Автобиографии писать трудно. Особенно для книги. Потому что здесь биография всегда выглядит как подведение каких-то итогов. И всегда представляешь себе этакого умудренного опытом седовласого старца, который хочет на своем примере учить других.

Говорю заранее: то, что я пишу, — ни в коем случае не подведение итогов. И я не умудрен жизненным опытом. Даже как-то наоборот. Каждый новый день удивителен и неповторим. И самое главное, самое важное, что к этой удивительности нельзя привыкнуть.

И потом биография любого человека всегда связана с биографией страны. Связана необычно прочно. И порой бывает очень трудно выделить что-то сугубо личное, свое, неповторимое.

Автобиографию писать трудно еще и потому, что вся она (или почти вся) в стихах. Плохо ли, хорошо ли, но поэт всегда говорит в стихах о себе, о своих мыслях, о своих чувствах. Даже когда он пишет о космосе.

Итак, автобиографию писать трудно, так что,

возможно, у меня ничего и не выйдет. Но… рискну.

Я родился в 1932 году в селе Косиха, Алтайского края. Это в Сибири, довольно близко от Барнаула. Мать у меня — врач, отец — военный. Мы переехали в Омск — большой город на берегу Иртыша. С этим городом связаны мои самые первые детские впечатления. Их довольно много. Но самое большое — война. Я уже окончил первый класс школы и в июне сорок первого жил в пионерском лагере под Омском.

Отец и мать ушли на фронт. Даже профессиональные военные были убеждены, что «это» скоро кончится. А что касается нас, мальчишек, так мы были просто в этом уверены. Во всяком случае, я написал тогда стихи, в которых, помню, последними словами ругал фашистов и давал самую торжественную клятву поскорее вырасти. Стихи были неожиданно напечатаны в областной газете (их туда отвез наш воспитатель). Свой первый гонорар (что-то около тринадцати рублей) я торжественно принес первого сентября в школу и отдал в фонд Обороны. (Наверное, это тоже повлияло на благоприятный исход войны.) Клятву насчет вырасти было выполнить довольно сложно. Вырасталось медленно. Медленнее,

чем хотелось. Война затягивалась. Да и росла она вместе с нами. Для нас, пацанов, она была в ежедневных сводках по радио, в ожидании писем с фронта, в лепешках из жмыха, в цветочных клумбах на площади, раскопанных под картошку.

А потом — уже в конце — она была еще и в детских домах, где тысячи таких, как я, ждали возвращения родителей. Мои — вернулись. Точнее — взяли меня к себе.

Были бесчисленные переезды с отцом по местам его службы. Менялись города, менялись люди вокруг. Менялись школы, в которых я учился. Стихи писал все это время. Никуда не посылал. Боялся. Но тем не менее читал их на школьных вечерах, к умилению преподавателей литературы. Узнал, что в Москве существует Литературный институт, мечтал о нем, выучил наизусть правила приема. После школы собрал документы, пачку стихов и отослал все это в Москву.

Отказали. Причина: «Творческая несостоятельность». (Между прочим, правильно сделали. Недавно я смог посмотреть эти стихи в архивах Литинститута. Ужас! Тихий ужас!)

Решил махнуть рукой на поэзию. Поступил учиться в университет города Петрозаводска. Почти с головой ушел в спорт. «Достукался» по

первых разрядов по волейболу и баскетболу. Ездил на всяческие соревнования, полностью ощутил азарт и накал спортивной борьбы. Это мне нравилось. И казалось, что все идет прекрасно, но… Махнуть рукой на стихи не удалось.

Со второй попытки в Литературный институт я поступил. И пять лет проучился в нем. Говорят, что студенческая пора — самая счастливая пора в жизни человека. Во всяком случае, время, проведенное в институте, никогда не забудется. Не забудется дружба тех лет. Лекции, семинары. И поездки. Снова — очень много поездок. Так, например, мне посчастливилось побывать на Северном полюсе, на одной из наших дрейфующих станций.

С какими парнями я познакомился там! Без всякого преувеличения — первоклассные ребята! В основном — молодые, умные, очень веселые. Работа зимовщиков трудна и опасна, а эти — после работы вваливались в палатки и оттуда еще долго шел такой громыхающий смех, что случайные белые медведи, которые подходили к лагерю, — безусловно шарахались в сторону.

Станция состояла из девяти домиков. Стояли они на льдине, образуя улицу: четыре с одной стороны, пять — с другой. Я помню общее собра-

ние полярников, — очень бурное и длинное: на нем самой северной улице в мире давалось имя. Можете представить, что это было за собрание! Хохотали до слез, до хрипоты, до спазмов. Хохотали, не переставая. Юмор проснулся даже в самых сдержанных и суровых «полярных волках».

Какой-то остряк-летчик привез из Москвы номера, которые вешаются на домах в столице. Потом авиационный штурман с помощью каких-то хитрых приборов точно определял, какая сторона улицы является четной, а какая — нечетной. Номера были торжественно прибиты к домикам, и на каждом из них мы написали название улицы: «Дрейфующий проспект». Так я и назвал одну из своих книжек. Их у меня вышло десять начиная с 1955 года. Я писал стихи и поэмы. Одна из поэм «Реквием» — особенно дорога мне.

Дело в том, что на моем письменном столе давно уже лежит старая фотография. На ней изображены шесть очень молодых, красивых, улыбающихся парней. Это — шесть братьев моей матери. В 1941 году самому младшему из них было 18 лет, самому старшему — 29. Все они в том же самом сорок первом ушли на фронт. Шестеро. А с фронта вернулся один. Я не помню, как эти

ребята выглядели в жизни. Сейчас я уже старше любого из них. Кем бы они стали? Инженерами? Моряками? Поэтами? Не знаю. Они успели только стать солдатами. И погибнуть.

Примерно такое же положение в каждой советской семье. Дело не в количестве. Потому что нет таких весов, на которых можно было бы взвесить горе матерей. Взвесить и определить — чье тяжелее.

Я писал свой «Реквием» и для этих шестерых, которые до сих пор глядят на меня с фотографии. Писал и чувствовал свой долг перед ними. И еще что-то: может быть, вину. Хотя, конечно, виноваты мы только в том, что поздно родились и не успели участвовать в войне. А значит, должны жить. Должны. За себя и за них.

Вот, собственно, и вся биография. По-прежнему пишу стихи. По-прежнему много езжу. И по нашей стране, и за рубежом.

Могут спросить: а для чего поездки? Зачем они поэту? Не лучше ли, как говорится, «ежедневно отправляться в путешествие внутри себя»? Что ж, такие «внутренние поездки» должны происходить и происходят постоянно. Но все ж таки, по-моему, их лучше совмещать с поездками во времени и пространстве.

Относительно годов, которые «к суровой прозе клонят». Пока не клонят. Что будет дальше — бог его знает. Хотя и бог не знает. Поскольку его нет.

Я женат. Жена, Алла Киреева, вместе со мной окончила литературный институт. По профессии она — критик. (Так что вы можете представить, как мне достается! Вдвойне!)

Что еще? А еще очень хочу написать настоящие стихи. Главные. Те, о которых думаю все время. Я постараюсь их написать. Если не смогу — будет очень обидно.

1980-е